

Мы очень смешная книга!

Михаил Успенский

Белый хрен в конопляном поле

Человечество ждет
счастливый конец!

Михаил Успенский

Белый хрен
в конопляном поле

Человечество ждет
счастливый конец!

Москва
«ЭКСМО»
2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
У 77

Оформление художника С. Ляха

Успенский М. Г.
У 77 Белый хрен в конопляном поле: Фантастический роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 384 с.

ISBN 5-699-09982-4

Славный богатырь Жихарь вдоволь настранировался по белу свету, подвигов поначудил, читающую братию повеселил. Настала очередь помериться с ним молодецкой удалью и лыцарским благородством королю посконскому Стремглаву Бесшабашному и его сыновьям-неразлучникам принцам Тихону и Терентию.

Наукой доказано, что одна минута смеха продлевает жизнь на целых десять. Попробуйте посчитать, какой могучий жизненный резерв содержится в блестящем романе Михаила Успенского!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-09982-4

© Успенский М. Г., 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Если спросите, откуда
Эти сказки и легенды,
Я отвечу очень просто,
Безыскусно и доступно.
Это свалка древних мифов,
Это кладбище сюжетов,
Крематорий древних баек
И увядших архетипов,
Где изысканная правда
Бородатых анекдотов
Столь причудливо смешалась
С грубой выдумкой суповой,
А разнуданная скромность —
С порнографией стыдливой,
А нечаянная радость —
С ожидаемой бедою,
Где и магия доступна,
И религия забыта,
И наука постижима,
И проста литература,
Между тем как жизнь сплошною
Представляется загадкой,
Над которой до смерти
Бьется сердце человечье.

Если спросите, откуда
Эти древние сказанья,
Я скажу вам, я отвечу.
Я отвечу:

ОТ ВЕРБЛЮДА!

«Кайн! Кайн! Кайн! Спроси брата своего Авеля: не болят ли у него зубы?» — «Нет».

Так бы у раба Божьего (имярек) не болели.

Заговор на зубную боль

Ничего нельзя утверждать с уверенностью. Например, мы до сих пор не знаем, действительно ли существовал композитор Глюк или он только примерещился своим современникам?

Доктор Л.С. Ди

Часть ПЕРВАЯ

Мужицкий король и Эльфийская королева

Глава 1,

которая стоит не на своем месте исключительно с целью заинтриговать читателя

— Эбъен, мон прынц! Де ля хренови! Аля улю, сама рулю. У ково чево боли! Кому ворожи, кому на печи лежи. Тебе калачи, покуль горячи. Врагу — не могу. Врачу — не хочу. Казна скудна!

Так говорила пятого числа в короеде месяце 1999 года от Восхода известная фрейлина и приближенная королевы Алатиэли, почтенная мадам Инженю, она же бабка Чумазея, всякому встречному и попречному. Чумазея воображала, что говорит по-бонжурски, как и полагается всякой уважающей себя придворной даме. Она думала, что коли подбирать все слова с ударением на последнем слоге, то и выйдет настоящий бонжурский язык вместо исконного посконского, которому не место при дворе короля Стремглава Первого.

Фрейлина она была не взаправдашняя, как и большинство придворных, которые тоже не очень-то умели объясняться по-бонжурски.

Лучше всех владел этим языком сам король Стремглав Первый, но и он был король не взаправдашний, потому что в Посконии никаких королей отроду не водилось, а водились только цари.

Да он, честно сказать, и царь-то был не настоящий. Разве настоящие цари-короли набирают себе придворных не по знатности рода, а по причине происхождения из одной с ним глухой деревни Новая Карга?

— Что ты несешь, страшилище преклоннолетнее? — зашипел король, услышав якобы бонжурскую речь. — Какой я тебе прынц? Я тебе, труперда старая, вотр мажести! По-нашему — ваше величество!

— А по-вашему — наше величество! — не растерялась фрейлина. — Для тебя же, окаянного, стараюсь, чтобы перед послами не опозорить!

— Я же тебе сказал, под лоскутную юбку роброн не надевать! — простонал король Стремглав Первый. — Не тебе ли для придворного платья отрез не-спанской парчи выдали?

— А вот как проживем всю казну, так и отрез сгодится! — не сдавалась бабка Чумазея. — Пусть в клети лежит — есть не просит!

— Чего приперлась-то? Пожар, что ли?

— Супруга твоя рожать изволит!

ПРОЛОГ

Три дива водилось в земле, Посконией именуемой.
 Первое диво — что ворота золотые.
 Другое диво — что храмы железные.
 Третье диво — что печи деревянные.

С тех пор золотые ворота пустили на золотую монету, а золото давно пропили.

Храмы железные перековали на доспехи да мечи.

Остались одни деревянные печи.

Изготавлять их наловчились из лени, поскольку долбить живое дерево много легче, нежели дикий камень.

Редкие иноземные путешественники, ночуя в нечастье по духовитым избам посконским, отмечали великое чудо: биться в тесной печурке огонь бьется, а вреда ей никакого не причиняет, хотя и тепла дает не слишком много.

Бывало, просили хозяина продать чудо-печь на вывоз; и продавали, и вывозили, предварительно пометив бревна, как это делают с избами и теремами, желая поставить их на новом месте.

Но на новых местах деревянные печи горели как миленькие, и оттого всех путешественников с тех пор заранее полагают лжецами, вральми, выдумщиками и загибальщиками.

Посконичи особенно гордились именно этим свойством своих печей. Что-что, а гордиться-то они умели.

Писано же было в летописи тех времен:

«Посконичи (многоборцы тож) бо бяху, живяху, уху едаху, всякому слуху внимаху, баб имаху, детей плодяху, поряху оных для страху, потом помираху, а еще они воеваху, мечами бряцаху, оружьем на солнце сверкаху, землю ораху, красного зверя стреляху, белую рыбу ловяху, всех ворогов на ухо посылаху, бляху-муху без пощади истребляху. Князья же посконские мужиков угнетаху, боляре заговоры сплетаху, приводя державу ко краху, а мужики, на груди рубаху порваху, против князьев восставаху, да за то

казнимы бываху, восходяху прямо на плаху. Посконские девки хороводы водяху, песни распеваху, венки по воде пускаху, на женихов гадаху. Воины же военному делу надлежащим образом учаху, всех мечом поражаху, стрелой прошиваху. Купцы денег наживаху, в рост их даваху, народ в кабалу забираху и лаяй...»

(Вот откуда, оказывается, рэп-то пошел! Не из-за моря!)

Ну не может летописец не приврать: никогда посконские купцы не лаяли — разве что во времена, когда собачье гавканье вдруг поднималось в цене.

С тех легендарных времен, восходящих еще к первому многоборскому князю Жупелу Кипучая Сера да к Жихарю-Самозванцу, земля сильно оскудела. Леса уже наполовину повырубили, реки своим ходом обмелели, белая рыба ушла искать, где бездна глубже, а красный зверь — где пуша гуще. Стольный город Столенград затеялись было обносить каменной стеной, возвели ее наполовину да и бросили: чай, не в Чайной Земле живем, которая от всех народов стену огородилась. Нечего скрывать было посконичам, жили они всем напоказ и наружу, и драным на-верх.

Старики говорили, что самозваный князь Жихарь не помер, а до сих пор скрывается в лесах вместе с верными людьми, чадами и домочадцами, а когда станет старой многоборской земле совсем уж невмоготу, тогда-то он, батюшка, и откроется, и спасет в нашествие, и накормит в голод. Многие даже в расчете на это строгали новые липовые ложки.

Нет такого народа на земле, чтобы не чаял спасения в лице вождей прежних лет, таящихся до срока в лесах, в пещерах, на дальних островах, где пребыва-

ют они в сонном состоянии до поры до времени. Но уж когда проснутся...

Соседи этим ожиданием пользовались: оттяпывали потихоньку посконские земли, с таким трудом собранные князем Жупелом и его потомками, которые веками вырождались-вырождались, да так и совсем выродились. Последний князь, вместо того чтобы заниматься державными делами, пускал кораблики по обмелевшим из-за вырубленных лесов рекам.

Народ терпел-терпел да и решился на самую отчаянную меру — отправил своих выборных за темные леса, в глубокие пещеры ко старцу Килострату за советом и мнением народным.

Старец Килострат лежал в гробу, да не в простом, а на семи колесах. Говорили, будто безлунными ночами он в этом гробу катается по всей Посконии, до смерти пугая разбойников и узнавая обо всем, что в земле Посконской творится, и нету для священного старца ни секрета, ни вопроса, ни тайны, ни загадки, ни даже самой проблемы.

Старец, покинув гроб и послушав посланцев народных, всплеснул худыми руками:

— Да что вы говорите? Да быть того не может! Ты смотри, что делается! Дивен мир, чудны люди!

Посланцы переглянулись с разочарованием: вот так всеведущий старец! Хотя он же безлунными ночами катается, когда обычно все в порядке бывает, а безобразия сокрыты тьмою.

Но старец быстро опомнился и манием руки усмирил маловеров.

— Ладно, ждет, ждет вашу страну великое, светлое будущее! — сварливо сказал Килострат. — Да только хрен дождется!

Посланцы возрыдали от обиды: как же это так —

ждем всем народом, а дождется только некоторое растение?

— Плачь, плачь, мой бедный, вечно мудрый народ! — еще подначил старец.

Рыдания загудели по всей пещере Килостратовой.

— Довольно рыдать, — пожалел их старец. — Одарю вас ради вашего убожества еще одним пророчеством: утешьтесь, не одних лишь посконичей, но и весь род людской ждет счастливый конец! Гостины вон туда покладите!

С этими словами премудрый Килострат воротился в свой чудной гроб и там испустил дух, да такой сильный, что иные попадали замертво. Оставшиеся понесли из пещеры сие драгоценное тайное знание всем людям.

Спасение пришло с другой стороны, откуда никто и не чаял.

Глава 2,

*в которой рассказывается, что такое царские знаки
(и автор советует читателю поискать таковые на себе)*

Отец у будущего короля был шорник.

Первенца своего он нарек Стремглавом и не ошибся: едва подросши, паренек носился по деревне так, словно вышиб перед тем с разбегу крепкую дубовую дверь и никак не может остановиться.

Доставалось ему за ревность, конечно, крепко. Да иначе и быть не может в доме, где хозяин — шорник. Звали его Обухом, и за дело: был он здорово крепок и скор на руку, нравом свиреп, волосат, и даже брови над переносицей у него срослись от постоянной злости. Злость он вымешал на шкурах, на жене и на единственном сыне.

Порол он сына и недоуздком, и чересседельником, и шлеей, и шлейкой, и подпругой, и гужами, и вожжами, и постромками, и поводьями, и, наконец, стременами.

Выходила двойная польза: и товару испытание на прочность, и отроку отеческое наставление.

Спина и то, что ниже ее, у Стремглава от наставлений настолько закалились и задубели, что на коне он мог всю жизнь проездить без всякого седла и не опасаться вражеской стрелы в спину.

Но не мечталось даже бойкому Стремглаву ни на коне подолгу красоваться, ни в бою отличаться, поскольку батюшка хотел передать старшенькому и единственному сыночку свое ремесло. Шорник Обух был жаден и у кожевников готовые кожи не покупал, а подрабатывал сам еще и живодером, и дубильщиком, и мальщиком. В сарае, а подчас и в избе, стояли кадушки, источавшие самый гнусный запах. Известно ведь, чем дубят шкуры, если на квасцы денег жалко: куриным пометом...

Имелась и еще, помимо природной злобы, у шорника причина сынка своего ненавидеть.

...Было тогда Стремглаву лет пять или меньше — кто в деревне годы-то считает?

Однажды ночью возникла у младенца великая нужда: поглядеть на звезды, которые в безлунную ночь горят особенно ярко.

Он вышел за ворота, запрокинул головенку и начал дивиться небесному устройству, а дивиться он умел.

Удивление было прервано тележным скрипом.

Тележного скрипа Стремглавка уже не боялся, не маленький. Поэтому он никуда не убежал, а решил подождать, кто приедет.

Тележный скрип приблизился. Мало того, к нему присоединился человеческий голос, такой же скрипучий:

— Ну, люди! Прямо-таки порождения крокодилов! Старого старика ни в одну избу не хотят впустить, словно он головорез либо сквернавец какой! Я для вас стараюсь, можно сказать, в гроб себя заживо загнал, а вы... Мне бы щец горячих похлебать, в баньке попариться, косточки побаловать... Эх, напрасны мои труды: все как есть люди сволочи!

«Как это — все люди? — подумал мальчионка. — И мама? И батюшка? И я? И корова наша? И кот Кулик?»

(Куликом умного кота прозвали за то, что он ухитрился поймать одноименную птицу.)

— Дедушка! Пойдем к нам! — радостно предложил Стремглав. — У нас как раз собираются баню топить, мы всегда ее поздно топим, батюшка допоздна работать велит. Только ты его слушайся — он у нас строгий! Может и выпороть...

Скрип колес пресекся.

— Там посмотрим, кто кого выпорет. Ну-ка, где ты там, доброхот нежданный? Веди в избу, коли обещал! Горе тому, кто даже нечаянных, опрометчивых посолов не выполняет: ничего он в жизни не добьется!

И крепкая рука ухватила Стремглавову ручонку, словно незнакомец умел видеть во тьме.

— Дедушка, давай я потом коня твоего распрягу, оботру, напою, овса ему задам...

— Конь у меня самостоятельный... Ты веди!

Тут Стремглав опомнился. Вдруг это и вправду лихой человек — вон хватка-то какая... Батюшка ведь убьет... То есть он сначала пришлого убьет, а уж по-

том за сына-дурака примется: не тащи в дом первого встречного, да еще ночью, да еще безлунной!

— Чего? Какие такие старые странники? — взаправду зарычал шорник, когда сын с пришельцем зашли в избу.

— Я, батюшка, его пригласил... — пискнул Стремглав.

Шорник Обух вынул из-за спины топор, внимательно осмотрел странника, примеряясь, нет ли у него чего ценного, такового не обнаружил и снова заорал:

— Я на тебя, старого пса, молодых кобелей спущу! Пошел вон на все на три на тайные руны!

Странник отпустил мальчишку и протянул руку к хозяину:

— Ариды и Мариды, Ариды и Макариды! Макариды и Аскариды! Вы идите во дальнюю страну, где деревья не шумят, где девка косы не плетет, где юноша прута не строгает...

Шорник выронил топор.

— Понял, кто перед тобой? Ладно, для сына твоего тебя прощаю, поскольку он еще не вырос, а уже смел, честен и добр. Что-то потом останется... Ведь он не только тебя, он всю вашу деревню спас. Если бы меня ни в один дом не впустили, я бы ее куриной лапкой обвел — знаешь, что после того бывает?

Шорник испуганно кивнул.

— Да не трясишь ты — перед мальцом не позорися! Где там твоя баня?

...Сколь не таимничай, а станется и правду сказать.

Конечно, печи в Посконии были никакие не деревянные, такую ни один кудесный мастер не сотворит. Обычные были печи, кирпичные были печи. Да

и на что нужна деревянная печь, много ли она тепла сохранит?

Просто заморских гостей, как полагается, водили в баню. И потом они дома рассказывали про чудное ее устройство. Рассказы передавались дальше, по пути злостно перевинаясь и обрастаю самыми невероятными подробностями. В иных странах, кроме Посконии, Чухонии да Варягии, таких бани сроду не было, люди там в лоханках мылись — вот позорище-то! Владыка могучий в лоханке сидит!

Значит, так и возникла сказка о том, что в Посконии, мол, деревянные печи...

...В бане пришелец оказался крепким жилистым стариком, и лицо у него было узкое и грозное, как секира. Болярское, словом, было лицо, а вот одежда мужицкая.

— Потом посиди-ка ночку, повыжаривай гостей, — приказал он хозяину, кивнув на рубище свое.

Шорник словно язык во щи обронил — кивал только покорно злую своей головой.

Но баня любого злодея умягчит, добрые же люди в ней становятся еще добнее, а очень многие вообще выходят оттуда совсем захорашевшими.

Особенно же удобрению страстей человеческих способствует брага.

— Здоровый ты мужик, только вот живешь зря, — сказал подбревший старец хозяину.

— Как так зря? Ты думай, ухо моржовое, чего говоришь! — осмелел шорник. Такие люди обыкновенно начинают наглеть при малейшей поташке.

Только гость не обиделся. А вот Стремглавке тут и стало впервые за отца стыдно.

— Вот почему. С такими плечищами надо идти в войско и добро добывать мечом. Конечно, ремесло я

тоже уважаю, только ты ведь и шорник — так себе. А все от того, что всю работу сам делаешь по причине жадности. Труд же разделения требует.

— Парень подрастет — будет кожи мять, — сказал Обух.

— Ты, стало быть, все уже за него решил?

— Конечно. Ведь отцовское слово — закон.

— Ну и напрасно, поскольку вижу я у мальчика на теле явственные царские знаки.

И показал рукой, где именно он эти знаки видит.

Хозяин захохотал.

— Ну, дедушка, сказанул! Какие же это царские знаки? Такие у всякого мужика с рождения имеются! Таков-то и я царь!

И в доказательство хлопнул себя по низу живота.

Настала очередь гостю посмеяться:

— Нет, у тебя это всего лишь простые причиндалы. А у сына твоего истинно царские знаки. Недаром всякому отроку говорят, что у него все впереди. Вот что это выражение по-настоящему-то значит! Каждый мужчина с ними рождается, да немногие становятся царями, потому что не знают об этом. Не смешют знать.

— Что же ты тогда сам царем не стал? — ухмыльнулся шорник.

— Пробовал. Не вышло. Не судьба.

— Это что же выходит — оглоед мой царем может заделаться?

— Может! — сказал твердо гость. — Только будет он не царем, а королем. Хотя разницы никакой. Ибо давно нужен Посконии настоящий владыка.

— И когда же на наш убогий двор венец привезут? — поинтересовался глумливо хозяин.

— Он его сам себе добудет, когда особое слово

услышит и пойдет за ним... Плесни-ка еще! Да не тревожься, пошутил я насчет вшей с гнидами, не водится их у меня...

Глава 3,

*в которой сын шорника слышит предсказанное старцем
Килостратом слово*

— Стремглавка! Ты где всю ночь шлялся, жрать твою кашу, кожи еще не мяты, не тронуты! За стол не сядешь, покуда урок не отработаешь! Для твоей же пользы стараюсь!

С таких воплей начинался трудовой день будущего короля, и начинался он, едва солнышко показывало на восходе самый кончик носа.

Первое время после ухода таинственного гостя шорник бить мальчишку остерегался, так его старик напугал. С перепугу он даже отдал сына в учение к единственному на всю деревню грамотею, и грамотей учеником нахвалиться не мог.

А потом началось все снова-здраво. Мстил Обух родному сыну за свою поганую жизнь, историю же про ночного гостя так часто рассказывал пьяным приятелям, что Стремглав, израстая, не смог ее забыть...

— Так ведь, батюшка, вы же меня сами в ночное посылали...

— На ухо к медведю я тебя посыпал! То было ночное, а теперь дневное! У меня хлеб даром не едят! Вот я тебе сейчас нанесу царские знаки!

После устного внушения шорник брался за воожки, или за гужи, или за что там попадалось.

Мать жалела юного Стремглава, но возразить никак не смела: так уж воспитал ее супруг сразу после свадьбы.

Только и отрады было у мальчишке, что съездить в ночное, прокатиться на коне, подышать волей и костровым дымком после вонючей избы, да ведь по-сконское лето коротко.

Иногда через деревню проходили торговые люди, отдыхали, чинили упряжь или покупали новую. Они рассказывали о далеких теплых странах, что пораскинулись на берегах теплых же морей. Работать там совсем ничего не надо: протянул руку, сорвал с ближайшего дерева сладкий плод по имени банан и насытился. Если и сеют там жито, так собирают по два и по три урожая в год. Избы ставят из соломы да тростника, конопатить их на зиму не надо. Нет нужды и в дровах, и в печках. Звались те места Вольными Хлебами, и ежели доводилось кому из посконичей покинуть пределы отечества, то про него так и говорили — «ушел на Вольные Хлеба». А еще дальше, там, где никто не бывал, располагалась на недосягаемом острове Родина Всех Людей.

«Хитрые какие иные народы! — размышлял Стремглав. — А зачем же мы-то взяли и забились в леса и болота да принакрылись долгою зимой? Отчего нам там-то не живется?»

Но задавать такие вопросы отцу он не решался и, горестно шмыгая носом, отправлялся мять кожи красивыми и опухшими от дубильного состава руками.

Так было до того дня, когда в деревне Новая Карга появились всадники в невиданных доспехах, сиявших на солнце сталью, покрытой золотыми узорами. Всадников было около десятка; деревенский староста кинулся было к ним спросить подорожные грамоты, но вместо того получил промежу глаз рукоятью плети. Всадники через толмача, кое-как со-

ображавшего по-посконски, дали понять, что надобны им кузнец и шорник.

— К нам на двор! К нам на двор! — закричал изо всей мочи Стремглав. — У меня батюшка как раз шорник!

Двое всадников, снаряженные поплоше, спешились и последовали за ним.

Во дворе они сняли шлемы с забралами и сморшились по причине духа, шедшего из сарая.

Стремглав присмотрелся к гостям. Оба были немногим старше его, глядели насмешливо и бойко.

Толмача им не понадобилось: едва шорник-батюшка вышел из избы, как тут же все понял и потащил будущих покупателей смотреть товар. Гости пробовали упряжные ремни на прочность, и, когда одна из уздечек порвалась, Стремглав немедля получил за это от родителя оплеуху.

Наконец нашли-таки подходящее. А когда шорник на пальцах показал цену, стали смеяться. Шорник пожал плечами и цену понизил. Гости расхохотались так, словно мастер рассказал им похабную сказку про дружинника Кокуя и дуб с дуплом.

— Батя, цену-то как раз теперь надо ломить, — сказал Стремглав, почесав потылицу. — Они оттого веселятся, что цены у нас против ихних — смешные.

— Молчи, болван, когда не понимаешь! — рявкнул отец. — Все мое хозяйство столько не стоит!

— Да я чего, — сказал Стремглав. — Я ведь как лучше хочу...

— Да пошел ты в тещу, — огрызнулся шорник Обух. — Такая же дура...

Конечно, никто не мог помешать приезжим взять все даром и даже кузнецу не заплатить — как тот ни могуч, а с воинами ему в одиночку не тягаться. Но

небольшой отряд собрался заночевать в деревне, а во сне ведь всякое может случиться, так зачем же наживать лишние хлопоты?

Все сбежались поглазеть на чужеземных витязей, уже добравшихся до местной браги. Тут стало уж совсем видно, кто из них слуга, а кто господин. Господа сидели за столом, милостиво допустив к себе побитого старосту, и через толмача выспрашивали у него о дальнейшей дороге. Староста сперва что-то мычал, ссыпался на вышнее начальство, на своего болярина, но после пары пинков стал словоохотлив. Давно никого уже не удивляло и не возмущало то, что чужеземцы едут через Посконию, как через пустое место.

Слуги тем временем обихаживали лошадей, подавали господам хмельное, подмигивали новокаргинским девкам, задирали бессловесно новокаргинских парней.

Потом господ отправили почивать в старостину избу, а толмач со слугами заняли их место за столом.

Стремглава отец на это время со двора вовсе прогнал — видно, не хотел, чтобы подглядел сыночек, куда Обух прячет вырученные деньги. Стремглав ошивался вблизи пирующих — то воды принесет, то полотенце подаст.

Новокаргинская брага для разума разымчива: слуги сперва хохотали, вспоминая, видно, продешевившего шорника, потом немножко подрались, а еще потом завели песню — непонятную, но явно боевую, походную, грозную и печальную одновременно.

Одно песенное слово сын шорника отчего-то выделил среди прочих и пристал к толмачу, когда песня допелась:

— А что такое — орифламма?

Толмач поглядел на мальчишку, как на заговорившую курицу, — с удивлением и сожалением.

— Никогда, — сказал толмач. — Никогда не узнавать тебе, маленькая посконская быдла, что такое есть орифламма.

Он повернулся к слугам и заговорил на чужом языке, отчего те вновь развеселились и стали показывать на отрока пальцами.

Стремглав заплакал — чего он уже давно не делал при отцовских вразумлениях — и пошел домой.

Всю ночь он просидел на крыльце, глядя на звезды и повторяя про себя:

— Орифламма, орифламма, орифламма...

За чужим словом открывался ему и чужой мир, где если бьют — так только за дело, и всегда можно дать сдачи, где не приходится склоняться над смрадной бочкой и тискать в руках осклизлую кожу, где...

Он еще не знал, что это за мир, но чуял, что именно там его место.

Едва рассвело, послышались чужеземные приказы и грохотание доспехов — всадники собирались в путь.

Стремглав проводил их до околицы, глянул в последний раз на сверкающие латы, тяжелые мечи и разноцветные перья на шлемах, на не виданные ранее продолговатые щиты с изображениями несуществующих зверей...

Отца он разбудил сам, не дожидаясь обычных волей и обид.

— Батюшка, — сказал Стремглав, глядя на прогнившие половицы. — Дайте, батюшка, Стригуна.

— Для чего тебе конь, бездельник? — не понял родитель. — Да тебя не брагой ли вчерашние бродяги угостили? Ну, ты у меня дождешься, ешь твою плешь...

— Ешьте свою, батя, — дешевле обойдется, — посоветовал сын.

Пораженный шорник спустил босые лапы на пол.

— Ты что, сынок, с дуба сорвался? Я тебя сейчас в разум приводить буду... Знаки эти самые ставить, твое величество...

— Не придется, отец, — сказал Стремглав. — Нечем.

Шорник ахнул.

— Неужели ночью эти чуженины все забрали? А ты куда смотрел?

И, не дождавшись ответа, оттолкнул сына, устремляясь к сараю.

Упряжь никто не украл, она как есть была в наличии — только все гужи, вожжи, чёресседельники и прочие постромки валялись на полу в виде обрывков.

— Так это ты, дармоед, все изрезал?

— Зачем изрезал? — с достоинством сказал сын. — Руками порвал.

И, покуда родитель беспомощно разевал рот, словно белуга, подцепленная из воды багром, подошел к кадке, в которой кисла очередная воловья шкура, вытащил шкуру и на глазах очумевшего шорника не спеша разодрал на две половины.

— Вот так, батюшка, — просто сказал он.

После чего подошел к лохани с чистой колодезной водой и сполоснул руки.

Шорник хотел было зареветь, но подавился собственным ревом и молча двинулся на сына.

— Не подходите, батюшка, а то я вас убью, — сказал Стремглав. Но шорника было не словами остановливать.

Стремглав оглянулся, прынул в угол и схватил

вилы. Отец приближался к нему, страшный, как за-живо освежеванный медведь.

В последний миг отрок опомнился, перехватил вилы и ударил отца не зубьями, а черенком — как раз туда, где расходились ребра и начинался живот. Шорник Обух при этом еще успел заметить, что брови у сына прямо на глазах срослись...

Стремглав Обухович вышел из сарая, забросил вилы на крышу, увидел мать, выскочившую на крыльце.

— Прощайте, мама, — сказал Стремглав. — Не поминайте лихом. Да принесите батюшке воды — он у себя в сарае пить захотел.

— Куда ты, сынок? — спросила мать таким голосом, что Стремглав чуть было не передумал. Но не передумал, а вывел из-под навеса уже с ночи снаряженного гнедого Стригуна.

— Поеду я, мама, оrifламму свою искать, — сказал он, потому что разумных объяснений в голове не оказалось.

Он подошел к матери, коротко приобнял ее и вскочил на коня.

Шорник к тому времени отышался и выполз из сарая.

— Видишь, мать, сынок-то у нас вырос... — сказал он, потирая ладонью ушибленную грудь. Замахнулся было на жену, но почему-то отвел руку и начал хохотать и рыдать вместо того, чтобы кинуться в погоню.

Хорошо, что все это произошло не в Чайной Стране за высокой стеной: ведь там непочтение к родителям полагается едва ли не главнейшим из преступлений. Уж там-то бы Стремглава искали и лови-

ли по всей стране, а поймав, предали бы страшной казни, растянув ее месяца этак на три.

Был ведь там случай, когда один почтенный старец, которому надоели вечные ссоры между невестками, пошел жаловаться на их безобразное поведение не куда-нибудь, а к самому императору. Император выслушал жалобщика и пообещал ему самую высшую справедливость, которая только есть в Чайной Стране. Покуда старишок доковылял до родного дома, справедливость была уже установлена во всей красе: императорские стражники зарезали и сварливых невесток, и безвольных сыновей, и неповинных внуков, а дом, в котором творились непотребства, был уже сожжен дотла. Старишок отплатил справедливому владыке тем, что повесился на дворцовых воротах; император, таким образом, потерял лицо и был немедленно свергнут одним из многочисленных сыновей, отчего в державе возникла смута...

Но, к счастью, в Посконии такие тонкости никому и на ухо были не нужны.

...Стремглав нагнал всадников к полудню. Всадники сперва думали, что парнишка хочет их о чем-то предупредить, и приказали толмачу выяснить, в чем дело.

— А, маленькая посконская быдла, — сказал толмач. — Тебе чего想要?

— Возьмите меня в иные земли, — сказал Стремглав. — Я сильный. Я все умею и все хочу.

Толмач перевел его слова, и господа со слугами привычно засмеялись.

Стремглав подъехал поближе к толмачу и дал ему такого тычка, что тот свалился с коня в дорожную грязь. Остальные не набросились на сына шорника, а захочатали еще громче.

Тут Стремглав понял, что толмач стоит еще ниже слуги. Толмачей вообще нешибко-то любят. Много позже Стремглав узнал, что на нетальянском слова «переводчик» и «предатель» звучат почти одинаково: *tradittore* и *traduttore*.

Он наклонился, протянул руку и без труда поднял бедолагу из грязи. Господа одобрительно забормотали.

— Что они говорят, свинья двуязычная? — спросил Стремглав, не отпуская ворот толмаческой одежды.

Толмач утерся рукавом.

— Они говорить... — он поперхнулся. — Они говорить, что из маленькая посконская... мальшишка выйти когда-нибудь большой толк.

— Тогда слушайте, — сказал Стремглав. — Староста вас не по той дороге послал, там через речку мелок брод — по самый рот...

Глава 4,

*в которой рассказывается о несомненной пользе
ночных бдений и разговоров*

Много в бонжурском языке оказалось красивых слов и помимо орифламмы.

Например, «ледюк» и «леруа».

Один из всадников как раз и был «ледюк», то есть герцог. Герцог Мижуйский, будущий король Бонжурии Пистон Девятый. А король-то как раз и есть «леруа».

Будущий леруа был ненамного старше Стремглава — года на три. Под латами он оказался совсем худенький, белолицый, только нос торчал у него далеко вперед, как у морского корабля. Но морских кораблей в ту пору Стремглав еще не видел, и такое

сравнение ему в голову не пришло, а вспомнилась ему птица дятел.

Нос, прямой и длинный, был навечным клеймом бонжурских королей. Для них и забрала делали особые, как бы с клювом.

Мало того, королевский нос по традиции носил собственное имя и даже благородный титул — виконт дю Шнобелле.

Какого уха делал молодой герцог со свитой в столь отдаленных землях, Стремглав расспрашивать не посмел, но потихоньку, осваивая заодно волшебного звучания язык, понял, что Пистон просто-напросто был увезен в свое время в варяжские земли, чтобы избежать верной смерти от яда или кинжала, потому что желающих занять престол Бонжурии было предостаточно. Ныне же все соискатели короны друг дружку поистребили, и мудрые советники герцога, мессир Плиссе и мессир Гофре, постановили, что пробил час и ему предъявить свои вполне законные права на королевский венец.

«Далеко ли Бонжурия?» — думал Стремглав, чистя и обихаживая чужих коней, точа и смазывая чужие мечи, собирая хворост для костра — ночевать чаще всего приходилось под звездами.

Время от времени отряд останавливали посконские разъезды — их служебное рвение приходилось умерять золотом. Стражники то и дело цеплялись к сыну шорника — кто такой да по какому праву сопровождает чужеземцев, так что ледюк Пистон распорядился дать парню свой запасной камзол и довольно дурацкую шляпу с едва ли не петушиными перьями.

Потом начались затяжные дожди, и двигаться по

раскисшим дорогам стало тяжело. Застряли на каком-то постоялом дворе на добрую неделю.

Чтобы не раскрыться до времени, никто молодого герцога таковым не звал, и почестей ему не велено было оказывать — словно не знатнейшие люди Бонжурии странствуют, а ватага разгульных наемников.

— А далеко ли Бонжурия? — наконец-то удалось Стремглаву сбить чужие слова в мучавший его вопрос. К толмачу ему обращаться не хотелось, и он дернул за рукав горбатого оруженосца-варяга. С горбуном они как-то друг друга понимали: все-таки варяги — соседи. Звали горбuna не то Эйрон, не то Айрон. Сын шорника кликал его Ироней. Несмотря на горб, Ироня был нравом весел, умом светел, а мечом владел не хуже здорового.

— Вот все уснут, тогда объясню, — сказал Ироня.

Бонжурцы привыкли у себя в Бонжурии пить хорошее вино, посконская же брага у них в животах бушевала, бурчала, выходила икотой, просилась наружи то с одного, то с другого конца. Стремглав с Ироней то и дело таскали на двор лоханки да бадейки. Стремглав у отца в сарае привык к подобным запахам, Ироня тоже, видно, не в княжьих палатах вопрос.

Господа стонали, кряхтели и клялись между собой никогда впредь не употреблять эту страшную влагу, но клятвы хватало обычно до первой попавшейся на пути корчмы. Сопровождавший бонжурцев лекарь, мэтр Кренотен, пытался пичкать своих подопечных какими-то растертыми в прах корешками для укрепления желудков, но, видно, перепутал порошки и еще усугубил позорные недуги.

Наконец господа угомонились, и оруженосцы

вышли на крыльцо. Дождь кончился, а свежий ветерок уже растаскивал тучи, открывая полную луну.

— Никому не говори! — предупредил Ироня на посконском и достал из-за голенища свиток.

— Это что? — удивился Стремглав.

На телячей коже были нанесены непонятные знаки и линии, только в правом верхнем углу какой-то волосатый мужик надувал щеки, а рядом с ним расположилась четырехконечная звезда.

— Хеймскрингла — круг земной, — сказал Ироня. — Вот здесь, вверху, — север, полночь по-вашему. Внизу, следовательно, будет...

— Полдень! — догадался Стремглав.

На отдых они так и не повалились. Стремглав до-нимал Ироню вопросами. Как же так — на клочке шкуры, оказывается, умещается вся земля! И горы, и леса, и реки, и озера на лице ее! И все на ней страны и державы! И как их много!

— Мы выехали вот отсюда, — объяснял горбун. — Это Норланд.

— Белоглазые чудины, — уточнил Стремглав.

— Называй, как хочешь. Дальше никто не живет, потом начинаются ваши земли.

— Много-то как — ладонью не закрыть! — восхитился сын шорника обширностью родины. — Другие-то земли против нашей Посконии так себе выглядят...

— Да, земля ваша велика и обильна, — вздохнул Ироня. — А вот порядка в ней...

— Можно подумать, у вас больше порядка, — обиделся Стремглав.

Горбун словно бы не обратил внимания и продолжал:

— Далее будет Уклонина, после — Паньша, сле-

дом же Немчурия, войной сотрясаемая. Нам через нее идти. Когда пройдем, выйдем к рубежу Бонжурии. Вот столица ее — город Плезир...

Стремглав задумался.

— А что же вы водой не поехали, морем? Я слыхал про море, что ему конца нет, но вот так-то, вдоль берега, не ловчее ли?

Ироня одобрительно хмыкнул.

— Можно и морем, только на море ярла Пистона ждут, а сушей — не ждут...

— Кто ждет?

— Убийцы ждут, кому еще конунга ждать? Князя, конунга, короля, царя только убийцы повсюду и ждут. Несладок хлеб владык.

— А чего ж все туда лезут?

— Сам об этом думаю. Жил бы человек у себя на хуторе, сеял хлеб, ловил рыбу, растил детей... Так ведь нет — начинает завидовать соседу. У соседа всегда и колос гуще, и скотина глаже, и кони резвее, и жена красивее, и золота больше. И вот подкрадутся к тебе ночью, подожгут дом... А, что говорить!

— Ничего не говорить, — прошептал Стремглав. — Тихо!

И широкой ладонью придавил плечо горбuna, понуждая присесть и затаиться.

На крыльце наползал рассветный туман, и в тумане этом чуткому пастушьему уху явственно слышалось легкое позвякивание. Кольчуга и вообще доспех в бою необходимы, а вот подкрадываться в них несподручно.

У Ирони был хотя бы засапожный нож, у Стремглава же и вовсе ничего под рукой не было, кроме лоханки с отходами знатнейших мужей Бонжурии.

Хотел ведь еще давеча выплеснуть, а потом отложил...

К звяканью присоединилось и сопение — напастники приближались.

— Ступай в дом, предупреди, — приказал Ироня.

Но в тумане уже воздвиглись расплывчатые тени, и одна из них была такая уж могучая, такая уж грозная...

Стремглав распрямился, как береза, хакнул — и лоханка со свистом полетела вперед, разбрызгивая свое содержимое. Послышался удар, мерзкое чавканье и дикий вой оскорбленной души.

— Алярм! — громовым голосом провозгласил бонжурскую тревогу Ироня и бросился вперед, выставив нож.

Больше всего Стремглав опасался, что всполошенные бонжурцы всем скопом ломанутся в дверь, мешая друг другу. Но люди они были военные, выскакивали хоть и без штанов, но при мечах, по одному, и не только в дверь. Стрел не опасались — в таком тумане всякая тетива мигом отсыреет, не успеешь и на лук натянуть.

Стремглав оторвал от крыльца перила заодно с резными столбиками и тоже устремился вперед, прочесывая врагов этим деревянным гребешком. Зазвенели мечи.

Сын шорника поддевал то одного, то другого врага, опрокидывая их на землю. Мечи товарищей завершали дело.

«Что-то долго возятся», — забеспокоился Стремглав. Он уже узнал цену бонжурским бойцам, на любом привале неустанно упражнявшимся в боевых искусствах. Знал он цену и посконским разбойникам — как правило, не годящим ни к какому делу

мужичкам, которые начинали разбегаться даже при самом робком сопротивлении.

— О мерд! — заорал кто-то рядом с ним. Стремглав выбросил влево от себя перила, и в них вонзился чужой кривой меч. Сосед слева немедленно нанес оплошавшему врагу попаденный удар — как оказалось, предпоследний в этой схватке, потому что последний достался сыну шорника.

Глава 5,

в которой Стремглав становится свидетелем королевского суда

Когда дерешься доской либо оглоблей, нужно глядеть, чтобы не перестараться и не огреть по затылку самого же себя. Что со Стремглавом и произошло.

Зато очнулся он героем. Его хлопали по плечам и спине, подбрасывали в воздух, величали звучными именами, поскольку удар кривого клинка предназначался будущему королю Бонжурии.

Почти все хвалительные слова сын шорника уже понимал — видно, удар по голове что-то в ней поправил, вышел на пользу. Такое тоже бывает.

— Бедный ля Улю! — хохотал герцог Пистон. — Подумать только, господа, быть первым мечом Бонжурии, лучшим из людей моего кузена — и пасть в этой варварской земле от удара деревянного ночного горшка! Мерзавец обделался еще перед схваткой, не успев вытащить меч!

Стремглав хотел сперва вступиться за честь своего первого убитого, но отчего-то передумал.

Босые и бесштанные бойцы ходили среди поверженных, переворачивали тела, бесцеремонно обдирая с них латы, складывая в кучу оружие.

Из своих не повезло двоим: барон де Подольяк и оруженосец Шарло тоже не поднялись с земли.

— Этот еще жив! — воскликнул Ироня. — Скорее допросите его, мой господин: я не хочу, чтобы даже тень подозрения пала на моих земляков!

Живой — только ключица у него была переломлена (не иначе как сын шорника постарался) — изо всех сил прикидывался убитым. К нему приблизился мессир Плиссе, склонился, что-то сделал... Поверженный завопил.

— Пойдем, не надо тебе на допрос глядеть, — сказал Ироня и, ухватив Стремглава за рубаху, потащил к воротам.

У ворот спал (или делал вид, что спит) сторож постоянного двора. Ироня внимательно осмотрел стражу, пнул пару раз. Спящий что-то недовольно проворчал.

— На ухо к бабаю с восьмой версты посыает, — охотно перевел Стремглав, хотя никакой нужды в переводе не было.

— Пьян, — сказал Ироня. — И не просто пьян...

— Это ты о чем? — встревожился сын шорника.

— Измена, — ответил горбун. — Везде измена. Ну кто бы мог подумать, что ярл Пистон поедет через Посконию? Только сумасшедший мог бы решиться на такое. Понимаешь, парень, как все было хитро задумано: из Бодигаарда вышел драккар, и на борт его взошли люди тамошнего ярла, переодетые бонжурскими воинами. Один из них носил алый плащ ярла Пистона и его же весьма приметный шлем. Все были уверены, что наши гости отправились морем, как ты и предлагал. Так что засады на вашей земле никто не ожидал.

— Это не наши! — вскричал Стремглав. — Наши

не подкрадываются втихую: непременно по дороге переругаются. И одеты не по-нашему... И мечи другие...

— Хорошо, что ты радеешь за честь своей страны, — сказал Ироня. — Но хорошо и то, что ты ее покидаешь. Когда еще и постранствовать, как не в молодости?

— Увижу весь мир — тогда вернусь, — пообещал сын шорника.

— Вряд ли, — вздохнул горбун. — Бродяга — до смерти бродяга. Но пойдем. Там уже, кажется, во всем разобрались.

В самом деле, юный герцог торжественно восседал во главе длинного стола, вынесенного во двор, по обе стороны от него расположились седовласые советники. Хозяин постоянного двора и его семейство, включая беспробудного сторожа, располагались на покалеченном крыльце и все были бледны и напуганы. Тихонько плакал ребенок.

А перед столом стояли на коленях двое — уцелевший напастник и лекарь, мэтр Кренотен.

— Королевский суд, — шепнул горбун. — Видишь печать в руке ярла Пистона? Впервые предстоит ему вынести справедливый приговор. От этого зависит все его дальнейшее царствование...

Но герцог Пистон сейчас вовсе не походил на грозного и справедливого владыку. Его светлое лицо покрылось красными пятнами — то ли от выпитой накануне браги, то ли от волнения, длинные волосы так и остались непричесанными спросонья, а нос (пардон, виконт дю Шнобелле) уныло уставился в дубовые доски с бесчисленными пятнами от жира и вина.

— Благородные сеньоры и простолюдины! —

проводил мессир Плиссе. — Его высочество герцог Мижуйский, принц крови и законный наследник бонжурского престола, рассмотрел все обстоятельства покушения на свою особу. Обстоятельства же эти суть таковы: двоюродный брат его высочества, гнуснопрославленный герцог де Шмотье, обманом внедрил в наши ряды своего человека. Это наш почтеннейший эскулап, ученейший медикус мэтр Кренотен. Верно ли я говорю, лучник Жеан?

— Верно, мессир, — глухо сказал уцелевший. — Он, клистирная трубка. Какая мне охота за чужую вину отвечать? Да и не убил я никого — тетива, поди, до сих пор не просохла...

— Означенный медикус, — продолжал между тем советник, — дал знать своим сообщникам, что его высочество изволили возвращаться в свое королевство сухопутным путем. Герцог де Шмотье, упрежденный негодяем при помощи особой нечистой магии, выслял навстречу небольшой отряд наемных убийц, возглавляемый неуловимым и беспощадным кондотьером ля Улю. А мы были непростительно беспечны: Предатель попытался опоить нас снотворным, и только благотворное и очищающее действие здешнего вина позволило нам в тревожный час предстать перед лютым врагом во всеоружии!

— Обождите, — вдруг сказал Стремглав. — Да ведь ваш лекарь мог бы сто раз опоить его высочество ядом!

Бонжурцы поглядели на сына шорника с величайшим удивлением.

— Молодой человек, — сказал советник мессир Гофе после некоторой заминки, — я гляжу, вы уже наловчились изъясняться на языке милой Бонжу-

рии. Теперь научитесь молчать на нем, когда вас не спрашивают.

— Не будь так строг к нему, старина, — сказал мессир Плиссе. — Он просто не знал, что вопросы и сомнения полагается высказывать лишь после того, как будут оглашены обстоятельства дела. Но, коль скоро вопрос вполне уместен, я отвечу на него. Вы сообразительны, дитя дикой Посконии, но ненаблюдательны: разве не заметили вы, что всякую еду и питье прежде его высочества пробовал наш несчастный Шарло, мир его праху?

Стремглав втянул голову в плечи, обругал себя мысленно, а потом оправдал: разве его дело заглядывать в герцогский рот?

— Преступное деяние не увенчалось успехом единственно потому, что оруженосец Эйрон Два Горба и наш новый спутник предавались пустопорожней болтовне, от которой, как ни странно, произошла великая польза. Лучник Жеан уже во всем сознался. Он сказал, что ля Улю отдал приказ ни в коем случае не трогать человека в черной мантии, расшитой изображениями человеческих внутренностей, а таковую носит лишь один из нас, и это вы, ученейший и многомудрый мэтр Кренотен. Какой позор! Вы, давший клятву исцелять людей, а не губить их! Что вы можете сказать в свое оправдание?

Стремглав тихонько обошел стол, чтобы посмотреть на лекаря. Рожа у мэтра была такая, что никто в здравом уме не доверил бы ему лечить даже нелюбимую кошку.

— Снотворное — не яд, — хрипло сказал мэтр Кренотен. — И я не собираюсь оправдываться, ваше высочество. Впрочем, какое из вас высочество, а тем

более величество. Вся Бонжурия знает, что ваша матьшка, венценосная шлюха...

Тут граф де Мобиль-Соте рванулся из-за стола, но рука мессира Гофре удержала горячего бонжурского парня на месте.

— ...прижила вас от лесничего Крюшона, известного своим сладострастием. И не хватайтесь за ваш хваленый нос, это вам не поможет, проклятый бастард! Мой коллега, мэтр Ансельм, рассказал мне, как при помощи простой клистирной трубы и тончайшей полой иглы нагнетал в ваш тогда еще младенческий носик изобретенную им особую субстанцию, именуемую силиконом...

Здесь не выдержал уже герцог Пистон, и никто не попытался его удержать. Впрочем, из-за стола его высочество так и не вышел.

— Ну вот, опять нос! — закричал он. — Моего виконта дю Шнобелле осматривали лучшие медики Бонжурии, Стрижании, Неспании! О, эта их ужасная биопсия! На бедняге уже места живого нет от шрамов! Любой придворный повеса, не знающий грамоты, в состоянии с первого прикосновения отличить силиконовую грудь стареющей кокетки от живой пышной плоти! Любой — но не вы, жалкий коновал! Даже и усыпить-то нас не смогли как следует!

— Достаточно, ваше высочество, — сказал мессир Плиссе. — Верховному судье не к лицу горячность. Вы и так угодили по большому месту — лекарь он действительно никудышный.

— Я опередил свое время! — гордо сказал мэтр Кренотен. — Кто же виноват, что ваши жалкие тела не в силах воспринять благотворное влияние моих снадобий? Я ученик великого Примордиала! Мое имя будет высечено золотом на алмазных скрижалях

медицины! И мне не страшен ваш убогий земной суд. Покойный король Бонжурии не понимал значения науки, он даже отказывался предоставлять мне заключенных для опытов...

— Вздор, — сказал герцог. — Отцу просто-напросто надоели все эти внезапные умертвия при дворе, организованные королевой-прабабушкой. Отравленные сапоги, удушающие жабо, ядовитые манжеты, смертоносные ковры, пропитанные ртутью... Что за жизнь, когда нельзя прикоснуться даже к обычной дверной ручке? Вы самый обычный палач, милейший, и поэтому вами займется такой же палач...

Герцог осмотрел своих спутников, погрустнел.

— Ах, собака, — сказал он. — Ведь не может же благородный рыцарь покарать безоружного...

— У нас есть этот парнишка, — подсказал мессир Плиссе и кивнул в сторону Стремглава.

От обиды сын шорника забыл все слова — и посконские, и бонжурские — и сделал правой рукой движение, не нуждающееся в переводе.

Герцог Пистон расхохотался:

— Нет, почтеннейший. Парень спас мне жизнь, а палач утрачивает право стать даже оруженосцем, не говоря уж о рыцарском звании. Мне нужны такие люди, как он.

— Ваше высочество, он же простолюдин! — возмущился советник.

— Он станет первым в роду — только и всего, — беззаботно сказал герцог. — Однако что же нам делать с лекарем?

— Ваше высочество! Да я сам удавлю его за милую душу! — подпрыгнул на коленях лучник Жеан. — Даром что плечо сломано! Хоть тетивой, хоть в петлю!

Только помилуйте меня! Я солдат и делаю, что прикажут.

— Предатель! — прошипел мэтр Кренотен и разом убрал куда-то свою дерзость. — Ваше высочество, не приказывайте меня убивать! Впереди вас ждут другие засады, и я все их вам укажу по мере продвижения... Я открою все тайны герцога де Шмотье, вального вероломного кузена! Я буду полезен вам, как был полезен вашей мудрой прабабушке...

Мессир Плиссе хмыкнул.

— В самом деле, ваше высочество, от этого мертвавца будет еще толк...

— Нет! — воскликнул герцог. — Принц крови своего слова назад не берет. Воин Жеан, будьте так любезны, уволоките эту bestию за ограду и прикончите тем способом, который сочтете наиболее подходящим...

Стремглав с ужасом глядел на королевский суд. Ничего подобного он в жизни не видел и видеть не мог. Болярин, которому принадлежало отдаленное поселение Новая Карга, по причине жадности своих подопечных не казнил, а просто облагал новыми по-датями. Местный староста в случае драки между сельскими парнями всегда велел вороть и правых, и виноватых.

Сын шорника даже забыл — вернее, все еще понять не мог, что сам совсем недавно принимал участие в боевой схватке и даже зашиб насмерть прославленного бойца поганой лоханью:

Лучник Жеан торжествующе вскочил на ноги, схватил здоровой рукой приговоренного лекаря за шкирку и потащил куда-то прочь. Мэтр Кренотен упирался ногами в сырую землю и верещал что-то на незнакомом колдовском языке.

Вскоре из-за забора донесся какой-то собачий вой, потом все стихло.

— Не отпустил бы он подлеца, — озабоченно сказал мессир Гофре. — Да и сам бы с ним не сбежал...

— Не отпустит, — отмахнулся второй советник. — Куда они денутся? Земля чужая, денег нет... А вот этот постоянный двор, — он грозно поглядел на хозяина с домочадцами, отчего те совсем скучожились, — надо бы спалить в острястку другим.

— Эй, ваше высочество, — сказал Стремглав. — Это не дело. Земля здесь посконская, на ней и суд пришлым людям не следовало бы творить, не говоря уже про такое.

Он решительно подошел к трофеиному оружию, выбрал меч по руке и неловко взмахнул им, как палкой.

— Не дам, — сказал он.

Герцог снова рассмеялся.

— Видали молодца? Нет, клянусь здравием виконта дю Шнобелле, парнишка прав. До сих пор здешние власти не чинили нам никаких препятствий — так зачем гневить судьбу? Я, право, удивляюсь вам, мессир Плиссе.

— Здесь, кажется, вообще нет никаких властей, — саркастично сказал советник. — В цивилизованных странах чужаку шагу нельзя ступить, чтобы с него не содрали целую кучу пошлин, не посадили в грязный подвал для выяснения личности, наконец, не повесили бы просто так, для потехи...

— А мне нравятся здешние патриархальные нравы. Со временем, пожалуй, я завоюю эту землю, — прикинул герцог. — А потом подарю ее своему спасителю. Эй, парень, хочешь получить всю Посконию в собственное владение?

Стремглав помрачнел и сжал кулаки.

— Сам возьму, — тихо сказал он, но герцог услышал.

— А вы говорили — простолюдин, господа. Кулаки у него мужицкие, зато запросы истинно королевские. Но пока ты не заделался нашим коронованным братом, дружок, сбегай-ка да погляди, как там наш лучник управился с нашим лекарем... Привыкай, привыкай — дело солдатское!

Стремглав бережно положил меч туда, где взял, и рысцой устремился за ворота.

Лучник Жеан лежал на земле и смотрел в небо пустыми глазницами. Глаза лучника, сердце его, печень и прочие человечьи внутренние причиндалы были по отдельности разложены на листах лопуха.

Глава 6,

*в которой объясняется, кто такие есть боляре,
чем они болеют и как лечатся*

— Не догнать вам его, — сказал Стремглав. — Здесь леса такие, что и местные-то не шибко туда ходят. Он заблудится, его медведица задерет, он полезет в дупло прятаться, а его пчелы загрызут... Волки опять же...

— Кто бы мог подумать, что лекарь выкажет такую прыть? — пожал плечами герцог Пистон. — Лучник, конечно, заслужил смерть, но не такую же....

— Мэтр Кренотен просто хотел узнать, что у лучника внутри! — воскликнул граф Мобиль-Соте.

— Нет худа без добра, — произнес мессир Гоффре. — Зато мы пораньше отправились в путь. Скоро доберемся до рубежа. Боюсь, мерзавец сказал правду и впереди нас ждут новые каверзы, а потом пойдут и вовсе враждебные земли...

— У вас все лекари такие? — весело спросил горбун Стремглав. Он уже успел забыть страшное зрелище.

Они ехали в хвосте кавалькады (еще одно красивое бонжурское слово!). Дорожная грязь успела подсохнуть и чавкала под копытами уже не так противно.

— А у вас все дороги такие? — откликнулся Ироня. — Если так, тогда Посконланд никому не удастся завоевать, разве что зимой.

— Зимой у нас, бывает, птицы на лету мерзнут, — сказал сын шорника. — А лекаря этого надо было послать к нашему болярину, пускай бы он его полечил.

— А чем болен ваш господин?

— Так он же бо-ля-рин, экий ты непонятливый! Они все и всегда болеют.

— Чем, чем болеют?

— Неужто не знаешь? А говоришь, в Посконии бывал...

— Бывать бывал, но не знаю...

— Тогда знай, — с удовольствием сказал Стремглав. До сих пор все учили его; теперь он и сам мог кое-что объяснить. — Они не просто так болеют. Они ЗА НАС болеют. Оттого-то и зовутся — боляре.

...До явления боляр жители Посконии знали только столенградского князя из рода Жупелов и его дружину, да еще сборщиков дани. Дань, конечно, норовили не платить или платить не полностью, ссылаясь на ливни, на половодья, на засуху, на воздушные вихри, на саранчу, на долгоносика, на безотвальную пахоту, на скотский падеж, на позднюю весну, на короткое лето, на дождливую осень, на бесконечную зиму.

А потом пришла неведомо откуда Рыбья Холера.

Люди в одночасье покрывались прыщами величиной с репу, впадали в жар, глухо кашляли и помирали иногда целыми селениями и даже городами. Не пощадило поветрие и столицу. Старики говорили, что на Закате повымерли все страны и державы, только посконичей оставили малость на развод, чтобы не пресекся род человеческий. Оттого себя берегли пуше глаза: загораживались заставами, лесными засеками, не пускали чужаков.

Когда поветрие закончилось, пожрав самое себя, стали объявляться неведомые люди. Это уже много позже поняли, что были они такие же посконичи, как и все, только похитрой. Поскония велика, все друг друга знать не могут. Отъехал подальше — и никому ты не ведом.

Приходил такой человек в селение. Окружала его толпа выживших. Он низко кланялся обществу и во-прошал:

— А что, люди добрые, страшно вам было во время поветрия?

— Страшно, мил-человек, как же не страшно! Отныне всякая душа в страхе живет: а ну как повторится?

— Вот, а я что говорил? Так теперь, страху-то на-терпевшись, желаете вовсе избавиться от всякой хвори?

— Желаем, желаем!

— Чем же вы готовы пожертвовать во избавление от болезней?

— Да мы уж всем жертвовали чурбанам да кумирам! Коней резали, баранов, даже людей некоторых для хорошего дела не пожалели.

— Эх, не тем вы жертвовали! А, к примеру, землей да волей могли бы поступиться?

— На ухо бы они нужны кому были, твои земля

да воля, когда Костлявая обнаглела и залютовала, словно варяг, мухоморов обожравшийся!

— Стало быть, согласны?

— С чем согласны-то?

— Да с тем, чтобы вам не страдать, а я один за всех вас болел, мучился, страдал, хворал, недуговал, здоровьишком скудался, терпел икоту, ломоту, дремоту, зевоту, чихоту, посикоту, дристопал и запор, огонь летучий, лишай стригучий, беременность внематочную, стул жидкий, шанкр твердый, ночницу и полуночницу, грыжу и колотье, жабу и чемер, рожу и язву, чесотку и коросту, утин и килу, уроки и призоры?

— Да ведь нам тебя жалко станет, мил-человек!

— Не жалейте меня: я за народ пострадать желаю!

— Ну, разве что сам желаешь... А так мы согласны, бери нашу землю заодно с волей, когда на такие телесные муки идешь!

— Клянется в том крепким зароком на огонь, на ветер, на землю, на воду?

— Клянемся! Клянемся! Клянемся!

Так или примерно так шло дело повсюду.

После того как была принесена крепкая клятва, люди считались крепостными, а болельщик-болярин немедленно хватался со стоном за бок либо за щеку и указывал выстроить для него на отшибе, на видном месте, особый больничный терем. Вокруг терема ставилась прочная ограда, набиралась стражи, чтобы никто не мог побеспокоить больного. Полагались также болярину слуги, сиделки, братья и сестры милосердия да еще и пригожие девки, ибо многие болезни исцеляются только телесным теплом.

Давно замечено, что после убийственных моровых поветрий народ начинает с неизъяснимой силой плодиться; а там, где торжествует деторождение, вся-

кие хвори надолго отступают. Да и выживают после поветрий самые молодые и здоровые.

— Смотри-ка — с болярином и вправду жить здоровее! Ладно уж, потрудимся, заработаем ему на лекарства!

— Все равно больному и золотая кровать не в радость, и мед горек...

— Воистину — нищий болезни ищет, а к богатому они сами идут!

Завелись у боляр и управляющие, называемые фершалами. Фершал собирал по дворам положенную долю зерна, снеди, меда, воска, пеньки конопляной и прочего наработанного добра, вез на ярмарку и продавал. Мужички позажиточней тоже ездили на ярмарки и хвастались там друг перед другом, у кого болярин сильнее за народ страдает:

— У нашего-то болезногого опять всю простату раздуло — с кулак будет!

— А у нашего пульс нитевидный, дыхание Чейн-Стоксово, да еще и лишай всего как есть опоясал!

— Нашего же родимец бьет, кондратий обнимает, кровяной резус в отрицаловку пошел...

— Как же они за нас, дураков сиволапых, муку такую терпят?

— На то они и боляре...

Много новых для себя лекарских слов узнали посكونичи, а некоторые из них, вроде тромбофлебита да ибупрофена, даже приспособили под дополнительные ругательства — не пропадать же добру!

Подкопив деньжат, страдающий болярин с оханьем и кряхтеньем великим отправлялся в Столенград, радовал князя кучей монет и получал взамен грамоту, навеки подтверждавшую его права.

Тогдашний посконский князь подумал-подумал

да и решил, что так и жить удобней, и богатство прибавляется, и порядку больше. Боляр, правда, близко к себе не подпускал, страшась заразиться.

Потом-то он, конечно, спохватился, но к тому времени страждущие и немощные боляре успели набрать великую силу и стали в Посконии главными.

Одевались боляре не как все люди.

Голова у каждого под теплой шапкой была закутана в платок из дорогой ткани, а другим таким же платком перевязывали ему распухшую от свинки либо от зуба щеку.

Левая рука страдальца обычно завернута была в лубок из листового серебра и поддерживалась золотой нагрудной цепью. Под мышкой у него торчал здоровенный, усыпанный самоцветами золотой жезл, называемый градусником. Градусник вместе с многочисленными недугами передавался от отца к сыну и являлся символом болярской власти.

Шею болярина окружал толстый парчовый воротник, чтобы голова не клонилась и поврежденные позвонки не тревожились.

Правая нога, как правило, тоже поражена была недугом. Поэтому каблук на правом сафьянном сапоге делали высокий и толстый. Когда болярин вдруг да хотел пройтись пешком, ему приходилось ковылять, опираясь на костили из красного дерева, покрытые искусственным узором. Люди, видя это зрелище, преисполнялись великой жалости к своему несчастному хозяину, устыжались собственного нахального здоровья и начинали трудиться еще добросовестнее.

Но боляре, снисходившие до посещения своих деревень, пешком не передвигались: тех, что победнее, носили на носилках два здоровенных брата ми-

лосердия, а богатых катали на особом стуле с колесиками.

Справа от хворого господина стоял верный фершал, прижимая к груди хрустальный сосуд, нареченный из-за сходства с известной птицей «лебедем».

Слева воздвигался детина-кровопускатель с престорым ножом, но кровь он обычно отворял не хозяину, а тому, кто осмеливался с болярином спорить.

Позади кресла сидел, скрючившись, дворовый нытик — как правило, смышеный мальчишка. Он должен был вместо хозяина жалобно стонать, причитать и прощаться с белым светом, покуда болярин вел деловую беседу.

Мужику, повстречавшему болярина, полагалось низко-низко поклониться и вежливо вопросить: «На что жалуемся, больной?»

Если болярин пребывал в благорасположении духа, он подробно перечислял свои болячки, способы их врачевания и достижения лекарей. Прощаясь с господином, следовало пожелать ему чирей на плечо, почечуй в анамнез и кончик в зубы.

Первое время все так и шло, но постепенно люди стали замечать, что болезней у них отнюдь не убавилось. Люди в недоумении шли к болярину за объяснениями, и объяснения эти получали:

— Э-эх, темные, неразвитые! Вас много, а я один. Но большая-то часть хвороб все равно на мне остается! Да кабы не я, вы бы все уже давным-давно перебохли! А иноземные лекарства, между прочим, дорожают!

— Это так, — соглашались люди и возвращались к сохе, к наковальне, к стаду.

В те же времена возник достойный подражания обычай — хвалить сено в стогу, а болярина — в гробу.

Хвори и болячки нимало не мешали болярам охотиться (лекарь прописал прогулки на воздухе), пирить (лекарь прописал усиленное питание), портить деревенских девок (лекарь сказал, что смертельно больных всегда на ласку тянет).

Болярское житье сильно понравилось городским проходимцам из Столенграда. Поскольку все большие деревни и богатые местности были уже заняты болярами, проходимцы рассыпались по всей Посконии, навязывая свои услуги в бедных поселениях на худородных землях.

— Мы, конечно, не боляре, — говорили они мужикам. — Болеть как следует за вас не сдюжим, а вот прихварывать и даже совсем хворать — с этим какнибудь справимся. Хвороб у вас убавится вполовину, не меньше!

От дурного питания народ на худородных землях и сам был слегка дурной, оттого проходимцы там и были признаны. Только звали их уже не болярами, а хворянами.

Хворяне назначили старост, обложили мужиков оброком и снова вернулись в столицу, поближе ко княжескому двору. Там они, в свою очередь, поделились на крупное и мелкое хворянство.

Хворянский градусник был победней болярского, и носили его не под мышкой, а на поясе, словно меч. Хворяне побойчей даже устраивали поединки на градусниках. Некоторые так в этом деле натащались, что записывались в дружины, дабы прибавить к скучному оброку княжеское жалованье.

Вот такой порядок был установлен в Посконии, а менять порядки никто не любит: вдруг станет еще хуже? Да ведь боляр с хворянами и настоящие болезни с хворобами не обходили, и на погост их носили, как всяких прочих.

К тому времени, как появиться бонжурским гостям на посконской земле, всем уже все стало ясно: боляре и хворяне делали вид, что страдают за народ, а народ делал вид, что верит в это.

Таков был неписаный общественный договор.

На счастье Посконии, в течение долгих лет никто не посягал на беспредельные ее пределы: степные орды откочевали пытать счастья в Чайной Стране и, как водится, застряли там надолго, перенимая нравы и обычай побежденных, а державы Заката терзали друг дружку в малых и больших войнах.

В сборниках самых старинных карт, чертежей земных сразу за Уклониной помещалось пустое место — никаких тебе гор и лесов, рек и озер. Вместо них обычно красовалась надпись:

ЗДЕСЬ МОГУТ ВОДИТЬСЯ ЛЮДИ.
А МОГУТ И НЕ ВОДИТЬСЯ.

... — Да-а, — сказал горбун, выслушав рассказ сына шорника. — Чудна и удивительна посконская держава! Я, например, другой такой страны не знаю. А ты, Стремглав Обухсон, любишь ли свою землю?

— Люблю: иной-то ведь не видал! — признался Стремглав и потупился.

Но чем дальше они ехали, тем более мучили его стыд и обида за все, что попадалось на пути: за плохие дороги, за покосившиеся избы, за скудную пищу, за жадных и трусливых боляр, за коварных хворян, за продажных дружинников и дозорных, за похабные песни, за пьяные речи. Как назло, ничего хорошего по дороге не встречалось, словно попряталось оно, это хорошее, в болота зыбучие от греха подальше... А ведь, кажется, было же, было!

«Почему я стыжусь-то? — думал сын шорника. — Ведь я здесь ни за что не отвечаю!»

А на последнем в Посконии ночлеге окрестные мужики проводили их печальной песней:

Меж снегов и болот затерялася
Непутевая наша страна.
А вчера еще спьяну казалось —
Велика и обильна она!

Но когда поутру мы проснулися,
Истребили остатний рассол,
Огляделися и ужаснулися —
Что за изверг сюда нас завел?

Наши реки — отнюдь не молочные,
Берега их — отнюдь не кисель.
Ветры веют тут злые, восточные,
Так не лучше ль податься отсель?

Но куда бы мы ни устремилися,
Получаем суровый отказ:
«Земли эти давно населилися,
Тут хватает народу без вас!»

Эх, сердечный! Не сладить с соседями!
Оглядимся: кругом-то враги!
Значит, будем брататься с медведями.
Волк-товарищ, а ну, помоги!

Но и звери от нас отшатнулися,
Не желают нам шкуры сдавать.
Эх, зачем поутру мы проснулися?
Лучше было б совсем не вставать!

На высоких горах ли, в долине ли
Невеселое наше житье!
За основу мы жизнь эту приняли.
Скоро в целом уж примем ее...

Конец у песни был, впрочем, неожиданный:

Но сурово наступим мы бровушки,
Если враг нас захочет сломать.
Из него мы повыпустим кровушки
И весьма огорчим его мать!

Глава 7,

*которую автор вполне мог бы развернуть
до размера полноценной скандинавской саги,
но пожалел читателя*

Как-то на привале Стремглав спросил у Ирони:

— Слушай, отчего это все время я развозжу кости? Ты что, особенный? Так не по-товарищески! А еще я вижу, ты всегда садишься спиной к пламени: в лесу ли, в избе ли. Я слыхал, что у варягов разные зароки бывают: не пить молока, не ездить верхом в такой-то день, не мыться, пока дятел не простучит. У тебя тоже такой зарок?

Ироня ответил не сразу, долго думал, после вздохнул.

— Сперва боялся я, что выдадут меня люди ярла Пистона, а теперь понимаю: не выдали бы. Да и ушли мы дальше... или далеко? Ты учи меня посконскому, учи, а то я его очень задумал...

— Забыл, — подсказал Стремглав.

— Забыл! — обрадовался горбун. — Правильно, забыл!

— Забыть можно лишь то, что раньше знал, — сказал Стремглав.

— Я знал, — вздохнул Ироня. — Я не варяг и никогда им не был.

— Кто же ты? Морквин или индулиец?

— Я — как ты. Поскончик, посконец...

— Посконич! — обрадовался Стремглав. — Так вот ты кто! Ну и зря молчал! Разве этого нужно стыдиться?

— Рабу всего нужно стыдиться, потому что он не свободный человек...

— Так ты, выходит, раб? — удивился сын шорника.

— А тогда бы ты мной гнусился? — спросил горбун.

— Гнушался, — поправил Стремглав. — Да никогда. Мы же товарищи.

...Детства своего Ирона почти не помнил. Вспоминалась ему изба — высокая, в два яруса, с крытыми дворовыми пристройками. Вспоминалась мать — она была всех красивее. А отец был сильнее всех других рыбаков. Он один мог выкатить ладью на берег.

Потом пришли варяги. Не морем, откуда их всегда ждали, — из леса. Когда все мужчины были на промысле.

Дом сожгли. Старики и старух зарубили. Всех остальных увезли с собой в лес. Долго шли, пока не вышли к варяжским ладьям. Там Ирона разлучили с мамой. Мама плакала.

Потом долго плыли и чуть не утонули в шторм. Вторая ладья утонула. На ней была мама.

Хозяина Ирона звали Фальстарт Торопливые Ноги. Он был рыжий и пузатый. Дом у него был еще больше отцовского, потому что у Фальстарта было много сыновей и дочерей, братьев и сестер, слуг и рабов. Все жили в одном доме, и потому в нем было трудно дышать.

Сначала Ирона рос как все дети. Хозяин не отличал его от своих сыновей. Они играли вместе...

Варяжский мяч для игры очень тяжелый. Он сделан из тюленьей шкуры и набит песком. Поэтому играть им следует осторожно.

Однажды старший сын Фальстарта, которого звали Бренд Торговая Марка, нарочно изо всех сил метнул мяч прямо в грудь маленькому Ироне. Ирона упал и ударился спиной о камень так, что перестал

себя понимать. Сыновья хозяина захотели и ушли. Ироня лежал на камнях до ночи.

Подобрал его старый раб, тоже когда-то вывезенный из Посконии. Раба все звали не по имени, а просто Костлявый.

Ироня знал: когда кто-нибудь в доме заболеет, к нему зовут старую Гунду, укрывают мехами и поят настоями. И очень удивился, что с ним не поступили так же.

Костлявый объяснил ему, что лечат лишь свободных людей, ярлов и конунгов, а раб должен выживать сам.

Ироня выжил, но спереди и сзади у него выросли горбы, а голова втянулась в плечи.

Над ним стали смеяться, потому что у варягов считается очень смешным, когда у человека два горба.

Когда Ироня выжил, он стал исполнять всякую работу наравне с другими, потому что раб, даже со смешными горбами, все равно остается рабом.

Когда к Фальстарту приезжали гости, всегда устраивался пир. Тогда Ироню освобождали от работы и велели плясать перед гостями, потому что у варягов считается очень смешным, когда у человека два горба.

Когда танцы всем надоели, его даже научили обращаться с мечом — ведь когда на мечах дерется горбатый с нормальным человеком, это же очень смешно у варягов.

Потом Ироню стали брать с собой в море в другие земли, в том числе и в Посконию. Его показывали иноземным людям, чтобы те тоже посмеялись. Но не во всех землях человек с двумя горбами считается смешным. Тогда его били.

В этих поездках Ироня узнал много языков и на-

речий. Он понял: когда выучишь один язык, остальные учатся очень быстро.

Он видел города из белого камня и красного кирпича, людей с черными лицами, зверей, похожих на людей, и людей, похожих на зверей. Он видел говорящих птиц. Однажды он даже видел Великого Морского Змея, только мертвого.

Он помогал хозяину в торговле, потому что знал уже языки и умел считать зарубки и даже кривые сарацинские знаки. Но он все равно оставался рабом, и сыновья Фальстарта заставляли его плясать перед своими девушками, потому что, когда девушки смеются, они легче соглашаются на любовь.

Несколько раз он пытался бежать в разных портах, но его всегда возвращали Фальстарту Торопливые Ноги, потому что нелегко горбатому скрыться среди нормальных людей. Всякий раз хозяин бил его, но не до смерти.

Когда Ироня стал взрослым, Костлявый показал ему, как пишутся Красные Руны, но попросил применить их, только когда сам он закроет глаза навсегда.

С тех пор Ироня стал терпеливо ждать этого дня и не пытался его приблизить, потому что нехорошо убивать человека, который спас тебе жизнь.

Этот день приблизил сам Фальстарт Торопливые Ноги, когда Костлявый, прислуживая на пиру, по неловкости облил ему колени пивом. Хозяин ударил раба кружкой по голове так, что тот упал замертво.

Рабам не устраивают погребальных костров, потому что это не люди, а падаль. Их и выбрасывают подальше от дома, как падаль.

Хозяин велел Ироне оттащить старика к берего-

вой кручे и сбросить вниз, чтобы его утащил прилив.

Ироня взвалил Костлявого на горбы, но унес недалеко — всего лишь за порог. Потом обошел вокруг дома и на каждой стене вырезал Красную Руну, чтобы из дома никто не мог выйти. Он разрезал руку и втер в каждую Руну кровь, чтобы Руна стала Красной. Красные Руны могущественны, но на всякий случай он подпер дверь бревном.

Трут и тюлений жир он заготовил давно и прятал в тайном месте. А бревна старого дома за много лет высохли как следует.

И пламя пошло по стенам, и дым проник внутрь, и люди закричали, а Ироня засмеялся, потому что внутри остались и Фальстарт Торопливые Ноги, и сын его Бренд Торговая Марка, и другие сыновья, и дочери, и внуки, и невестки, и зятья, и слуги, и рабы, потому что очень смешно, когда живьем горят варяги, которые сами так любили посмеяться.

Тело старика Костлявого тоже сгорело под упавшей балкой, и это было погребение, достойное великого героя. А остальных рабов ему не было жалко, потому что не стоит жалеть людей, которые даже не пытаются переменить судьбу.

Он хотстал, и все не мог остановиться, и начал задыхаться. Тогда он отвернулся от пламени, и смех сразу стих. Но стоило только ему вновь взглянуть на пожарище, и неудержимый хохот сотрясал тело.

Тогда Ироня взял мешок с припасами и побежал, потому что у Фальстарта оставалось еще много родственников по всей Варягии, и они захотели бы отомстить. Ведь раба на тинге не судят и к судебному поединку не приговаривают, а вешают, как собаку.

Костров по дороге он не разводил — ведь тогда бы его выдал не только огонь.

Он бежал до тех пор, пока не встретил ярла Пистона Длинный Нос и его людей. Они очень удивились, что Ироня говорит, хоть и плохо, по-бонжурски, и не стали смеяться, а только приговаривали: «Угораздило же тебя!»

Ироне понравились эти люди, и он понравился им. Второй же толмач в дороге не бывает лишним...

... — Да, — сказал Стремглав после того, как горбун закончил свой рассказ. — Угораздило же тебя! Но ты не переживай. Я бы и сам так поступил, только не стал бы дожидаться, покуда старик помрет. У меня, брат, как словом, так и делом!

— Я и не переживаю, — ответил Ироня.

Глава 8,

в течение которой совершенно непонятным, чудным и удивительным образом, противным науке и здравому смыслу и заставляющим вспомнить о враге рода человеческого, проходит аж целых семь лет

Прошло семь лет.

Глава 9,

в которой Стремглав становится капитаном Ларуссом и возвращается после опасного поручения к своему королю

Мухи любят смелых.

Смелые первыми идут в бой, первыми принимают вражеские удары, первыми падают на землю и всегда встречают смертный час с открытыми глазами, что представляет для мух большое удобство впоследствии, когда битва закончится: в мертвых глазах

ницах сподручнее откладывать яйца, из которых выйдут потом паскудные личинки.

Великие полководцы тоже любят смелых. Но не так крепко, как мухи.

А вот смелые любят мух не больше, чем все прочие люди. И глаза своим погибшим соратникам они закрывают, а некоторые и пораженным врагам такую же услугу оказывают.

Так велит рыцарский обычай.

А некоторые смелые бывают такие смелые, что не любят и великих полководцев.

За годы, проведенные в седле, с мечом и копьем, немало пришлось закрыть молодому Стремглаву дружеских глаз. Самого же его судьба хранила, и он знал, для чего.

...Все отпущеные ему со дня коронации годы король Бонжурии Пистон Девятый провел в непрерывных войнах.

Для начала требовалось повыбить с бонжурской земли захватчиков-стрижанцев, сто лет назад высадившихся на бонжурский берег с острова Стрижания, он же Туманный Балабон. Стрижанцы были знатные вояки, они крепко окопались в чужих замках, умело использовали внутреннюю бонжурсскую смуту, которая никогда и не прекращалась. Кое-как выбили, но сразу же на ослабленную войной страну обрушилась из-за гор спесивая Неспания. Стремглаву довелось защищать горные перевалы, а за покорение маленького пограничного королевства Ковырра Пистон Девятый пожаловал ему звание капитана; имя же королевства присоединил к собственному титулу.

Стремглав к тому времени знал уже такое количество бонжурских и других иноземных слов, что ему

дали прозвище «капитан Ларусс» в честь одноименного толстенного словаря, да ведь и выговорить его настоящее имя не всякий бонжурец был способен.

Под королевской орифламмой капитан Ларусс прошел всю Немчурию и Муттерланд, Флегму и Чувырлу, Сайру и Матафон, Жулябию и Девятиградье. Потом, покончив с главными врагами на земле древнего континента Агенорида, войско двинулось на Восток, где изрядно потрепало несметную армию султана Салоеддина, но обозы безнадежно отстали в песках, и пришлось возвращаться.

Мудрецы в университетах уже поговаривали о том, что король Пистон собрался восстановить ста-родавнюю империю Эбистос, подобно своему отдаленнейшему предку Кавтиранту Багрянорожему. Да он бы и восстановил, слов нет, — но в самом сердце Агенориды, как раз между Бонжурией и Немчурией, подобно занозе, торчал вольный город Чизбург, окруженный неприступными стенами.

С него король и начинал; но, после года бесплодной осады, решил отложить на потом.

Наступило и «потом» при самых неблагоприятных обстоятельствах.

Чизбург был построен на скалистом берегу залива, перегороженного толстыми стальными цепями. Цепи отмыкались для кораблей Стрижании и Неспании, пособлявших вольному городу, и помешать этой помощи не было никакой возможности: бонжурский флот был много слабее армии.

Стремглав был сперва рад без ума, когда король, направив войска на осаду Чизбурга, дал ему отдельное поручение, снарядив совсем в другую сторону — к соленому озеру Ак-Тузлук далеко на Полудне. Там,

по слухам, можно еще было добыть голову великана Акилы Пробивного, весьма необходимую при осаде.

Никаких великанов в окрестностях соленого озера Стремглав не обнаружил, там вообще мало кто жил, так что сын шорника чуть не сгинул в тех белых и горьких песках от голода и жажды, но все-таки не сгинул и возвращался сейчас к своему сюзерену не с пустыми руками.

Стремглав ехал и думал: хорошо бы к моему приезду Чизбург уже взяли, подвиги мне уже надоели, а осада — уж больно муторное дело. И скорее бы достичь лагеря, где его ждут так, как никогда и никого раньше не ждали.

Но ехал он верхом на простой крестьянской лошади — пришлось ее неволею купить по возвращении в Агенориду с юга, где его собственный боевой жеребец по кличке Протуберанс не выдержал тягот пустыни, в отличие от наездника, которому народы пустыни за неукротимость и неостанавливаемость дали прозвище Эль-Муддаххар, что значит Всадник, Скачущий Впереди Лошади.

Дорога шла вдоль реки, впадавшей в тот самый залив, на берегу которого и высился проклятый Чизбург. Дорога была пуста — видимо, опасался народ ошиваться в тех местах, где орудует бонжурское войско.

Но опасались не все. Стремглав приподнялся на стременах и посмотрел вперед из-под руки.

Впереди стояла повозка, обтянутая мешковиной. Из повозки вылетали какие-то корзины, свертки, ящики.

Повозку явно грабили.

Стремглав обрадовался слуху размяться, ударил

мечом о щит, дал шпоры коню и помчался вперед, издавая боевой бонжурский клич:

— Ейжеей! Ейжеей! За милых дам всем врагам поддам!

Клич этот, видно, был хорошо знаком грабителям: от повозки метнулись в сторону реки трое мужиков, на ходу бросая добычу и дубинки.

Будь под капитаном верный Протуберанс, он легко бы нагнал негодяев, да и копытами бы побил, но нынешняя лошадь была спокойна и не способна ни к чему, кроме легкой рыси, а лишний раз пинать ее шпорами Стремглаву не хотелось, потому что вот таких рабочих коней он с детства любил и жалел. Кроме того, разбойники уже скрылись под высоким речным берегом.

Из-под повозки вылез хозяин — плотный человек с рябым морщинистым лицом в простой одежде.

— Спасибо, ваша милость! Сама судьба мне вас послала!

Говорил рябой по-немчурински, но Стремглав к этому времени знал уже не то девять, не то десять языков.

— Кто такой? — спросил он, осаживая лошадь.

— Лексикон меня кличут, ваша милость, я здешний торговец...

— И куда же ты направляешься, любезный Лексикон, да еще в одиночку?

— Ясное дело куда — в Чизбург, торговать...

Стремглав чуть не сверзился с коня.

— Как? Город уже взят?

— Никак нет, ваша милость! Кто же его возьмет, коли он неприступен?

— Вот дела! Значит, осаду сняли?

— Никак нет, ваша милость! Кто же ее снимет,

коли нет таких крепостей, которых не взяла бы бонжурская армия?

— Ничего не понимаю, — сказал Стремглав и снял шлем.

— А я вас помню, капитан Ларусс! — радостно вскричал торговец. — Вы у меня три дня постоем стояли с вашим другом — ну, тем самым, — и он показал рукой воображаемые горбы.

— Возможно, — сказал Стремглав. — Но вот как же ты едешь торговать в осажденный город Чизбург, если он со всех сторон обложен так, что мышь не проскочит?

— Верно, господин капитан, мышь не проскочит, да и нечего ей там делать, мыши-то, а честному торговцу — завсегда широкая дорога...

— Так вы что, в Чизбург припасы доставляете?

— А как же! Все, что закажут, то и доставляем...

— И бонжурские солдаты вас пропускают?

— А как же! Мы же за проезд деньги платим!

Стремглав задумался.

— А его величество король при армии или в отлучке?

— При армии, ваша милость, в багряном шатре.

— И он вашу коммерцию допускает?

— А как же! Он сам и распорядился, чтобы нас пропускали в город, но не всех, а только тех, кто проездной билет купит.

— Полно, да в своем ли уме король? — вскричал пораженный Стремглав.

— В своем, да еще в каком светлом-то! Припасы ведь в Чизбург все равно доставят — не сушей, так морем, а кому это нужно, чтобы всякие там стрижанцы да неспанцы богатели? Никому не нужно. Правда, пошлину он дерет несусветную, так ведь и его по-

нять можно: из чего войску-то жалованье платить? Зато когда возьмет город, все сторицей окупит... И нам заодно обломится!

— Ох, не скоро он его возьмет, — вздохнул капитан. — С такими-то порядками...

— Ясное дело, не скоро. Скоро только слепых делают. Чизбург, например, углем на зиму запасается, уголь возим...

— Чудесит мой король, ой, чудесит...

— Да уж не так просто он здесь стоит: видно, что-то задумал...

Торговец Лексикон разговоры-то разговаривал, а брошенный на дорогу товар подбирал и со всем возможным тщанием возвращал в повозку.

— А ты-то сам что везешь?

— Да по мелочи: пару окороков, вина белого четыре бутыли, репу... Ну и селитры кучу, понятное дело. Селитра хорошая, вываренная...

— На что же им селитра?

— Им виднее. Может, хотят на улицах и площадях огороды развести, вот и удобрение. Так господин Примордиаль распорядился.

— Какой такой Примордиаль?

— Ну, самый настоящий. Который ученый. Тот самый. Он теперь в Чизбурге главный, городской совет у него весь в пригоршне зажат. Кабы не он, давно бы пасть Чизбургу...

— Волшебник, — уточняюще сказал Стремглав.

— Какой волшебник, ваша милость! Вы не вздумайте такое при людях сказать — засмеют! Господин Примордиаль колдунов и магов на дух не переносит, какие были в городе, так и тех велел пожечь на кострах. Магия с наукой несовместима, вот как он учит. Где ученый пройдет, магу ловить нечего. Там у них

строго, в Чизбурге. Он даже домовым приказал из города уйти — и ушли целым табором. Плакали, да уходили. Так что дома в Чизбурге теперь стоят без домовых, но мы не внакладе — домовые-то по деревням разбежались.

— Как будто в деревнях своих не хватает!

— Хватает, господин капитан. Они, городские, к нашим, деревенским, домовым в батраки нанялись. В каждом доме самое малое три штуки обретаются. Зато и порядок! Озоровать, вещи прятать не смеют, каждую пылинку вытирают. Да что же мы стоим-то? Поедемте потихоньку, ваша милость, вам ведь тоже торопиться некуда: без вас города явно не возьмут ...

— Да уж нет, любезнейший, поскачу я вперед, ждут меня там крепко...

— Баба? — весело догадался рябой.

— Она самая! — так же весело подтвердил Стремглав.

Глава 10,

*в которой говорится в основном о женщинах
и об эльфийском племени*

«У войны не женское лицо», — принято говорить.

Может, для других войн оно и правильно, но только не для тех, которые вел бонжурский король Пистон Девятый.

Нос у него (пардон, виконт дю Шнобелле) был, конечно, натуральный, фамильный, но и слухи насчет любострастного лесничего Крюшона тоже имели под собой основания, ибо с молодых лет показал себя король великим охотником до прекрасного пола, дамским угодником, галантнейшим кавалером, завязтым сердцеедом, записным волокитой, альковных

дел мастером, беспросветным юбочником, приаповым рабом, неустанным ходоком, безудержным фаллоцентристом, а в некоторых случаях и обыкновенным бабником.

Среди современных историков мало кому ведомо, что известное выражение «поставить пистон» восходит к имени славного бонжурского монарха.

Когда король въезжал в какой-нибудь город или даже малую деревеньку, впереди него летели герольды, оглашая окрестности воплем: «Ищите женщину!» — и этот призыв тоже стал историческим.

Кроме того, был король великим ревнителем рыцарского кодекса, который предписывает поклоняться прекрасным дамам, во всем им угоджать, исполнять любые их капризы, а подвиги совершать исключительно в их честь.

Но рыцарь не может взять в поход даму своего сердца — ни свою жену, ни тем более чужую, ни невесту, ни любовницу знатного рода. Всем им, по бонжурскому обычаю, следует оставаться дома и куковать на замковых стенах, накуковывая своим отважным возлюбленным долгие лета жизни, что в боевых условиях совсем нелишне.

Так что бонжурские дамы в сражениях не участвовали. Правда, в предыдущем веке был такой случай, когда баронесса де Забилье, благодаря своему огромному весу и объему, сумела в одиночку, голыми руками, ногами, грудями и бедрами подавить крупнейшее крестьянское восстание и тем спасти милую Бонжурию от неминуемого распада. Все рыцари в то время отлучились на очередную войну, вот мужики и обнаглели. В народе ее прозвали Жанна-Посадница, потому что всех главарей восстания она посажала на

колья. Но с тех пор такие боевитые дамы более на свет не появлялись.

Может, и к счастью.

Прославленное бонжурское войско постоянно сопровождалось огромным количеством маркитанток, прачек, белошвеек, ткачих, поварих, щипательниц корпии, танцовщиц и просто полковых шлюх. Но на время боевых действий Пистон Девятый настрого предписал своим молодцам относиться ко всей этой сестрии как к знатным дамам: обид не чинить под страхом лишения золотых рыцарских шпор, одаривать трофеями, носить на руках, проходить последовательно все стадии галантного ухаживания, слагать в их честь трогательные атассы, лариоли и фламбетты, распевать у подножия обозных повозок вечерние и утренние крапарели, подыгрывая себе на звонких тонкострунных булярах.

Даже взбираться на повозку смилостивившейся полковой дамы нужно было не иначе как при помощи коротенькой веревочной лестницы. А лучшему другу влюбленного частенько доставалось играть роль воротившегося до срока мужа, чтобы чувства были всегда свежи и крепки.

— Я не хочу вернуться в Плезир во главе орды варваров, — объяснял король свои чудачества. Хотя не такие уж это были и чудачества, поскольку появившиеся на свет мальчики с ходу записывались в войско, а девочки со временем занимали места своих матушек.

Было также предписано именовать своих возлюбленных Прекрасными Бабами — нельзя же их было совсем уравнять с оставленными благородными графинями и герцогинями! Ведь предстоит еще домой возвращаться, кто живой будет!

Стремглав, сын шорника, робел перед женщинами.

В деревне он за юными селянками не ухаживал, потому что стыдился скверного запаха, который, казалось ему, навсегда пропитал руки и одежду, а в роскошном и распутном городе Плезире стыдился вообще неизвестно чего. Напрасно друзья тягали его в веселые дома («Гляди — я, горбатый, и то сколько уж их обиходил, а ты все нецелованный», — говорил друг Ироня), напрасно графини и герцогини приглашали его на званные вечера с ночевой, напрасно и сам Пистон Девятый подсовывал ему толстую заморскую книгу «Камышовый стебель в медном тазу» с постыдными картинками.

Стремглаву легче было развалить до седла врага в двойных вороненых неспанских латах, чем завалить в сено нестрогую простушку из предместья.

То же самое повторялось и в походах. Капитан Ларусс всегда брал на себя самые трудные поручения, спешил в самые горячие схватки, раньше всех вставал и позже всех ложился — чтобы утомить тело до крайности, при которой никаких игривых мыслей возникнуть не может.

И при всей своей способности к языкам не умел он сложить даже самую простую фламбетту, не говоря уже об игре на тонкострунном буляре. Немало он их изломал своими толстыми корявыми пальцами, когда пытался брать уроки музыки у Ирони, слывшего большим мастером этого дела.

Маркитантки и танцовщицы, видя его стать и мужество, готовы были принять героя и без галантных условностей, но бедняга в такие минуты словно деревенел и начинал забывать не то что бонжурский с немчурским и стрижанским, но и родной посконский.

«Видно, эльфийскую принцессу ищет», — фыркали полковые дамы и обиженно убегали к менее разборчивым воинам.

А искать эльфийскую принцессу человек даже в те времена мог до скончания дней своих.

Хотя, конечно, не все эльфы в свое время сумели уплыть на Закат, в свое вечное изгнание, не выдержав многовекового состязания с людьми Агенориды, которые хоть и жили недолго, зато плодились будь здоров. Не всем хватило места на огромных черных кораблях под синими парусами. Не все успели достичь Гранитной Гавани вовремя. А опоздавших не ждали, поскольку эльфы не люди и понимают все не как люди.

Остатки Перворожденных скитались по лесам, таясь от людей, и помаленьку гибли, не выдерживая зим, которые становились все длиннее и холоднее.

Некоторые, сломив эльфийскую спесь и спрятав под длинными волосами остроконечные уши, нанимались к богатым господам в лесничие, и брали их туда охотно и без огласки, потому что нет надежнее лесного стражи, чем эльф, знающий язык зверей и беспощадный к тем, кто осмеливается охотиться или рубить лес на хозяйственных землях. Развешивая на дубах пойманных и замученных браконьеров и порубщиков, эльфы мстили, как уж могли, своим гонителям из рода человеческого.

Эльфы научились отжигать древесный уголь в ямах и продавать его людям — опять же безвылазно сидя в лесной чаще.

Говорили, что немало эльфов нашли прибежище в университетах и академиях, поскольку самый глупый эльф умнее и ученее всех людских мудрецов. Оттого-то университетские мэтры и доктора носят по традиции войлочные колпаки с наушниками.

А цыган все народы недолюбливают и побаиваются именно потому, что считают их одним из диких эльфийских кланов, и на черные корабли их не взяли сознательно, чтобы не огорчать предков в землях Заката буйными песнями и плясками, которые не похожи ни на эльфийские, ни на людские. И детей цыгане крадут, чтобы их было много, как у людей, а возраст у цыган определить очень трудно.

У эльфа-мужчины нет никакой надежды отправиться в землю предков: вожди, отчаливая из Гранитной Гавани, наложили на воду вековечное заклятье, чтобы не оставалось на волнах никаких следов от кораблей. Заклятье действует и по сей день, в чем всякий волен пойти и убедиться.

А женщина-эльф попасть на Закат все-таки может — но для этого она должна родить от человека троих сыновей — хоть зараз, хоть по одному. Условие это почти невыполнимо, поскольку эльфийка способна зачать лишь от того, кто полюбит ее раз и навсегда. Среди людей это невиданная редкость, и каждый такой случай обрастает легендами. Во всех этих легендах потомство матери оставляют людям, сами же бесследно исчезают, словно растворяясь в воздухе.

«А вот назло вам возьму и найду эльфийскую принцессу!» — огрызаясь Стремглав, когда насмешницы начинали совсем уж его изводить.

Потом он и сам убедил себя, что никакой робости у него перед бабами нет, а вот просто ищет человек себе именно эльфийскую принцессу, втемяшил себе в голову да ищет, не желая размениваться на кого попало. Тем более, говорят, что с их любовью никакая людская любовь не сравнится.

Глава 11,

*в которой капитан Ларусс собирает подснежники
в одном очень опасном месте*

...Алатиэль появилась в бонжурском войске как раз в тот день, когда король поручил капитану Ларуссу отправиться на Полдень добывать у великана Акилы Пробивного волшебную реликвию.

Чумазую, оборванную девчонку подвезли какие-то сердобольные обозники. Полковые прекрасные бабы поначалу встретили это чучело с неудовольствием, но после ее душераздирающего рассказа о сожженном лесном хуторе и о замученной какими-то бродячими наемниками родне сами расплакались, накормили бедняжку, вымыли, расчесали и поделились одеждой.

По обычаям девчонка была представлена королю.

— Маловата еще, — вздохнул Пистон Девятый. — Хотя порода чувствуется. Должно быть, однажды благороднейший муж переночевал на вашем хуторе. Что ты умеешь делать?

— Все, — сказала Алатиэль. — У нас в лесу служанок не водится.

Алатиэль было самое эльфийское имя, но это ничего не значило — тысячи людей носят имена, оставшиеся от Перворожденных, потому что это звучные, красивые имена.

Король хмыкнул, хлопнул в ладоши и велел звать капитана Ларусса.

Покуда Стремглав добирался до королевского багряного шатра, немало шуток довелось ему услышать и от шлюх с белошвейками, и от собратьев-рыцарей, и от простых солдат.

— Негоже рыцарю отправляться на подвиг, не

посвятив оный некоторой прекрасной бабе, — сказал король. — Вы воротите свой коротенький нос, мой храбрый капитан, от красавиц, коим мы все по мере сил служим и поклоняемся. Посмотрим, не придется ли вам по вкусу это маленькое лесное чудо...

Стремглав поднял глаза и пропал. Он еще не знал, что пропал, но его позабывшее страх сердце колотилось так, что слышно стало всем — латы ведь усиливают всякий звук, исходящий из рыцарской груди.

— Да! — сказал он на своем родном языке, потом повторил это утверждение на всех девяти или десяти языках, которые знал.

— И чего он в ней нашел? — зашипели, зашелестели прекрасные бабы. — Ни рожи, ни кожи, кожа да кости, в чем душа держится, в базарный день пятачок цена, только на черном дворе и держать, зенки бесстыжие, белые...

Полковые красавицы уже раскаялись, что приняли такое участие в бродяжке. И, главное, будь на их месте благороднейшие дамы Плезира, то говорили бы они то же самое — и, может быть, теми же самыми скверными словами.

Глаза у Алатиэли были светлые, такие светлые, что еще немного — и стали бы они жуткими, безобразными, как у болотной нечисти бывают. Но природа, творя красоту, всегда знает, когда надо вовремя остановиться.

А волосы были желтые, но такого оттенка, который стоит всех золотистых.

Дальше случилось нечто совсем уж несусветное и небывалое.

Стремглав выхватил у горбuna, который совсем недавно услаждал собрание скабрезными куплетами,

тонкострунный буляр и, взмахнув неуклюжей пятерней, пропел в честь Алатиэли даже не примитивную фламбетту и не жалобную лариоль, а полноценную атассу, которую далеко не всякий опытный кавалер сложить может. При этом он ухитрился даже не порвать ни единой струны.

Как обычно, в атассе пелось о несуществующих местах и вымыщенных событиях.

За Темзой широкой,
За Сеной далекой
Зовет проповедник в крестовый поход.
За городом Йорком,
За первым пригорком
В охотничьем замке графиня живет.

Еще не светало.
К жене феодала
Пришел объясниться другой феодал.
Он ждал — не дождался,
На стену забрался
И страшное зрелище вдруг увидал.

Свиданье забыто.
Над книгой раскрытой
Застыла графиня в окне золотом.
Читает, скотина,
Не то Августина,
Не то Аквината пятнадцатый том.

Но воин — не книжник.
Огромный булыжник
Влетает, как вестник Амура, в окно.
Ужасная сцена:
Ругнувшись обсценно,
Она продолжает читать все равно.

А утром у входа
Родного феода
Повесился наш молодой феодал.
«Да, грамотность губит
Любого, кто любит!» —
Сказал сам король наш и вдруг зарыдал...

Пораженные слушатели во главе с королем не успели опомниться, а сын шорника уже содрал с себя латы и, оставшись в одном белье, устремился вверх по склону, в сторону неприступного Чизбурга.

Пистон Девятый быстрее всех догадался, в чем дело.

— Появились подснежники, господа, — сказал он. — Бедняга Ларусс! Среди бела дня! Мон блин! Пропал посكونский парнишка, подстрелят его... Дурак ты, король, и шутки твои дурацкие! — неожиданно добавил он и с размаху заехал себе по носу (пardon, виконту дю Шнобелле). Виконт сразу распух, как у горького пропойцы, и заплакал кровью.

Под стенами Чизбурга было место, прозванное осаждающими Смертной Полянкой. От остального поросшего травой склона оно отличалось редким обилием цветов. Первыми, как полагается, вылезали подснежники, потом их сменял павлиний хвост, потом роскошные тигровые маки, на смену им приходили ночные костры, а уж под самую осень расцветали зеленые розы, хотя розы эти были не настоящие и росли не на кустах, а на высоких стеблях без всяких колючек.

Бонжурское войско было не первым, взявшим Чизбург в осаду. Всякий уважающий себя полководец пытал военное счастье под этими грозными стенами. И всегда находились отчаянные головы, готовые на спор или ради дамы сердца добыть там букет цветов. Чаще всего это делали ночью, и тогда осажденным приходилось стрелять на звук; но были и такие отважные рыцари, что ходили за благоуханной добычей в сумерки, отчего риск получить стрелу в согнутую спину резко возрастал. Латы же, понятное дело, снимали, иначе никакого интереса не было и

подвига не получалось. Хотя для доброго арбалетного болта с такого расстояния, да еще сверху — и латы не помеха.

Ясным же днем на такой дерзкий набег никто не решался.

Цветы особенно хорошо растут там, где почва полита кровью.

Все ожидали, что девчонка заголосит: «Дяденька рыцарь, не надо!» — и побежит догонять и возвращать внезапного кавалера, но Алатиэль стояла, гордо вскинув голову, как настоящая королева, принимающая вассальную присягу. Полковые бабы сердца даже отступили от нее на несколько шагов.

— Вот сучка! — воскликнула повариха матушка Мандраж, которая по возрасту из прекрасных баб уже выбыла, зато умела готовить настоящий уклюнинский борщ с ромом.

Алатиэль не удостоила ее даже поворотом головы.

Ничто не отразилось на ее белом лице даже в тот миг, когда после томительного ожидания, показавшегося бесконечным, вернулся запыхавшийся капитан. В огромном кулаке он сжимал бледный букетик.

Стремглав опустился перед Алатиэлью на одно колено и, склонив лохматую голову, протянул ей подснежники.

Девчонка приняла рыцарский дар, удостоив дарителя легкой улыбкой. Букетик она пристроила себе на грудь, а потом, наклонившись, начала отрывать от платья расшитую жемчугом оборку.

— Даром досталось — вот и не жалеет! — снова зашипели прекрасные бабы.

Получившуюся голубую ленту она протянула Стремглаву и жестом приказала ему встать.

— Отныне объявляю вас, сударь, своим рыца-

рем! — сказала она, словно отроду знала правила этикета.

— Я предвидел, что вы друг другу понравитесь, — гундосо сказал король и отнял от зря побитого виконта дю Шнобелле носовой платок. — Мон блин, да здравствует капитан Ларусс!

— Да здравствует капитан Ларусс! — подхватило войско.

— И как я сам-то ее не разглядел, — тихонько пожаловался Пистон Девятый случившемуся рядом Ироне.

— Так бабы нарочно ее против света поставили! — растолковал Ироня монарху всю глубину женского коварства.

...Потом Алатиэль и Стремглав — опять же согласно обычая — гуляли в лесу. Голубую ленту она повязала на шлем своему кавалеру.

Стремглав, путаясь в языках, многословно изъяснял неожиданно обретенной бабе сердца свои чувства. Алатиэль время от времени благосклонно кивала и смутно улыбалась...

И тут настала такая тишина, которой не было на белом свете ни до, ни после. Может, лишь в промежзвездном пространстве бывает так тихо, да и то не факт.

Ни одна птица клюва не раскрыла, ни одна мышь не пискнула, даже дятел так и остался сидеть с клювом, застрявшим в коре. Травинки вытянулись, как новобранцы в строю, кусты замерли, деревья взяли ветви по швам.

В бонжурском лагере не звякнул ни один котелок, ни один меч, ни одна кираса. Рыцари и солдаты поглядывали друг на друга и друг другу же показывали кулаки: смотри, мол!

...Когда закончился, наконец, первый в жизни сына шорника поцелуй, она вздохнула и сказала:

— Увы, мой друг, вознаградить вас по достоинству я смогу лишь после того, как вернетесь вы из назначенного вам похода...

— Ты-то откуда знаешь? — от неожиданности перешел на простой язык Стремглав. — Это же военная тайна! Ты... вы... вы в самом деле эльфийская принцесса?

— Эльфы больше не ходят по земле Агенориды, — вздохнула она. — Нет никаких эльфов, есть только людская мечта... Что же касается тайны, то для женщины, как и для эльфийки, никаких тайн не существует вовсе.

— Это так, — сказал Стремглав. — Но кто знает, когда я вернусь из своего странствия и вернусь ли вообще?

— Я не буду стареть, ожидая вас, мой рыцарь, — пообещала она. — Кроме того, у нас будет время убедиться в подлинности наших чувств...

— Не верится мне, прекрасная баба, что возросли вы на глухом лесном хуторе, а не при королевском дворе, я ведь и сам, признаться... — тут он сперва прикусил язык, но потом все-таки решился и продолжил: — Не смею лгать вам, великолепная Алатиэль, род мой незнатен, более того, происхождения я самого подлого...

— Происхождение не бывает подлым, — сказала Алатиэль. — Вот люди — те, конечно, бывают. И очень часто.

— Клянусь небом, землей, водой и огнем — я до возвращения к вам не подниму взора ни на одну женщину! — вскричал капитан.

Небо над ними стояло синее и безоблачное, зем-

ля под ногами вовсю зеленела, от недальнего залива веяло солоноватым ветром, и запах моря мешался с дымом походных костров.

— Как грустно, — сказала Алатиэль и прижалась щекой к холодной стали кирасы капитана. — Как старательно играем мы с вами в эту забавную игру — куда там бродячим актерам! Ваш король возьмет в конце концов этот дурацкий Чизбург, армия вернется в Бонжурию, вы окажетесь при дворе и мгновенно забудете судомойку Алатиэль — да-да, матушка Мандраж берет меня под свое начало. Ваш король был весьма мудр и дальновиден, когда придумал всю эту походную куртуазию...

Стремглав помрачнел.

— Никогда, — сказал он, — и ни за что не будет этого. Если бонжурскому графу или барону дозволено подобное, то сыну посконского шорника не к лицу куражиться над судомойкой. Может быть, вы и не эльфийская принцесса. Но я вас сделаю королевой.

С этими словами Стремглав развернулся и быстро пошел прочь — седлать своего верного Протуберанса.

— Постой! — вскричала Алатиэль. — Милый Ларусс, а что, если ты... Ну, задержишься там надолго или вовсе...

Говорить воину, отправляющемуся выполнять опасное дело, такие слова не следовало бы.

Поэтому Протуберанс еще некоторое время оставался неоседланным.

...На прощание она протянула своему рыцарю желтый цветок — такие здесь не росли, и не время еще было для крупных и ярких цветов.

— Он не заявляет до нашей встречи, — сказала Алатиэль.

— Желтый — цвет измены, — усмехнулся Стремглав.

— Это у людей, — сказала она. — У эльфов цвет измены — алый.

Глава 12,

*в которой излагаются приключения
капитана Ларусса в далеких землях*

Рыцарю полагается говорить правду и отстаивать истину.

Чтобы рыцарь не забывал об этом, ему дается копье, что свидетельствует об истине, ибо истина не извилиста, но прямая, и она опережает ложь. А наконечник копья символизирует преимущество, которое имеет истина над ложью, штандарт же свидетельствует о том, что истина открыта всем и не страшится лжи и обмана. Именно в истине коренится надежда, равно как и многое другое; воплощением же ее является копье.

Так записано в рыцарском уставе.

Правда, в этом же уставе записано, что рыцарь обязан тешить своего сюзерена и своих товарищей долгими, пречудными и преудивительными рассказами о своих подвигах в дальних странах.

Рассказы эти должны изобиловать сокрушенными великанами, выпотрощенными драконами, плененными сарацинскими королями и освобожденными принцессами, злыми и добрыми чародеями. Кому охота слушать о паршивой еде на постоянных дворах, о стычках с разбойными шайками, о вечной нехватке денег и о том, какую скверную и стыдную награду можно заполучить от придорожной принцессы, каковых в народе зовут «плечевыми» за то, что они обнажают плечи в надежде завлечь всадника!

Вот тут-то и приходится рыцарю обращаться к Истине с мольбою постоять чуток в сторонке, покуда Его Величество Чудесный Вымысел прихотливо плетет свою золотую ткань, дабы накинуть сверкающую сеть поверх ее, Истины, дерюжного дорожного одеяния. Сие действие не почитается ни обманом, ни ложью, и горе тому, кто таковые слова произнесет!

Но далеко не всякий рыцарь способен уснastить свое повествование диамантами фантазии и смаргдами воображения. Да и по части красноречия среди них немного мастеров.

В такой беде могут помочь только странствующие по рыцарским путям трубадуры. Назвали их так исключительно по ошибке, потому что невозможно рассказывать про чужие подвиги, играя одновременно на трубе. Трубадуры пользуются в основном струнными инструментами. Но за свои сочинения они обычно ломят такую цену, что бедные рыцари только крякают, да платят.

Стремглаву тоже пришлось подстеречь на дороге старенького трубадура. Деньги тот потребовал вперед, зато рассказ о подвигах получился на славу. Стремглав не отпускал сочинителя до тех пор, пока не выучил все подробности своего славного боевого пути.

Подробности же эти были таковы:

«Много, много лье пришлось преодолеть славному рыцарю капитану Ларуссу по земле и по воде. Четыре коня пали под ним, три баркаса и одна фелука затонули. Одежда на нем истлела, и даже стальные латы пришли в негодность, а тело его вплотную приблизилось к смерти, когда вступил он в Бурдосский лес, а лес этот славился тем, что вошедший в него ге-

рой никогда уж более не возвращался, чтобы поведать прочим рыцарям о причинах своей погибели.

Три дня и три ночи скитался рыцарь Ларусс в непроходимых дебрях, питаясь травой и молодыми побегами сосны. Утром четвертого дня на широкой поляне предстал перед ним замок Баламон, и стоял тот замок на птичьих ногах, и был весьма укреплен и окружён рвом, в котором вместо воды плескались горькие слезы дерзновенных героев.

И взял рыцарь Ларусс верный боевой рог по имени Децибелл, и с великою силой вострубил в него. Но никто не ответил ему.

И снова взял рыцарь боевой рог, и подул в него так сильно, что щеки у него лопнули, а из ушей хлынула кровь. Но никто из обитателей замка даже не подошел к окну.

В третий раз поднес рыцарь боевой рог Децибелл к губам своим, но звук из рога вышел тихий и жалобный.

И тогда распахнулись ворота замка, и спустилась оттуда лестница из черного мрамора и красного гранита.

Десятеро слуг самого безобразного и дикого вида устремились к рыцарю Ларуссу и, видя его изнурение, на руках отнесли его во внутренние покои замка, чтобы предстал он перед его владельцем, великанином Акилой Пробивным.

Великан же тот восседал на престоле, сложенном из оружия и доспехов погубленных им рыцарей. Голова великана похожа была на пивной котел, глаза были величиной с тарелку, и между ними легко умещалась добрая стрижанская стрела. Уши же Акилы Пробивного были свернуты наподобие древних чернокнижных свитков.

— Кто осмелился нарушить мой установленный веками режим? — вскричал великан голосом, подобным грохоту камнепада.

— Я капитан бонжурской армии рыцарь Ларусс, и пришел я за твоей головой, ибо мой повелитель, славнейший и непобедимейший Пистон Девятый, имеет в ней большую нужду.

— Разверните мне уши — не слышу! — взревел великан так, что стальные доспехи под ним задребезжали.

Тотчас безобразные слуги баграми и вилами развернули ему уши, и рыцарю пришлось повторить свои слова.

— Видно, не подумал твой король, каково придется мне без головы, — сказал великан. — Послал он тебя на верную смерть, поскольку голову свою я могу отдать только в промен на холодильные яблоки из сада Маргиона Обволошенного, а добыть их никому не удавалось доселе.

— Нет для меня в том проблемы, — отвечал рыцарь, — хотя, похоже, ты так не думаешь.

— Значит, выросла цена моей головы, — сказал Акила Пробивной. — Ибо потребую я с тебя еще принести мне Цветок Душистых Прерий, охраняемый Циликоном Трубкозубым, который на единственной ноге успевает повсюду.

— Нет для меня в том проблемы, — отвечал рыцарь, — хотя, похоже, ты так не думаешь.

— Значит, еще дороже стала моя голова, — сказал великан. — В таком случае принеси мне сапоги-хронотопы, принадлежащие королю Рыландии Крексу Кривоходящему, ибо желаю я перемещаться из дня нынешнего как в день прошедший, так и в день грядущий.

— Нет для меня в том проблемы, — отвечал рыцарь, — хотя ты, похоже, так не думаешь.

— Значит, безмерно возрастает цена моей головы, — сказал Акила Пробивной. — Возникла у меня острая необходимость получить вставную челюсть Двутавра Карымского, а он может отдать ее только взамен Мертвую Крысу Ахаза, а Мертвая Крыса готова предоставить свою Мертвую Тушу лишь тому, кто принесет ей Безмолвный Колокол царя Суропа, а царь Суроп, несомненно, потребует Одинокую Гармонь, которая бродит сама по себе, а ей владеет Блазивер Свадебный Певец, а тому ничего не нужно, кроме моей головы.

— Я же сказал тебе, что нет для меня ни в чем проблемы, — отвечал рыцарь. — Дай же мне на время свою голову, и я тебе в краткий срок доставлю все эти драгоценные реликвии да еще приплачу два деянье и пять су: твоя голова того стоит!

Великан Акила Пробивной был тщеславен, глуп и жаден, он своими руками снял свою голову с плеч и протянул капитану Ларуссу.

И тотчас исчезли и великан, и трон, и замок, и ров, заполненный горькими слезами героев, и рыцарь очутился на широкой поляне, держа в руках вот этот череп...»

Сие нехитрое повествование вызвало у бонжурских рыцарей такое восхищение, что они трижды грянули мечами о щиты и сказали:

— Ай да ой! Не слышали мы до сих пор такого дивного рассказа и впредь, надеемся, не услышим!

Хотя все они прекрасно видели, что латы на Стремглаве те же самые, в каких он уезжал подвизаться,

что череп в его руках от времени успел не только пожелтеть, но и забуреть, но так уж принято было в рыцарском обществе — не сомневаться в словах товарища, с которым завтра предстоит идти в смертельную схватку.

Рыцари дружно повалили из королевского шатра и устремились к расставленным и накрытым уже столам, а Стремглав остался в обществе короля, мессиров Плиссе и Гофре и главнокомандующего, коннетабля де Коленваля.

Глава 13,

*в которой, как и прилично данному числу,
уже содержится предвестие несчастья*

— А теперь, — сказал Пистон Девятый, — нам не терпится узнать, как все было на самом деле.

— Да там нечего и рассказывать, государь, — ответил Стремглав. — Дорога и вправду была нелегка. Протуберанс мой сломал ногу, пришлось его прирезать и съесть. Редкие тамошние жители знать не знают ничего ни о наших великих завоеваниях, не слышали и самого имени бонжурцев. Рыться в старых могилах — тоже не самое почтенное и приятное занятие. Но объясните мне, зачем нам понадобилась эта древняя мертвя кость?

— Как вы скучны и прозаичны, друг мой! — воскликнул король. — Или вам лень прибавить что-нибудь от себя? Каковы, например, женщины в тех краях?

Стремглав, скрючившись и сморщившись, показал на себе, каковы там женщины, и короля аж передернуло.

— Капитан Ларусс, — торжественно сказал кон-

нетабль де Коленваль, — вашими трудами будет поставлена точка в нашей многотрудной осаде.

— Это каким же образом? — удивился Стремглав.

— Пока вы отсутствовали и подвизались, — продолжал коннетабль, — мы соорудили для взлома ворот гигантскую таратуту — соблюдая при этом строжайшую осторожность и неслыханную секретность.

Таратутой именовался таран, украшенный обычно на конце стальной бараньей головой.

— Это следовало сделать давным-давно, — дерзко заметил Стремглав.

— Да, но у нас не было черепа Акилы Пробивного, — сказал король.

— А чем нам этот череп поможет?

— Ха! — сказал Пистон Девятый. — Мы укрепим его на торце таратуты вместо стальной бараньей головы. Акила Пробивной при жизни сокрушал собственным лбом не то что ворота, а даже гранитные скалы.

— Странно, — сказал Стремглав. — А я так всю дорогу боялся, как бы у меня эта черепушка не искрошилась от ветхости... Кроме того, вы не поверите, но этот череп говорящий.

— Вы еще многое не знаете, любезный капитан, — сказал мессир Гофе. — В том числе и о чудесных свойствах этого черепа. Мудрено ли, что он говорит, — это не главное его достоинство. Кстати, что он говорит?

— Ругается, должно быть, на своем мертвом языке. А вот наш противник в Чизбурге, похоже, обходится без всякой магии, — сказал Стремглав.

— Он просто безумец, этот Примордиаль, — сказал мессир Плиссе. — Он воображает, что наука,

этот изящный, но бесполезный каприз мудрецов, способна противостоять древней магии.

— Однако же слышал я, что благодаря мэтру Примордиалю жизнь обитателей Чизбурга стала легкой и беспечальной, — возразил Стремглав.

— Это верно, — подтвердил коннетабль де Коленваль. — Благодаря тому, что мы пропускаем в город возы поселян, нам известно все, что там происходит. До мелочей. Мы знаем, что у осажденных есть неиссякаемый источник воды. Более того, вода по трубам поступает в каждое жилище и даже подогревается при этом, благодаря чему там бывает тепло даже зимой!

— А всякий житель обеспечен пищей и водой в равной мере со всеми, — добавил мессир Гофре.

— Тогда они, понятное дело, будут сопротивляться до последнего — кому охота расстаться с подобным житьем, — уныло сказал Стремглав.

— Отнюдь! — воскликнул король. — Наши люди в Чизбурге сообщают, что весь хворост, ввозимый крестьянами, идет на костры для колдунов и магов. Чуть не каждый день в городе кого-нибудь да жгут. А тем, кто в колдовстве не уличен, рубят головы, звоня при этом в тревожный колокол. Мон блин, даже я более милосерден и снисходителен к нашим мародерам.

— Отчего же столь жесток мэтр Примордиаль? — спросил Стремглав. — Насколько мне известно, нынешние ученые провозгласили своим девизом безудержное человеколюбие!

— Так-то оно так, — сказал Пистон Девятый, — но мудрый Примордиаль занят исключительно своими изысканиями в области военного искусства и бла-

гополучием своих подданных. Порядком же и казнями ведает комендант города, а вы, капитан, его знаете...

— Откуда же могу я знать приспешников врага? — возмутился Стремглав.

— Все мы его знаем, — вздохнул король. — Это мерзавец Кренотен. Вот что еще держит меня у стен этой проклятой твердыни! А главное — стоит нам отступить от стен, как Чизбург соберет вокруг себя всех недобитых князьков и герцогов, и бранные труды наши пойдут прахом!

— Слишком большой кусок земли мы отхватили, — проворчал коннетабль де Коленваль. — Как бы не подавиться!

— У нас в Посконии, — заметил Стремглав, — такое положение описано в народной прибаутке: «Мужики, я медведя поймал!» — «Так веди его сюда!» — «Да он не идет!» — «Тогда сам возвращайся!» — «Да он не пускает!»

— Увы, это так, — согласился король. — Не раз посыпал я парламентеров к мэтру Примордиалю с предложением объявить Чизбург открытым городом и безболезненно перейти на нашу сторону. Но ни один из них так и не добрался до ученого мужа, и возвращались они ни с чем. А последнего нашего посла негодяй Кренотен... Да вы же помните, что сделал он с беднягой лучником!

Стремглав поежился.

— Где же такое забудешь, — сказал он. — Но ведь после этого полагается разорить город до основания!

— Я запретил трогать мэтра Примордиала, — сказал король. — Все эти ученые не от мира сего, и он, похоже, всецело пребывает под влиянием мерзавца-лекаря.

— А я бы повесил обоих на одной веревке! — ру-
банул коннетабль.

— Для начала хотя бы ворвитесь в город, — хо-
лодно заметил король.

— Мой отряд к вашим услугам, — поклонился Стремглав. — Надеюсь, я заслужил честь первым ступить на мостовые Чизбурга.

— Несомненно! — воскликнул король. — И очень скоро! Как только мы получим знак от нашего чело-
века...

Тут Пистон Девятый осекся и глянул на капитана с некоторым смущением. Его виконт дю Шнобелле подозрительно побледнел.

Стремглав почуял недоброе.

— Скрывать от вас было бы глупо и недостой-
но, — сказал король. — Не возражайте, коннетабль, секретничать уже ни к чему. Капитан Ларусс, наш разведчик в Чизбурге — дама вашего сердца, отваж-
ная Алатиэль!

Тут запала такая отчаянная тишина, что нарушить ее никто не осмелился.

Коннетабль отворотился, вытащил небольшой но-
жичек и начал с поразительным тщанием очищать ногти.

Мессиры Плиссе и Гофре в безмолвии показыва-
ли друг другу пальцы, делая вид, что общаются на языке глухонемых.

Пистон Девятый, как и положено королю, глаз не опустил, но смотрел на своего верного рыцаря, как на шкодивший школляр на зверя-учителя.

— Продолжайте, ваше величество, — тихо сказал наконец Стремглав.

— Девчонка вызвалась сама, — вымолвил король через силу. — Она хочет отомстить за свою семью.

Она честолюбива не менее вас, капитан! Она хочет быть достойной вас! Она действительно вас любит, а я пообещал ей, в нарушение всех правил, рыцарское звание, ведь присвоил же мой прапрадед таковое баронессе де Забилье. А уж если женщина чего-то сильно захочет... — он махнул рукой.

— Девушка очень умна, — пришел ему на помощь мессир Плиссе. — Она побывала в Чизбурге уже дважды и предложила нам такой превосходный план, что не согласиться с ним было бы неразумно. В день штурма мы сделаем все, чтобы она не пострадала.

— Могу я узнать, в чем заключается этот план? — сказал Стремглав. Только это он и мог сказать, поскольку ничего другого ему в голову не приходило.

— Теперь — да, — сказал король. — Потому что штурм начнется завтра на рассвете. Алатиэль выйдет на крепостную стену в самом ярком платье, какое только можно купить в роскошных лавках Чизбурга. Это и будет сигналом.

— Вздор! — гневно сказал Стремглав. — Кто же пустит женщину на крепостную стену?

— Некому будет задержать ее, доблестный Ларусс. Она решила воспользоваться изобретением мэтра Примордиала. Алатиэль въехала в город под видом простой маркитантки, только среди ее товаров есть бочонок, набитый dormир-корнем. Она разведала, где находится источник воды, питающий город. Все горожане уснут крепким сном — от ученейшего Примордиала до последнего нищего. Впрочем, нищих там нет, насколько мне известно. Я знаю, что выглядит все это не слишком рыцарственно, да ведь другого выхода нет, понимаете, отважный Ларусс?

— Я из мужиков, ваше величество, — сказал Стремглав. — Чего уж не понять...

И добавил на посконском:

— Шли бы вы все к медведю на ухо...

Глава 14,

*в которой предвещенное несчастье разворачивается
во всей своей красе*

Говорят, что город Чизбург стоял на своем месте всегда. Никто не помнит, да и не может помнить, кто и когда его основал. Ясно только, что стены его были воздвигнуты еще в Темные Века, когда уцелевшим людям было не до строительства. Остались только легенды, они же врали.

Стены Чизбурга были сложены из того же камня, из которого состоял положенный в основание города утес, — угольно-черного, с лиловыми прожилками. Неведомые строители — должно быть, великаны — вырубали плиты со стороны моря, одновременно сделав город неприступным и с воды. Для входа дружественных судов высекли проход, и получилась бухта, окруженная отвесными стенами и запираемая цепями.

Легенды гласили, что каменные плиты, и без того достаточно тяжелые, скреплены между собой раствором на птичьих яйцах. Когда-то на скале был птичий базар, но строители напрочь его разорили.

Бедные гагары навсегда улетели из этих мест, но, если приложить ухо к черному камню укреплений, можно, говорят, услышать их отчаянные крики.

Поскольку неведомые великаны делали свою работу в Темные Века, то и громоздить плиты пришлось им вслепую, на ощупь, и стены вышли с наруж-

ным наклоном. А может, они нарочно так сделали, правильно понадеявшись на крепость раствора. Взобраться на такие стены было невозможно. То есть находились ловкачи из самих же горожан, но совершали они свои восхождения только по большим праздникам, чтобы показать молодечество, ползли по отвесному камню, как жуки, без веревок и клиньев.

Но ведь целую армию такому не обучишь.

Никому не удавалось взять Чизбург штурмом. С позором отступали из-под его стен даже император Эбистоса Кавтирант Багрянорожий, даже немчурский маршал фон Тринкенберг, даже уклонинский гетман Полусядько, даже стрижанский адмирал Бульбультон (тот, правда, с позором не отступил, но отплыл), даже сарацинский султан Салоеддин.

Иногда кому-нибудь из окрестных владетелей случалось, действуя переговорами и подкупом, стать nominalным хозяином Чизбурга, чизбургграфом, но только до той поры, покуда горожан устраивало его правление.

Тех же, кто зарывался — ущемлял права жителей, вводил нелепые законы или неподъемные налоги, — торжественно выносили из города на пинках. Для этого самые богатые купцы и самые искусные ремесленники города выстраивались в два ряда, и незадачливый чизбургграф пролетал к воротам сквозь этот пинающий строй, ни разу не коснувшись земли.

Чтобы не утратить этого бесценного навыка, в дни городских праздников пинатели упражнялись, выкидывая за ворота здоровый дубовый чурбан, увенчанный чизбургграфской короной: прошлым владыкам в память, нынешним в остраську.

Умные чизбургграфы, случалось, правили до глубокой старости.

А последние лет сто горожане решили жить вовсе без благородного покровителя, предоставив его военные обязанности избираемому коменданту. Так и жили потихоньку, наживаясь на чужих войнах, пока не появился перед воротами знаменитый мэтр Примордиаль.

Ворота Чизбурга немедленно распахнулись, поскольку имя Примордиала гремело по всей Агенориде. Заполучить великого ученого к своему двору в качестве военного механика стремились многие короли и вельможи, но мудрец был капризен и непредсказуем, да притом и злопамятен — или, вернее сказать, склонен к справедливости.

Горожане же Чизбурга предложили мэтру Примордиалю стать не изобретателем при городской ратуше, а полноценным чизбургграфом, без всяких пинков в случае чего. В связи с этим устав города пришлось изменить.

На изменениях в уставе настоял спутник Примордиала, мэтр Кренотен. Сам же он как-то нечувствительно заделался комендантом.

Славный Примордиаль, как все мудрецы, в политике не разбирался, доверив все докучные для ученого ума дела верному Кренотену...

...В эту ночь бонжурская армия спала, не ведая о грядущем штурме для вящей секретности и неожиданности.

Не спали только предводители.

Горбун Ирона повел Стремглава показывать изготовленную под его, Ирона, руководством таратуту.

Таран, вытесанный из цельного дубового ствала (то-то Стремглаву по возвращении все казалось, что в окружающей природе чего-то не хватает, — ан, оказывается, не пожалели для военного дела даже тыся-

челетнего, сразу после Темных Веков возросшего дерева, одиноко возвышавшегося на речном берегу и почитавшегося местными за священное Мировое Древо), висел на толстых цепях, соединявших его с крепкой, дубовой же, треугольной рамой.

— Вот я и придумал укрепить раму на колесах! — хвалился Ироня. — Прикатим, шибанем черепом Акилы Пробивного — и дорога открыта. Ведь других-то способов нет!

— Как же ты за Алатиэлью недоглядел? — в который раз попрекнул его Стремглав.

— За ней доглядишь! — оправдался Ироня. — Ее наши прекрасные бабы из зависти к твоей любви травили-травили, даже мамаша Мандраж девушку пожалела. Как ее только эти бабы не честили, не позорили, как будто сами — взправдашние маркизы с герцогинями. Вот она и не выдержала, решила их на место поставить. Да ты не печалься, она девка шустрой, все у нее получится, и укроется она в надежном месте, подальше от случайной стрелы, да и никто из наших ее не тронет — тебя побоятся...

— Позор, — сказал Стремглав. — Сотни рыцарей, тысячи пехотинцев — а в логово врага девчонку послали. Что же, наемных шпионов недостало?

— Наемным веры нет, — сказал Ироня. — А нам сейчас рисковать нельзя. Сорвется приступ — вот когда истинный позор-то настанет! Нас же потом немчурийцы да неталийские кондотьеры расклюют, как пшено.

— Сдается мне, чего-то ты, милый друг, недоговариваешь, — вздохнул Стремглав. — И другие тоже, даже его величество. Слушай, а он тут без меня к ней клиньев не бил? Он ведь от любовных стрел дуреет, ничего вокруг себя не помнит...

— Стыдно тебе так думать, капитан! — возмутился Ироня. — Он же не простолюдин, как мы с тобой... Нет, ты даже в голове такого не держи! Он истинный рыцарь!

— Ну да, — кивнул Стремглав. — Спящих собрались резать, все равно как те гады на постоялом дворе — помнишь?

— Ну ты сравнил! То враги нас резать хотели, а то мы врагов! Это военная хитрость!

— Нигде не сказано, что рыцарь должен быть хитрым, это не входит в число его доблестей.

— Так ведь она всех заговорила, убедила, заколдовала — ты же ее знаешь! — не сдавался горбун.

— Вот-вот. А ведь слышал, как в Чизбурге с колдунами и колдуньями поступают.

— Она и там всех вокруг пальца обведет!

— Вы как сговорились, — в сердцах сказал сын шорника. — Одно и то же слышу. А я боюсь. В пустыне помереть не боялся, а сейчас боюсь. Слишком мне с ней повезло, а судьба завистлива не хуже людей.

— Надо бы поспать, — озабоченно заметил Ироня. — Выспишься, и мысли ко благу переменятся. Сейчас же в тебе говорит предрассветная свирепая тоска, как древние выражались. Да! Прислушайся!

Стремглав прислушался.

Бонжурский лагерь молчал — солдатский храп и сонное бормотанье не в счет.

— Ничего не слышу, — сказал он. — Даже ветер не шумит.

— А-а, ты же не знаешь, — сказал Ироня. — Мы-то за эти дни привыкли, что чизбургские часовые на стенах перекликаются всю ноченьку: «Ты

чего?» — «А ты чего?» — «Я ничего». — «Ну и я ничего». Даже стыдно за них, что слов для приличной переклички найти не могут. Так вот, помалкивают часовые нынче, поскольку дрыхнут! Молодец девка! Непременно ее надо сделать королевой!

...Так же тихо, молчком, поднимался бонжурский лагерь. Коннетабль де Коленваль толкнул в плечо шевалье де Пьерекура и, когда тот открыл глаза, прикрыл ему рот огромной ладонью и сделал пальцами знак. Шевалье де Пьерекур тем же манером разбудил соседа, сосед — спящего рядом, и вскоре все воинство, включая известного труса и лжеца бастарда Полироля, было уже на ногах.

Даже отягощенные латами рыцари при нужде могут собраться бесшумно, а уж старые служаки из королевской гвардии — и подавно. Конские морды обмотали тряпками, но кони и сами помалкивали, не ржали задорно, понимали, что кавалерия во время приступа не самая главная.

Старый коннетабль недаром муштровал все лето свою пехоту.

Крепкий сборный мост через крепостной ров навели быстро и тоже без лишнего шума, поскольку изготовлены все его части были с таким умом, что бревна плотно ложились в предназначенные пазы, а дубовые сваи располагались таким образом, что забивать их не было никакой необходимости.

Наводили этот мост не в первый раз — и столь же быстро разбирали, не учиняя приступа. Чизбургские лучники только смеялись, глядя на усилия противника, и, зная, что боя не будет, берегли стрелы.

Впрочем, сейчас они безмолвствовали.

Колеса платформы, на которой закреплена была

чудовищная таратута, не скрипнули, не взвизгнули на щедро смазанных осях. Сооружение, влекомое людьми и битюгами, неспешно поднималось вверх, по направлению к крепостным стенам.

Череп великана Акилы Пробивного зловеще скользился на конце тарана, нацелясь вперед своей несокрушимой и всесокрушающей лобной костью. Челюсть ему тоже на всякий случай подвязали тряпкой, чтобы не разорался до срока.

Все команды передавались бессловесно, да и нужды в них почти что не было — воистину бонжуурская армия была на этот рассвет лучшей в мире.

Стремглава потянули за рукав. Он опомнился и последовал за горбуном.

Король Бонжурии Пистон Девятый самолично указал капитану Ларуссу место его отряда и показал сперва один, потом, стукнув себя в грудь, два пальца — мол, как только ворота вылетят, ты вбежишь первым, а я, так уж и быть, вторым.

Потом взял сына шорника за подбородок и задрал ему голову, заходясь в беззвучном торжествующем смехе.

На крепостной стене, высоко-высоко, виднелась тонкая фигурка в ярко-алом платье, подсвеченном первыми лучами.

В ярко-алом.

Стремглав уже прекрасно понимал, что следует сделать, но сделать ничего не успел, потому что окованные слоеной сталью ворота Чизбурга распахнулись сами, не дожидаясь соприкосновения с черепом Акилы Пробивного.

— Они сдаются! Вперед! — вскричал король, и тысячи глоток в ответ ему грянули озорную песню мижайских пехотинцев.

Аты-баты, шли солдаты
На войну, как на парад.
Но они не виноваты,
И никто не виноват.

Если только в мире где-то
Начинается война —
Не виновна в том ни эта,
Ни другая сторона.

Если где-то реет знамя
И поднялась рать на рать —
Значит, кто-то там, над нами,
Вздумал в шахматы сыграть.

Наше знамя боевое
Разгоняет вражью тьму.
Мы влеченье половое
Даже чувствуем к нему!

Аты-баты, шли солдаты.
Кем солдаты аты-баты?
Кто осмелился опять
Нас, героев, аты-бать?

За воротами виднелось невысокое, пустяковое укрепление из мешков с песком. Над мешками и между ними торчали трубы не трубы, котлы не котлы...

...Навстречу бонжурской армии грянули громы и пламя. Свистящие осколки чугуна искрошили все, что находилось на их пути — дерево, сталь, плоть. Прямо в грудь короля ударила оторванная неведомой силой рука коннетабля де Коленваля, все еще сжимающая жезл полководца.

Рухнула и занялась пламенем дубовая таратута.

Потом все повторилось. Убийственное пламя вырывалось уже не только из ворот, оно, оказывается, гнездилось и на стенах, и в бойницах башен, сокрушая фланги. Те, кто не был еще убит, утратили слух.

Лучшие в Агенориде воины вопили от ужаса и не слышали своего вопля.

Победоносный поход Пистона Девятого закончился в крови и в дыму.

Глава 15,

в которой Стремглав в одиночку берется сделать то, чего не добилась вся бонжурская армия

...С великим изумлением Стремглав понял, что еще живет на белом свете — живет, вопреки измене любимой женщины, вопреки смертоносному огню, вопреки здравому смыслу.

Он разлепил заплывшие глаза и увидел небо, на котором исчезали одна за другой последние звезды.

«Отчего же я раньше-то туда не глядел? — подумал сын шорника. — Должно быть, оттого, что гонялся за славой, а слава — она всегда впереди, не вверху...»

— Какая прекрасная смерть! — услышал он чей-то гнусавый голос. — Особенно когда это смерть врага. Какие великолепные золотые шпоры на этом воине в дырявых латах!

— Они ваши, мастер-палач! — откликнулся другой голос.

— Так сними их, болван! — гневно сказал тот, кого назвали мастером-палачом.

«Откуда взялся палач? — думал Стремглав. — Несужели я в плену? Позор-то какой... И при чем здесь шпоры?»

Шпоры были вот при чем.

Из распахнутых ворот Чизбурга вышли люди. Это были не воины — те остались на стенах с луками и

арбалетами на случай, если среди убитых остались не совсем убитые.

Комендант Кренотен не хотел рисковать своим войском.

Вышла из Чизбурга всякая городская сволочь: калеки, сборщики налогов, осведомители, воры, шлюхи, мелкие торговцы, любимые народом певцы и танцоры, завсегдатаи кабаков и, наконец, наельники городской тюрьмы, которым по случаю победы даровали свободу.

Возглавлял это позорное войско городской палач — кто же еще?

Они бродили среди мертвых тел, по колено в кровавой грязи, собирая оружие, срезая с убитых котельки и талисманы, радостно кричали, наткнувшись на особо ценную добычу. Криками они заодно отгоняли воронов, тоже падких на блестящие безделушки.

Стремглав лежал, придавленный к земле балкой от разрушенной таратуты. Панцирь прогнулся, но дышать было не больно — стало быть, ребра целы.

Ноги тоже целы, понял он, когда услышал, что кто-то тянет его за ступню.

— Этот жив! Прикончите его, мастер! Все равно бедняга не дотянет до казни!

Никто не должен видеть лица своего палача, не увидел и Стремглав: склонившийся над ним человек был облачен в полагающуюся заплечных дел мастеру одежду. В руке палача тускло поблескивало сквозь багровую пленку лезвие кинжала.

Тут сын шорника понял, что руки у него тоже целы.

Палач увидел его взгляд, хотел заорать, но лапа в стальной перчатке сломала ему горло.

Упавшему рыцарю в полном облачении, да еще угнетенному дубовым бревном, подняться невозможно.

Стремглав и не поднимался. Он вскочил. Балка при этом взлетела и обрушилась на голову того поганца, что ковырялся у ног, пытаясь отцепить золотые шпоры.

Капитан Ларусс подхватил балку и огляделся. Тотчас же в дерево вонзился арбалетный болт.

— Не стрелять, болваны! Брать живьем! — орал кто-то на стене.

Но сборщики налогов, шлюхи и воры не торопились приближаться к восставшему из мертвых рыцарю.

— Никому уже здесь не поможешь, — вслух решил капитан, повернулся спиной к воротам и не спеша побрел вниз, по направлению к бывшему лагерю осаждающих.

Он так и шел, время от времени взмахивая дубовым бревном на случай, если кто-то отважится напасть. Он шагал, ни о чем не думая и видя впереди только одно — ярко-алое платье на крепостной стене, хотя двигался в противоположную сторону.

И он ушел, потому что суждена ему была совсем другая судьба и другая кончина.

...Пораженная бонжурская армия — те, кто уцелел и остался верен присяге, — расположилась на богатом лесном хуторе, обитатели которого, еще недавно вполне доброжелательные, с большой неприязнью поглядывали на чужестранцев.

Король Пистон Девятый собрал военный совет в самом лучшем доме, предварительно выставив оттуда хозяев. Оставили только, по просьбе стариков, маленьку несмышленую девочку-дурочку со старческим лицом. Девочка умостилась на печке и ус-

тавилась бессмысленными глазками на цвет бонжурского рыцарства.

Цвет был весьма потрепанным.

Коннетабль де Коленваль, мессир Плиссе и множество иных славных военачальников навсегда остались лежать под стенами Чизбурга.

Никаких переговоров о том, чтобы захоронить павших героев честь по чести, комендант Кренотен вести не захотел, заявив, что мертвым все равно, поскольку они не живут, а всякие там погребальные обряды и понятия чести суть дурацкие антинаучные предрассудки.

— По уму надо жить, а не по понятиям! — добавил он при этом.

Разведчики доложили, что всех убитых, старательно обобрав, сволокли в крепостной ров и засыпали сверху какой-то похожей на творог белой дрянью, от которой в горле першит и глаза слезятся.

— Рыцарству пришел конец, господа! — объявил король. — О каких правилах битвы может идти речь, если горстка трусов при помощи неведомой огневой силы способна уничтожить сотню храбрецов?! Ведь они даже не попытались преследовать наше беспомощное в тот миг воинство!

Раскаленный железный град пощадил Пистона Девятого, а вот у виконта дю Шнобелле чугунный осколок срезал самый кончик — хоть и не настолько, чтобы в короле нельзя было признать потомка прославленной династии.

— Нужно возвращаться, ваше величество! — сказал мессир Гофре. — Возвращаться, покуда мы не потеряли Бонжурию.

— Немчурийские герцоги, в нарушение клятвы, собирают силы, — добавил горбун Ирона. — Скоро

начнутся дожди, и мы застрянем здесь — боюсь, что навсегда.

— И ведь знали же мы, к чему склонно бывает сердце красавицы, — сокрушенно сказал король. — Ах, коварная Алатиэль! Кто бы мог подумать!

— Вы не правы, государь, — сказал Стремглав. Это были его первые слова с тех пор, как он оказался среди друзей. — Она пыталась предупредить нас о ловушке, только мы не поняли. Я не понял. Ведь у эльфов цвет измены — ярко-алый...

— Вы что, все еще верите в эту болтовню насчет принцессы? — изумился мессир Гофре. — В Чизбурге множество смазливых молодцев, и любой мог одним движением руки, подкручивающей ус, растопить ее неверное сердце...

Стремглав поднялся с лавки.

— Только ваши седины, мессир... — начал он.

Пистон Девятый поднял руку.

— Оставим пока причину нашего поражения, — сказал он. — В любом случае нас ожидал бы за воротами точно такой же горячий прием. И не вините себя, капитан, — наша хитрость готовилась без вас. Только перехитрили мы самих себя. Мы — я разумею только себя и бедного виконта дю Шнобелле. Что ж — попытаемся хотя бы сохранить за собой Бонжурию. Будем жить тихо и незаметно, как живет ваша родная земля, капитан. А потом, возможно, дети наши завершат дело отцов...

— Ваше величество, ничего они не завершат! — воскликнул Ироня. — Ведь страшное оружие Примордияля остается при нем! Более того, с годами оно будет только совершенствоваться! Мы ведь до сих пор не знаем его природы! Мы и опомниться не успеем, как эти черные огненосные трубы начнут из-

рыгать погибель под стенами Плезира! Вот почему Чизбург ведет себя столь самоуверенно и беспечно, что даже не пытается нас добить! Уйти сейчас — значит только отложить неизбежный крах.

— Вы предлагаете предпринять еще один штурм? — осклабился мессир Гофре. — Не сомневаюсь, милейший Йорн, что ваши бывшие хозяева в рогатых шлемах именно так и поступили бы. То-то ярлы Севера так до сих пор и не удосужились создать единую державу. Мое мнение: нужно отправляться домой сегодня же. Соберем всех бонжурских магов, свезем в один каземат и предложим под страхом смерти создать подобное оружие. Вы не поверите, господа, каким источником вдохновения служит для высоких умов обыкновенный застенок!

Тут на совете установилась такая печальная тишина, что стало слышно, как кружатся над нетронутой едой мухи да шмыгает носом на печи маленькая дурочка с лицом старушки.

— Дайте мне три дня, ваше величество, — сказал наконец капитан Ларусс. — И вы увидите, что хоронить рыцарство еще рано. Я положу Чизбург к вашим ногам — или погибну с честью.

— Как же вы намерены это сделать? — спросил король.

— Еще не знаю, — честно сказал сын шорника. — Но я пойду туда и сделаю все, что нужно.

— А каким образом вы проникнете за городские ворота, капитан? — вмешался мессир Гофре. — Переоденетесь угольщиком или булочником? Даже дети узнают в вас воина. Более того — уж лицо-то капитана Ларусса врагам знакомо, вы его никуда не спрячете!

— Спрячу, — сказал Стремглав. — Тот, кто приходит наниматься в палачи, загодя скрывает свое

лицо под маской. А эта должность в Чизбурге нынче, с моей помощью, свободна, и сильно сомневаюсь, чтобы на нее нашлось много охотников даже среди тамошней сволочи.

Снова вернулась тишина. Пистон Девятый раздумывал, то и дело теребя пострадавший родовой признак.

— Даст ли враг нам эти три дня? — сказал король: — Скоро нас начнут разыскивать по лесам...

— Все равно вы раньше не соберете всех уцелевших.

— Так-то оно так, — вздохнул бонжурский владыка. — Но вдруг от вас сразу потребуют исполнить свой палаческий долг, и под вашим топором окажется шея вчерашнего соратника? Да и считаться рыцарем после этого вы не сможете...

— Простите, государь, — сказал Ироня. — Разве истинный рыцарь не должен пожертвовать тем, что для него дороже всего на свете, ради спасения нашего дела?

— Нам навязали новые правила, — печально молвил король, — и мы вынуждены играть по этим правилам... Ступайте, капитан Ларусс, и совершите все, что в ваших силах. Я верю в ваш успех, потому что сейчас верить больше не во что. Не тревожьтесь о рыцарском звании — оно сохранится за вами в любом случае. А если же, вопреки здравому смыслу и всем законам военного искусства, мы победим, я обязуюсь перед всеми дать вам столько солдат для вашего столь же безумного плана воцариться в Посконии, сколько понадобится. Господа, давайте проводим нашего героя.

Все с удовольствием вышли на вольный воздух, и никто не видел, как маленькая дурочка, покинув

печь, ловко вылезла в окошко и побежала, перебирая косолапыми ножками, по неприметной лесной тропинке в сторону Чизбурга.

Замечено, что окольные тропинки всегда бывают короче прямоеездной дороги.

Даже если по тропинке бежит не маленькая девочка, а пожилой карлик-соглядатай.

Глава 16,

состоящая в основном из картинок и подписей к ним

...О падении Чизбурга спето, рассказано и написано немало.

Самыми правдивыми почему-то считаются иллюстрированные мемуары прославленного воителя бастарда Полироля, продиктованные им на склоне лет, когда достойнейший бастард уже окончательно выжил из ума. К сожалению, это свойственно многим мемуаристам.

Всякий, кто благоговейно брал в руки сей труд, выдержавший множество изданий, никогда уж не забудет чудесных ярких картинок, изобилующих блеском лат, языками пламени, искаженными в боевой ярости лицами героев, молодецкими замахами, ударами копий, шестоперов, боевых топоров. Да и обычные пинки и затрещины, щедро раздаваемые воинами направо и налево, впечатляют.

Вряд ли когда-нибудь узнаем мы имя того, кто начертал с помощью тончайших колонковых кистей и сафалинских красок, замешанных на меду, все перипетии великого события. Иные говорят, что это был юный и безвестный еще Клавио Мольберто, иные приписывают шедевр неспанцу Эль Глюко.

Сам бастард Полироль, блюя свое с трудом и

скандалом полученное рыцарское звание, ничего, конечно, не писал.

Мало того, в мемуарах, озаглавленных «Во славу Бонжурии милой, или Повесть пламенных лет» читатель вообще не найдет привычных строк, начертанных лиловыми и горькими чернилами рукой искусного каллиграфа добрым шрифтом типа «Плезирский косоположенный».

Это было бы слишком просто и тривиально.

На страницах великой книги все слова и звуки исходят непосредственно из уст персонажей, помещаясь в особых белых пузырях. Слов оных, прямо скажем, немного — по большей части это звукоподражания, долженствующие обозначать свист меча, лязганье лат, боевые кличи дружин.

«Бум-м-м!», «Бэн-н-нг!», «Трах-тарах!», «Bay!», «Н-на!», «Звяк-к-к!», «Шлеп!», «Тс-с-с!», «Увы!», «Чух-чух-чух!», «Опа!», «Куда?», «Все в пролом!», «Тук-тук-тук!», «Мама!», «За короля!», «О-о-о-о...», «Скрип-скрип!», «Иго-го!», «Так его!», «Берегись!», «Вась-вась!», «Пленных не брать!», «Хрясь-хрясь!», «Топ-топ-топ!», «Дзын-н-ны!», «О-ля-ля!», «Вуаля!», «Что же ты, зараза?!», «Поделом!», «Еще разок!», «Это мое!», «А-а-а!», «М-да...», «Вжик-вжик!», «Фр-р-р-р!», «Вперед!», «Наколись, баклан!», «Тили-тили!», «Плям-плям!», «Шарах!», «Бздын-н-ны!», «Чик-чирик!», «Куку!», «Моя нога!», «Слава храброму Полиролю!», «Какое мужество!», «Кубок вина храбрецу из королевских рук!», «Хлюп-хлюп!», «После первой не закусываю!»...

Похоже на то, что достославный бастард, вспоминая баталию, описывал ее более жестами и вскриками, нежели связной речью. Но и этого вполне достаточно, особенно в сочетании с картинками.

На первой из них сам бастард Полироль (его легко узнать по уполовиненному гербу на щите) изображен на вершине страшно высокого дерева, произрастающего почему-то в непосредственной близости от крепостных стен. Из уст героя происходят звуки «Бу-бу-бу!» — должно быть, хитрец догадался замаскироваться под филина.

Дальнейшее мы видим глазами самого юного разведчика с изряднейшей высоты.

Горделивый Чизбург живет обыденной жизнью. Не слишком обременительная осада снята, горожане празднуют победу. Их жалкие пестрые фигурки кружатся в подлинно народном танце. Комендант Кренотен в черной хламиде стоит на крепостной стене и, задрав полы одежды, показывает бонжурскому королю всю тщетность бонжурских притязаний на мировое господство.

На городской площади кого-то казнят, но кого именно, различить невозможно из-за лиżąщей толпы. Казнь руководит все тот же комендант Кренотен, ухитряясь быть разом в двух местах. Неподалеку свалены кучей боевые трофеи, и на порубленных щитах знаток с прискорбием видит знаки знатнейших семей Бонжурии.

У подножия дерева стоит Пистон Девятый и скорбит о потерях. Слезы катятся по телу виконта дю Шнобелле и со звуком «Кап-кап-кап!» капают прямо на копье, заботливо подставленное пажом. Бастард Полироль с высоты подбадривает своего сюзерена боевым кличем «Шухер!».

Далее действие вновь переносится в смотровое гнездо на вершине дерева. Незаконнорожденный герой обращает взор к небу, откуда спускается к нему на крыльях сочувствия добрая фея Деррида. Фея на-

столько поражена красотой и доблестью младого Полироля, что готова в обмен на его любовь исполнить любое желание юноши.

Следующая страница переложена не полупрозрачной папиросной бумагой, но черным картоном, пришпиленным булавкой — на тот случай, если книгу станут листать дети.

Снова вершина дерева. Усталая, но довольная фея Деррида протягивает своему избраннику волшебный арбалет, принадлежавший некогда легендарному Оливье Салату, более известному под именем Салат Столичный. Несмотря на то, что снизу доносится возмущенный вопль короля: «Ты что там, уснул, ублюдок?» — благородный бастард хладнокровно изучает смертоносное оружие.

И вот уже стрела несется навстречу вражеским укреплениям, при этом она на лету увеличивается в размерах. Рисовальщику для необходимого эффекта пришлось изобразить несколько стрел, каждая из которых больше предыдущей.

Очередная картинка является собой подлинный шедевр. Мы видим, как по неприступной стене бегут трещины, как вылетают из нее отдельные камни — и, наконец, как солидный ее участок превращается в груду камней, катящихся вниз по склонам. Художники тех времен умели передать движение — не то что нынешние.

В пролом тотчас же устремляются бонжурские воины, исторгая из себя различные грозные звуки. Кто же первым ворвется в крепость? И каким образом смельчаки надеются избежать гибельного камнепада?

Но фея Деррида продолжает покровительствовать своему избраннику. Подхватив бастарда под ми-

китки, она пролетает над атакующими и приземляет Полироля, потрясающего обнаженным мечом, на самое острье прорыва.

Далее следует бесконечная череда подвигов бастарда. В правой руке его меч, в левой топор, между ног зажато копье. Вот он одним ударом меча срезает пять голов у защитников Чизбурга, вот он топором проламывает шлемы у семерых, а уж на копье нанизывает целый десяток. Не остаются без дела и его шипованные налокотники и наколенники.

Но что это? Пистон Девятый в боевой горячке намного опередил своих спутников и теперь окружен со всех сторон лютыми врагами! Его погибель неминуема! «Первомай! Первомай!» — издает король стаинный тревожный клич. Полироль устремляется к сюзерену, и вот уже спасенный владыка отечески обнимает юношу, благодаря за выручку.

Правда, битва еще не кончена. Неведомо откуда появляется дракон такой величины, что даже непонятно, как он мог уместиться в Чизбурге и уж тем более найти там пропитание. Но добрая фея Деррида продолжает покровительствовать храбрецу. С помощью незамысловатого чугунного дискурса дракона подвергают полной деконструкции — так, что от него не остается практически ничего.

Чизбург повержен. Из развалин торчат тощие ноги коменданта Кренотена. Грамотные пехотинцы пишут на стенах уцелевших городских зданий: «Мы из Тартарена», «Здесь были Пьеруха и Зяма из Сан-Суси», «Вот мы какие!». Неграмотные рыцари вынуждены довольствоваться неприличными рисунками.

На последней странице король Пистон Девятый ссыпает самоотверженного бастарда всяческими ми-

лостями, званиями и угодьями, причем к каждой милости прилагается бирка с указанием ее стоимости.

Мало того: наблюдательный человек может заметить, что по мере боевых достижений нос у нарисованного Полироля неукоснительно удлиняется и в конце концов достигает размера виконта дю Шнобелле. Да, кабы не корона,bastarda было бы и не отличить от короля.

Где-то в сторонке мгновенно забытая неблагодарным любовником фея Деррида играет с солдатами в шарады на раздевание...

Немудрено, что сей цветистый мемуар смог стать достоянием общественности только после смены династии. Но все-таки одну непреложную истину из него извлечь можно.

Чизбург пал.

Глава 17,

в которой Стремглав покидает бонжурскую армию, получив вместо одной обещанной награды совсем другую, а также рассказывается о Великом Уговоре Агенориды

— Вот как было дело, ваше величество, — закончил Стремглав свой рассказ.

Капитан и король стояли у стрельчатого окна башни городской ратуши. Под ногами лежал поверженный город. В воздухе висела жирная черная копоть — тушить пожары никто не пытался, и грабеж был неостановим, поскольку к бонжурскому воинству в этом деле охотно присоединились окрестные мирные земледельцы и члены их семей.

— Невероятно, — сказал после долгого молчания Пистон Девятый. — Вы и в самом деле совершили сверхчеловеческий подвиг. Но я вас искренне прошу

забыть о том, что вы мне сейчас поведали. Ничего этого не было.

— То есть как?

— А вот так. Все было иначе, совершенно иначе. И не спорьте — этого требуют интересы Бонжурии.

— Я ничего не понимаю, ваше величество, — с этими словами капитан Ларусс завел руку за спину и оборвал наконец-то все еще болтавшийся за спиной ненавистный палаческий капюшон.

— Мне было трудно принять это решение, — сказал король. — Но наша победа настолько зыбка и уязвима, что ей нужно надежное и легитимное прикрытие.

— Государь, что может быть надежнее оружия, тайну которого мне почти удалось раскрыть?

— Тайна никуда от нас не уйдет. Но все было не так, мой друг. С самого начала — я разумею наш первый катастрофический штурм. Слушайте внимательно, капитан, и вы со мной согласитесь. Во-первых, я не хочу, чтобы вообще шли разговоры о каком-то новом оружии. Мало того, что оно изменит сам облик войны, — его могут изобрести еще где-нибудь. Не в Бонжурии. Только потому, что узнают о самой возможности его существования. Поэтому я вынужден потребовать от вас молчания. Никому ничего не объясняйте. Сошлитесь на потерю памяти во время этого... — король не нашел слов тому, что произошло.

— Я-то смолчу, но прочие...

— Прочих осталось не так уж много. И они, мон блин, будут у меня молчать! Во-вторых, поклянитесь мне, что никогда, ни при каких обстоятельствах вы не попытаетесь сами изготовить эту громобойную смесь.

— Я не ученый, ваше величество, — хмыкнул Стремглав. — Долгоночко бы мне пришлось возиться...

— Придется. Вы сами собираетесь стать королем.

— Ну, это еще вилами на воде писано...

— И тем не менее. Помните: не было никакого зелья, не было бочек в подземелье под стеной, не было смельчака с огарком свечи. Вы, как и полагается доброму рыцарю, поразили дракона, и он, издыхая, своим внутренним пламенем разрушил неприступную стену. Ну да наши трубадуры это все объяснят гораздо лучше.

— Государь, я понимаю разницу между ложью и военной хитростью, но ведь нет же никаких драконов! Уже не одну сотню лет!

— И тем не менее, мой бедный друг, гнусные и коварные жители Чизбурга во главе с мерзопакостным чернокнижником Примордиалем и предателем короны Кренотеном в течение помянутых сотен лет укрывали в своих подземельях именно дракона, запомните. Именно его они использовали против нас, вероломно нарушив Великий Уговор Агенориды и поставив тем самым себя и свою землю вне закона...

Великий Уговор Агенориды действительно был заключен давным-давно, и, поскольку он никем не нарушался (да и не мог быть нарушен), о нем с течением лет и вовсе позабыли.

Договор, подписанный уже почти сказочным императором Кавтирантом Багрянорожим и многочисленными в ту пору мелкими владыками Агенориды, запрещал использовать каких бы то ни было драконов во время боевых действий и вообще с целью давления на противника. Более того, драконы всех ви-

дов, встречавшихся тогда на свете, подлежали обязательному и немедленному уничтожению.

Но мало ли какие договоры заключались власть имущими! Только Эру Вечного Мира объявляли пятикратно. И все эти договоры, унии, декларации неизменно нарушались, ибо такова человеческая природа.

А вот у драконов и природа нечеловеческая, и сила нечеловеческая, и возможности.

Тогдашние владыки, собравшись в одном-единственном уцелевшем на всем континенте городе (а им как раз и был Чизбург), нехотя согласились, что белому свету приходит конец, и людей в нем осталась самая малость, и все леса сожжены, и реки отравлены, и скоро самим владыкам придется ходить по опустошенным землям, прося милостыню, да только подавать будет некому. Народишко во всех землях Агенориды дошел уже до того, что готов был истребить сперва вождей своих, а потом уж и за драконов взяться. И дожидаться такого поворота событий вожди не стали.

Дело обстояло настолько серьезно, что все враждующие армии объединились под началом простого неталийского пастуха Славио Логини, прославившегося тем, что он, спасая свою овчью отару, нашел простой, безопасный и единственный способ истреблять огнедышащих чудовищ. Тут была и простолюдинам вынужденная честь, и делу польза.

Сперва, конечно, принялись за прирученных боевых драконов. Плакали владыки черными слезами над своими смертоносными любимцами, плакали, но истребляли прямо в стойлах, топтали красными сафьяновыми сапогами кладки пестрых яиц. Заодно пришлось казнить и драконьих погонщиков со всей

родней, чтобы не осталось ни одного человека, владеющего этим древним искусством.

Ученые и маги, всяк по-своему, протестовали, но им было обещано, что они тоже последуют за страшным зверем, если не заткнутся.

А потом много лет еще преследовали диких драконов, забираясь для этого в глухие дебри, переплывая неведомые моря, открывая попутно новые земли.

Тех же, кто рискнул бы нарушить Великий Уговор Агенориды, ждало суровое наказание: держава, в которой обнаружилось бы хоть одно драконье яйцо, хоть даже скорлупа, — тут же объявлялась вне закона, считаясь добычей и достоянием первого же картеля.

Конечно, были, были попытки приберечь для себя дракончика-другого, интриги были, кровь лилась, но постепенно все сошло на нет — уж больно люди испугались вплотную приблизившегося Конца Света.

От драконов Агенориды осталось только воспоминание, и то достаточно смутное. Ни косточки, ни чешуйки, ни тем более отсеченной головы в пиршественной зале — зачем давать повод к войне многочисленным врагам?

Полноте, говорили люди всего через сто лет, да водились ли на свете такие звери? Только в сказках, да и сказки-то лживые: разве можно прокормить дракона из расчета одна девственница в год? Так и болонку не прокормишь.

А вот свитки с текстом Уговора бережно хранились во всех царствующих домах, намотанные на особый жезл, именуемый скипетром. И никакому венценосному умнику не приходило в голову размотать

этот свиток и прочитать, что на нем написано. Так, помнили что-то смутно...

Но подписи и печати на свитках были подлинные.

— ...вот мессир Гофре и подумал: зачем добру пропадать? — сказал Пистон Девятый. — Если с умом, так можно под эти статьи много кого подвести... В сущности, любой крупный пожар мы сумеем представить таким образом, что...

— Вы ли это говорите, государь? — оборвал его Стремглав. — Это ли речи рыцаря?

— Это речи короля, — вздохнул Пистон. — Рыцарству все равно скоро придет конец. Да и вы, честнейший из честных, взгромоздясь на престол, несмотря на клятву, первым делом приметесь добывать из навоза эту вашу серу, что ли...

— Селитру, ваше величество, — ослабился капитан Ларусс.

Некоторое время они внимательно глядели друг на друга и думали об одном: горе побежденным, да и победителям немного счастья.

— В-третьих, — сказал король. — Люди, несомненно, потребуют казни предательницы.

— Нет, — сказал Стремглав. — Если бы не она, я бы не разрушил стену.

— Почему она молчит?

— После взрыва она потеряла дар речи.

— Для сельского судьи такое объяснение сойдет, — сказал король. — Откуда у нее этот жуткий рубец вокруг шеи? Вы ее вынули из петли?

— Нет, — сказал Стремглав. — Ей выпала другая казнь. И мне, — добавил он.

— Вы не все рассказали мне, капитан Ларусс.

— Не все, ваше величество. Есть вещи, о которых нельзя рассказать даже самому себе. Можете подвергнуть меня пытке.

— Ну, до такой-то степени я еще не оскотинился, — сказал Пистон Девятый. — Но, признаюсь, натура моя куда-то сдвинулась и поползла — боюсь, не в лучшую сторону.

— Я заслужил награду. Только от военной помощи я отказываюсь. Мне ничего не нужно, кроме ее жизни.

— А как я все объясню нашим головорезам? Вон они что творят! — Король выглянул в окно, хотел что-то такое дисциплинирующее скомандовать, но передумал и махнул рукой. — И все-таки — почему она нас предала?

— Потому что она эльфийская принцесса, — невозмутимо ответил Стремглав. — И она мстит — не вам, не мне, а всему роду человеческому. Ведь она предала и Чизбург.

— Но почему?

— В память о тех, кого утопили в Гранитной Гавани наши предки. Не было никаких черных кораблей под синими парусами — были дырявые баржи. И много-много эльфов набили в трюмы.

— Это вы от нее узнали?

— Не только от нее, сир. И у меня нет оснований не верить.

— У меня, представьте, тоже. Хорошо. Я дам вам с ней возможность бежать. А вот вооруженного отряда, увы, дать не смогу. Во-первых, все надежные люди у меня наперечет. Во-вторых, наши солдаты ее зарежут на первом же привале, вы и не углядите.

— Нет, сир. Больше никто и никогда не посмеет

поднять на нее руку. Кроме того, за одно преступление дважды не казнят.

Бонжурский монарх как-то странно посмотрел на Стремглава, но предпочел отвести взгляд и улыбнулся.

— Видите, капитан, с какой легкостью я нарушил данное вам слово, — сказал он. — А дальше будет еще хуже — такова участь королей. И я рад тому, что мы расстаемся и ваши омерзительно честные глаза не будут наблюдать за моим неминуемым падением, которое почему-то назовут возвышением... Наша молодость кончилась, капитан Ларусс. Мне предстоит укреплять свою державу, вам — завоевывать свою, и вы очень скоро забудете рыцарский устав. Какое счастье, что между Бонжурией и Посконией лежат леса и болота! Если повезет, постараемся сохранить мир между собой, но вот уже наследники наши вполне могут сцепиться...

— Ироня хотел пойти со мной, — сказал Стремглав.

— Не препятствую, — сказал король. — Чем меньше будет вокруг меня людей, помнящих нашу рыцарскую пору, тем легче станет моей совести. О бедный друг мой! Да ведь после побега не только вашу возлюбленную, но и вас обвинят в предательстве!

— Мне дела нет до чести капитана Ларусса, — ответил Стремглав. — А моего настоящего имени все равно не сможет выговорить ни один бонжурец.

— Я дам вам денег на дорогу, — сказал король и пошел к сундукам — всю чизбургскую казну по его приказу перетащили в башню ратуши.

— Я не возьму ни гроша, — сказал Стремглав. — Вы и так сделали для меня слишком много, ваше величество.

Король тем не менее продолжал греметь замками.

— Но ведь должен быть в моей армии хоть один герой...

— Я не возьму ни гроша, — повторил Стремглав.

— Какова гордыня! — рассмеялся король. — Если вы откажетесь от награды, то я назло вам объявлю творцом победы самого последнего труса и подонка в своем войске — да хотя бы того же бастарда Поли-роля! Вам не обидно?

— Нисколько.

— Да, уж теперь-то я вижу, что вы неминуемо станете королем, — нараспив сказал Пистон Девятый. — Ага, я так и знал, что обнаружу здесь нечто подобное... Но уж от этого подарка я не разрешу вам отказаться ни под каким предлогом.

Он подошел к Стремглаву и показал на раскрытых ладонях широкое колье из эльфийских самоцветов в виде цветов бессмертника — нынешние люди не умели так их обрабатывать.

— Это не для вас, а для прекрасной Алатиэли — пусть она никогда его не снимает, и пусть никто никогда не узнает, какой ценой был покорен Чизбург.

Им предстояла еще одна встреча, и последняя — через много лет.

Глава 18,

*в которой рассказывается о том,
как возникают из ничего беспорядки, могущие привести
к крушению державы*

Многие еще, к сожалению, думают, что народное восстание, бунт, мятеж, беспорядки и волнения очень легко поднять и возбудить. Некоторые ученые вывели даже условия, при которых может возникнуть благоприятная для смутьянов ситуация.

Но жизнь показывает совсем другое.

Бывает, что бунтовать начинают как раз не самые бедные и угнетенные. Бунтовать принимаются как раз тогда, когда наступает жизнь довольно обильная и спокойная.

Потому что стоит хоть чуть-чуть снизиться уровню этой самой жизни, как человек немедленно звереет и готов за свое добро поднять на вилы и брата родного, не говоря уже о посторонних и незнакомых людях.

Пока по всей остальной Агенориде каталась туда-сюда война, жители Посконии потихоньку на ней богатели, продавая воюющим сторонам зерно, сало, пеньку и лес для строительства боевых машин и кораблей.

Теперь даже у самых бедных земледельцев после всех болярских и хворянских поборов и податей оставалось на прожитье.

Округлились лица, заблестели глазки, разогнулись спины. Стали с большим размахом справлять народные праздники, число которых росло с каждым годом.

Даже про старца Килострата позабыли, поскольку светлое будущее, вопреки его пророчеству, тихонько наползало на Посконию из завтрашнего, а то и послезавтрашнего дня.

Старец, оставшийся без привычных подношений, чуть ли не каждую ночь раскатывал по бедорожью в своем удивительном экипаже, грозно оттуда завывал, свистел, улюлюкал, грозил всяческими бедами, мором, трусом и гладом.

Да хоть заорись ты, старая ворона, — все нынче стало людям до пихты и до ели.

Вволю наработавшиеся и насытившиеся по скончи спали крепко и без привычных тревожных снов.

Так что воротившемуся Стремглаву пришлось бы до конца жизни без толку скитаться по родной земле, рассевая искры желаемого мятежа и ожидая, когда же из искры возгорится пламя народного гнева; хотя нет, его попросту бы повязали обманом в первом же попавшемся селе и сдали властям на верную казнь.

Но как раз в первом же попавшемся селе все и началось.

Село называлось Светлые Рубежи, поскольку располагалось близ условной границы, отделяющей по сконские леса от уклонинских степей.

Село принадлежало болярину Самовзводу, здоровенному нестарому еще мужчине, тяжко страдающему, по его положению, мерцающей аритмией, сумеречным состоянием сознания и перемежающимся плоскостопием.

Сумеречный болярин Самовзвод то и дело закатывал непробудные пиры для соседей, ни в чем не знал удержу, месяцами пропадал на охоте и выписывал несметное количество иноземных лекарств, разлитых по бутылям и бочонкам. Особенно помогали страждущему володетелю неспанские устрицы и неспанское вино херес — кстати, вопреки названию, очень хорошее и вызывавшее у больного стойкую, с утра пораньше, ремиссию.

Свою болярнию Самовзвод уже давно вогнал в гроб («Приняла кончину моя голубушка за вас, мужичье неблагодарное!»), чтобы не мешала жить и лечиться. На память от болярни осталось единственное дитя — дочь по имени Теребила, подверженная падучей, стоячей, вертячей, лежачей, кусачей, кипу-

чей, могучей, никем не победимой и множеству иных болезней, хотя подлинной ее хворобой являлась обычная нимфомания.

Теребила давно созрела для замужества, но Самозванцу все было как-то недосуг, да и гордость мешала, поскольку был он не простой болярин, а порубежный, что по агеноридским меркам соответствовало маркграфу. Возможных женихов он то и дело отвергал — за худородство, за бедность, за незначительность недугов. С простым гайморитом или остеохондрозом к нему лучше было и не подступаться.

Но однажды среди многочисленных гостей затесался молодой хворянин Забалуй. Сомнительное хворянство его подтверждалось лишь жалкой недорогой справкой о хроническом педикулезе, хотя в качестве событъльника и он годился.

Перезрелая Теребила подстерегла доброго молодца на сеновале. Мошью она удались в батюшку, поэтому без труда сломила сопротивление размягченного хересом хворянина и до утра продержала его в пленау, после чего коварный Забалуй сбежал по-стрижански, то есть не прощаясь. Только следы его чернелись на первом, быстро растаявшем снегу.

Юбки у болярынь и болярышень пышные, поэтому никто ни о чем так никогда и не догадался.

...Самым богатым в селе был, ясное дело, староста по имени Сиволап. Староста он был хороший, надежный, воровал в меру, соблюдал какие ни на есть правила. И от других требовал того же.

Обнаружив ранним утром на своем крыльце слабо вякающего младенца в коробушке, Сиволап возмутился:

— Да сколько можно?! Уже и так троих суразят чужих кормлю, так еще подбросили! Добро бы в го-

лодный год, а то ведь рожи у народа трескаются, а все прибедняются! Ну, уж я эту мамашу выведу на свежую воду!

И, подняв подручных, пошел по избам искать виновницу, благо день был праздничный. Сиволапиха его вздохнула и принялась тем временем привычно обихаживать подкидыша.

Сиволап в поисках своих сильно не мудрил. Ежели у молодки либо девицы имеется в грудях молоко, а дитенка в наличии не наблюдается, то, значит, она и есть преступница.

Нравы в Светлых Рубежах простые, староста считается оком болярским, ему не возразишь. Сиволап ходил от избы к избе и, не чинясь, проверял всех подозреваемых, кроме столетних старух.

Светлые Рубежи — село большое. Слух о том, что староста бродит по домам и занимается огульным доением, побежал далеко впереди проверяющих. Люди стали собираться на площади посреди села, обсуждать случившееся.

И как раз в это же самое время в Светлые Рубежи въехали трое всадников — воин в иноземных латах, горбун на низеньком коньке и знатная, судя по одежде, красавица.

— Что тут у вас происходит, люди добрые? — спросил горбун.

— Да вот, изволишь видеть, староста молоко материнское ищет! — отвечали люди.

— Да на что ему молоко? Во младенчество впадает?

— Может, и так... Никого не пропускает, окаянный! Житья от него нет!

(Как бы хорошо ни жили люди, а постороннему человеку им всегда есть на что пожаловаться!)

Горбун глубоко задумался.

— А-а! — вскричал он внезапно. — Понял! Плохи ваши дела, ребята, конец приходит!

— Это почему же? — ужаснулись сельчане.

— А вот почему: великий князь новый налог вводит! Будете теперь материнское молоко в столицу бочками отправлять!

— На что же оно в столице-то?

— А вот на что: у великого князя в Столенграде народился младенец-полиглот, он уже придворных кормилиц подчистую присосал и орет не по-хорошему, еще требует! Всех подходящих баб согнали на княжий двор, а ему все мало. Вот и вышел указ, чтобы, значит, по всем селам и хуторам кормящих искасть и гнать в столицу по этапу...

Поселяне заголосили.

Воин насупил и без того сросшиеся брови и тихо молвил:

— Ты чего несешь, Ироня? Кто же такому поверит?

— Помалкивай! Для тебя стараюсь! Это в ученом городе Плезире не поверят, а тут сойдет! — так же вполголоса отвечал горбатый.

— Таких младенцев не бывает! — возразил наконец кто-то из толпы.

— Еще как бывает! — упорствовал горбун. — Мало того, после кормления-то бабы помирают, поскольку младенец не простой...

— А какой же?

— А такой: это и не младенец вовсе, а Мироед маленький вновь на земле воплотился — молочка напьется, титьками закусит! Потом окрепнет, пойдет по белу свету всепоглощающим походом...

Мироедом люди давно уже только пугали малых детей — все знали, что сказочный Жихарь еще в ста-

рину так его в третий раз сделал, что неповадно будет снова вылезать, а тут — на тебе!

— Злосчастные мы! Пропали наши головы!

— Это верно! — орал горбатый. — Пропали, коли поддадитесь! Весь род людской пресечется! Вставай, честной народ! Над всей Посконией безоблачное небо!

— Чего ты городишь? Какое небо? Оно же все в тучах! — снова не выдержал горбунова вранья воин.

— Не мешай! Так всегда при мятеже кричать полагается! — ответил горбун.

К тому времени на площадь прибежал и встревоженный Сиволап.

— Разойдись! Не толпись! Кто тут народ мутит?

Народ дружно указал на мутящего его горбuna.

— Кто такие? — грозно вопросил староста.

— Мы-то — кто надо! — подбоченился горбун. —

А ты — прихвостень болярский, народа мучитель! Не дадим на поругание жен и дочерей посконских! Сколько можно? Хватит, натерпелись! Не поддадимся Мироеду! Небось болярских-то дочек не трогают!

— Не слушайте их! — закричал Сиволап. — Они вас на бунт подбивают! Никто ваших жен и дочерей не мучит, это я их на молоко решил проверить, поскольку...

— А? Что я говорил? Все сходится! — радостно завопил горбун. — Все они заодно! Мало им кровушки нашей — молоко потребовалось! А нашим детям — голодной смертью помирать?

Никто такой судьбы своему потомству не желал.

— А тебе, болярин, стыдно должно быть! — укоризненно сказал староста, обращаясь к воину. — Уйми своего слугу! А не то сейчас с коней поснимаем!

— Это не болярин — это владыка ваш законный, король Стремглав Первый Посконский! Он ничем

не болен, только здоров, чего и вам желает! Он нас поведет на столицу, Мироеда убивать! А начнем с вального болярина!

Речи горбuna возымели, в конце концов, действие: кто-то огrel старосту добрым кулаком по голове, не помогли и пособники.

— Вот так! — похвалил горбатый. — Это дело! Вылечим болярина от всех болезней, а землю его разделим! Земля — селянам! Вода — рыбарям! Воздух — легким! Огонь — врагам! Кузни — кузнецам! Гончарни — гончарам! Бондарни — бондарям! Солеварни — солеварам! Сыроварни — сыроварам! Шароварни — шароварам! Богадельни — богаделам! Живодерни — живодерам! Винокурни — винокурам! Кумирни — кумирам! Швальни — швали! Пашни — пахарям! Голубятни — голубям! Гусыни — гусям! Сударыни — сударям! Княгини — мужикам! Героини — героям! Спальни — спящим! Готовальни — готовым! Наковальни — молоткам! Гордыни — гордым! Твердыни — твердым! Красильни — красивым! Цырюльни — цырюльям! Пустыни — пустынникам! Овины — овинникам! Подворотни — кому подвернется! Говорильни — ораторам!

Воин и красавица с изумлением глядели на горбuna, а он все говорил и говорил без передыху, обещая всем — все.

И от этих пламенных бесконечных речей появились откуда-то в толпе топоры, поднялись над головами вилы и косы, рожны и цепы, коромысла и лопаты, серпы и молоты, мечи и копья, луки и стрелы...

— Нет! — вскричал горбатый. — Мечи и копья, луки и стрелы в бою добудем!

Мечи и копья, луки и стрелы, будучи явно вымышленными, тут же исчезли.

— Посылайте гонцов в иные села и деревни! — продолжал горбун лютовать. — Всех оповестите! Всю Посконию подымайте! Мир хижинам — война стриженым! Мир хатам — война брюхатым! Мир избенкам — война шестеренкам! Мир землянкам — война лесбиянкам! Мир домикам — война гомикам! Мир саклям — война спектаклям! Мир ярангам — война каперангам! Мир чумам — война Кучумам! Мир вигвамам — война самым-самым!

По такому случаю — и весьма кстати — вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засверкала великая река Вобла, впадавшая в ядовитое Синильное море. Бывалые люди узнали и беспечальный город Кислородск, и мрачный Скелетовец, и Вышний Торчок, и Генеральные Воды, и степи Предсердия, и Черственные Леса, и Косогорье, и Обитые Пороги, и Чушкино Болото, и обильную вином Смугланию.

— А то что такое? — допрашивал собравшийся народ старых людей, указывая на далеко мерещившиеся в небе и больше похожие на облака серые и белые верхи.

— То Воробьевские горы! — говорили старые люди. — Там бьют по ночам кровавые ключи, там в урочный день собираются седые воины и вспоминают прежние победы... Раньше звались те горы Жупеловскими, а как узнали, что настоящее имя Жупела — Воробьев сын, так и стали они Воробьевскими.

И, главное дело, по всем этим градам, весям, чащобам, болотам и лугам бегали туда-сюда люди, потрясая подручным инструментом и готовые решительно на все.

— Как это тебе удалось? — с ужасом спросил Стремглав у Ирони.

Вместо ответа горбун извлек из седельной сумки толстую потрепанную книгу на старобонжурском.

Это был перевод прославленного труда, принадлежавшего перу самого Кавтиранта Багрянорожего. Книга называлась «Как избавиться от соперников и самому стать императором, умудрившись при этом умереть в своей постели глубоким старцем».

Книга сия, будучи перетолмачена на все письменные языки мира, в свое время приносила империи Эбистос не меньший доход, чем чужие завоеванные земли. Мелкие царишки и князьки, одолев первые десять страниц, сразу же начинали возводить собственную империю, но вот ни у кого почему-то не вышло.

— А у нас выйдет, — сказал Ироня. — Во-первых, я всю книгу прочел до точки. Во-вторых, они же для себя старались, а я для тебя. Должно получиться. Думаю, у меня выйдет не хуже, чем у тебя в подвалах Чизбурга... Главное — огонек вовремя поднести.

Глава 19,

в которой, вопреки всему, действительно все удается, а также объясняется, как помазывают на царство и отчего золотуха всегда предпочтительнее поноса

...Впрочем, о Посконском Перевороте написано уже так много, что не стоит приводить здесь всех его подробностей и обстоятельств.

Желающие освежить память об этом славном событии могут обратиться к трудам древних и современных сочинителей: «Зарево над Воблой», «Обалденные дни», «Болярское лечение, или Хворянья погибель», «Хождение по трупам», «Железный потоп», «Белая братия», «Как достигалась цель», «Как добы-

валась соль», «Как унималась боль», «Как сочинялась быль», «Посконармия», «Человек с дубьем», «Первым идет Горбатый», «И на Диком океане...»...

К великому сожалению, все вышеуказанные сочинения созданы были отнюдь не по горячим следам событий, а много позже, когда в Посконии возродилась кое-какая грамотность.

Когда был без боя взят Столенград (княжеская дружина охотно перешла на сторону восставших), сразу же зашевелились соседи, у которых оказалось множество претензий на посконские земли.

Стремглав повел дружины к рубежам — защищать и отстаивать, а все хозяйство оставил на Иронию, поскольку от безгласной Алатиэли толку не было.

— Что же это за королева будет? — возмущался Ироня. — Как она собирается молчком царствовать?

— Ничего не поделаешь, — вздохнул Стремглав. — Я обещал сделать ее королевой — стало быть, должен исполнять. И вообще, нам обратной дороги нет. А ты смотри, чтобы зря столицу не разоряли. Сбереги, что можно еще сберечь...

Когда же победоносное воинство с песнями воротилось в столицу, оказалось, что в ней теперь нельзя найти ни болярина, ни хворянина...

— Вы что же, их всех перевешали? — с ужасом спросил Стремглав.

— Зачем только перевешали? — с достоинством возразил ему тощий мужичонка с козлиной бородкой и в долгополом кафтане. — Не только перевешали. Мы ведь не без понятия! Мы широко мыслим! Мы их и вешали, и жгли, и топили, и на кол сажали, и колесовали, и четвертовали, и шинковали, и пасынковали, и лущили, и дробили, и собаками травили, и медведями разрывали, и стрелами прободали, и

ножами резали, и топорами рубили, и со стен сбрасывали! Народ от своих врагов подчистую отдался! Время такое без тебя, батюшка, было: тревожное, грозовое время! Кругом враги да изменники! Как же было им жить оставаться?

— Ты куда смотрел? — набросился Стремглав на Ироню.

Тот стоял, потупившись, и, казалось, даже горбы у него увеличились, совсем пригнув к земле.

— А наместник твой, бесстрашный Ироня, не в себе стал! — оправдал горбuna козел-мужичонка. — Он как первый горящий терем узрел, так и давай хотят! Мы так поняли, что по нраву ему это, — а значит, и тебе должно быть по нраву. Ходил до тех пор, пока не сомлел. Полежит, отдохнет, очередной пожар увидит — и снова смеется одобрительно, покуда не упадет! А мы вашей воле не ослушники! Ты теперь у нас единственный и болярин, и хворянин, и всякое прочее начальство!

Стремглав схватился за голову.

— Что же я, дурак, наделал! Верно, правильно пел трубадур Бешамель: «О, не мечтай — мечта и сбыться может!» Царить мне теперь над развалинами, королевствовать над пепелищем...

— Что сделано, то сделано, — подал голос Ироня. — А по книге императора Кавтиранта — и вообще все правильно сделали... Но ты совсем-то уж не расстраивайся: боляре да хворяне в большинстве своем убежали за пределы державы. Будут там себе тихонечко заговоры плести, вторжение готовить, друг друга за твои победы виноватить...

Так все по его слову и получилось.

Если о походах и победах Стремглавовых написано много, то о том, как строил и ставил он свою дер-

жаву, из старых книг узнать почти невозможно. Както не любят сочинители наши описывать долгие труды и повседневные заботы. Отговариваются тем, что им, видите ли, скучно.

Можно подумать, что читателям не скучно.

Из-за этой скуки и получается, что каждое поколение учится на своих собственных ошибках...

Но первым-то делом надлежало стать королем, хоть и мужицким. Надлежало, как тогда выражались, помазать Стремглава на царство.

Выражение это пошло вот откуда.

Во всякой агеноридской державе при смене владельцы подданные принимались неистово спорить (или, по-бонжурски, заключать пари): станет или не станет претендент на престол монархом?

Так и говорили: «Помажем, что Стремглав (или Пистон, или Вертиант, или Муркок-бashi) заделается нашим государем?» И ежели соискатель своего добивался, то и величали его впоследствии помазанником.

Процедуру помазания должен был проводить самый знатный иуважаемый в стране человек.

Им, конечно, оказался старец Килострат. Стремглав лично ездил к нему в пещеру, уговаривал. Килострат кобенился для порядку, пенял, что в последние годы его едва не уморили голодом неблагодарные посконичи.

Помазание совершалось ночью — таков уж был обычай Килострата. Днем гроб на семи колесах не ездит: вы только представьте себе, что среди бела дня по дорогам разъезжают гробы на семи колесах!

Старец торжественно восстал из гроба прямо посреди площади, напротив бывшего княжьего терема.

Стремглав подошел к старцу и смиленно преклонил голову.

— Что выбираешь — понос или золотуху? — громогласно вопросил Килострат.

Опять же по обычая, помазанники агеноридские, взойдя на престол, обретали чудесное свойство лечить наложением рук одну из двух вышеуказанных болезней. Пошло это еще от первой бонжурской династии Косматых королей.

И Косматые короли, и преемники их, и преемники преемников, и вообще все престолопросители неизменно выбирали золотуху.

Потому что если выбрать понос, то ко дворцу будет не подойти: ведь далеко не всякий болящий успеет добежать до исцеляющих королевских дланей.

Кроме того, поносу все возрасты покорны, а золотухой страдают в основном дети — тут и собравшемуся народу умиление, и для монаршей безопасности выгода: от ребенка беды не ждут, он кинжалом не пырнет. Хотя, бывало, и карликов подсыпали...

Стремглав не стал нарушать традицию, выбрал золотуху.

Килострат помазал его родной землей, спрыснул ключевой водой, обмахнул вольным посконским воздухом при помощи лопуха и слегка припалил королю бороду лучиной, занявшейся от живого огня.

Теперь было крепко.

Теперь Стремглав мог своей волей определять и раздавать земельные наделы своим сподвижникам, даровать им громкие титулы или обидные прозвища, казнить и миловать.

Он сразу же казнил козлобородого мужичонку, по мудрому Ирониному совету обвинив его во всех

произведенных народом зверствах, и помиловал на радостях все остальное население Посконии.

— А тебе быть майордомом! — сказал он Ироне.

— Вот уж нет! — ответил Ироня. — Поищи дурака у тебя майордомом быть.

— Ну, коннетаблем, — уступил король.

— Не буду и коннетаблем. Ни маршалом, ни церемониймейстером, ни тайным советником, ни явным приспешником, ни кравчим, ни ловчим, ни постельничим, ни стольником, ни спальником, ни подстаканником, ни набалдашником! Дураков нет!

— Кем же ты быть желаешь?

— А вот как раз дураком быть и желаю. То есть шутом, паяцем, гаером, потешником, клоуном последним!

— Это почему? При твоих-то заслугах!

— Жить привык, вот почему. Короли же казнят и герцогов, и графов, про баронов уж молчу, и советников не милуют, и маршалов опале подвергают. А шутов никто не трогает, потому что это позор для владыки. Свои же засмеют. Только не вздумайте меня Рыгалетой дразнить, мало ли что горбатый!

— Хитер ты, старый товарищ...

— Тем и жив! — похвалился Ироня.

— Ты-то жив... А я вот — еле жив, и ума не дам, как теперь поступать. Что в книге Кавтиранта сказано?

— В том-то и беда, что ничего не сказано! Не дожил бедолага до преклонных лет, я в летописях узнавал. Оттого и книга его неполная...

— Что же с ним случилось?

— Обычное дело — родной племянник Полиамид зарезал и сам на трон империи Эбистос водрузился.

— Так, может, хоть он описал устройство крепкой державы? — не терял надежды Стремглав.

— Конечно, описал. Только не все. Его книга называется «Развал и схождение державы, или Как зарезать родного дядю ради восшествия на престол, а потом взять и сделаться владыкой мира».

— Так читай! — воскликнул в негодовании мужицкий король.

— Изволь! — откликнулся Ироня и представил пред королевские очи тоненькую тетрадку: — «Взять обыкновенный кухонный нож и мелко-мелко нацинковать...» Тыфу ты, дальше буквы плесенью поело! А все ты — торопился, заставлял в болотах ночевать! Да ты не расстраивайся, надежа, он недолго правил: его беглый солдат Бука Срамотянин, жены Полиамидовой полюбовник, собственными руками задушил, и вот он-то и правил мирно и покойно полсотни лет. И порядок при нем был!

— Так доставай же книгу, составленную этим отважным воином!

Ироня развел руками.

— Неграмотен был сей Бука, неграмотным и помер. Все, бывало, любил повторять: «Если прочтешь много книг, императором не станешь!»

— Да мне и не надо много! — в отчаянии вскричал мужицкий король. — Мне бы хоть одну, но толковую! Ты же сколько мне хвастался, что всю литературу подготовил и законспектировал!

— Эх, Стремглавушка! О том, как державу развалить и самому на престол воссесть, целые библиотеки написаны! А вот что дальше делать — тут уж каждый сам разумей...

Стремглав потянул меч из ножен:

— Ну, покуда ты еще не шут, а воин...

Воин Ироня шмыгнул под стол. Столешница была надежная, и карающий меч в ней застрял.

— Давай на бонжурский перейдем! — закричал Ироня. — А то на родном-то языке мы не договоримся никогда!

От такого неожиданного предложения гнев Стремглава оторопел и утих.

— Извольте, любезный, — молвил он по-бонжурски. — В вашем предложении, несомненно, что-то есть...

— Я не сомневался в его конструктивности, — сказал Ироня и вылез из-под стола, норовя, однако, держаться подальше от плененного деревом клинка. — Прежде всего обратимся к опыту самой Бонжурии — ведь при всех недостатках ее правителей эта страна умудрилась просуществовать немало веков...

— Основой бонжурской державы всегда был укрепленный замок, господствующий над окрестностями, — сказал король Стремглав. — У нас недостает камня для такого количества построек.

— Возведем деревянные! — не замедлил с ответом горбун. — Коль скоро в Посконии, по мнению наших зарубежных друзей, существуют деревянные печи, отчего же не быть и деревянным замкам и цитаделям? Никого во всем мире это не удивит.

Стремглав задумался. Потом сказал:

— Кроме пожарных. Наш верный народ прискорбно небрежен в обращении с огнем.

— Будем крепить пожарную безопасность! — сказал Ироня.

— И где же мы найдем такое количество пожарных?

— Эти обязанности возложим на друдинников. Топор же и в бою топор, и на пожаре. К пике недолго приделать крюк — вот вам и багор. А шлемы у воинов велим делать конусовидные, с ручками, что-

бы при нужде заменили ведра! Все гениальное просто, ваше величество.

— Если бы вдобавок еще все простое было гениальным! — вздохнул Стремглав. — А кто заменит ненавистных народу боляр и хворян?

— Мы восстановим эти сословия, государь! Только слегка изменим имена. Пусть будут, скажем, бояре и дворяне. То есть одну букву изымем, одну заменим. И новые имена заодно будут напоминать людям о славном прошлом...

— А если они сызнова примутся угнетать народ? — нахмурился король.

— Не примутся! — уверил его горбун. — Они же сами из мужиков! То есть из пейзан! Помня прежние страдания, они никогда не допустят повторения мрачного прошлого. У нас будет неслыханное, небывалое в мире государство — вполне бонжурское по форме и глубоко посконское по содержанию...

— Граф де Пинай... Маркиз Громилушка... — попробовал на слух новые звания мужицкий король. — Герцог Новокаргинский... Вид замка Стоеросовка... Не станут ли соседи смеяться над нами, мой бедный друг?

— Пусть только попробуют! Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает! Наши войска живо окоротят насмешника! Кроме того, вы владеете секретом чудовищной громобойной смеси...

Стремглав потупился.

— Увы, дружище, — сказал он. — Я до сих пор знаю только, что в ее состав входит селитра, — и все. После моего факела в подземельях Чизбурга не осталось ни крошки этого вещества. А в Посконии, пожалуй, с твоего попустительства не осталось ни одного грамотея — я уже не говорю об ученых.

Но для Ирони не было препон.

— Своим умом рано или поздно дойдем! — уверенно сказал он. — А покуда я буду рассыпать мальчишек по болотам с особым заданием...

— Каким? — изумился Стремглав.

— Мальчишки станут поджигать болотный газ, — объяснил горбун. — Все равно это их любимое занятие. Грохоту и пламени будет предостаточно. Соседи же станут думать, что мы производим успешные опыты, и остерегутся. Кроме того, ведь и ваш венценосный брат Пистон Девятый дал клятву о ненападении, да продлятся его дни... А держава наша для острастки будет зваться Гран-Посконы!

Тут горбун так разошелся, что велел принести вина — вернее, браги, разлитой в фигурные бонжурские бутылки.

— Каков букет у этого бражоле! — восхликал он, отхлебнув из горлышка, и скривился.

— Нет, я, пожалуй, предпочту совиньон, — сказал король, и горбун щедро плеснул ему в ковшик из той же бутылки.

Мутный духовитый совиньон несколько рассеял мрачные мысли и предчувствия мужицкого самодержца; но он все же попытался вытащить меч из столяшницы. Только дерево было доброе, выдержанное.

— Твое счастье, шут гороховый, — сказал король. — Это надо же — Гран-Посконы!

Глава 20,

*в которой обильно цитируется знаменитая книга
знаменитого путешественника*

С течением времени название это прочно утвердилось на картах мира, заменив собой прежнюю оскорбительную пустоту и хулигательную надпись. Уз-

рев, что местность сия, оказывается, населена, туда устремились путешественники и купцы — вернее, те, кто совмещал эти два занятия.

...Славный неталийский негоциант Гнидо Кувырканти происходил из не менее славного города Весь-На-Понтах. Такое имя городу было дано потому, что мостов (а мост по-ненашему понтом зовется) было в нем многое множество. Еще малым мальчиком смышленый Гнидо был взят своими дядьками в дальний торговый поход и дошел со своим караваном до самого края света. Убедившись, что там ничего особенного нет, странники при большом барыше повернули обратно и с огромным удивлением обнаружили на пути своем совершенно новую державу.

К счастью для потомков, молодой Кувырканти по дороге домой вынужден был задержаться в немчурском городке Плюхене по причине пьяного дебоша. Плюхенский судья отмерил дебоширу ровно две недели тюрьмы и еще один день. И как раз там, в сыром подвале, юнец от нечего делать рассказал грамотному сокамернику историю своих странствий. Грамотей, не будь дурак, занес воспоминания изготовленными из тюремных насекомых чернилами на чистую портянку, а потом смог вынести оную за стены узилища.

Из портянки получилась целая книга.

Читатель может посетовать, что в нашем повествовании книги появляются подозрительно часто. А что делать? Откуда черпать сведения о днях минувших? Не из головы же их выдумывать, вводя в заблуждение достойных людей?

Самое скверное свойство истории состоит в том, что она, представляющая собой одно сплошное пре-

ступление, предпочитает не оставлять живых свидетелей, рано или поздно устранивая каждого.

Так вот, книга Гнидо Кувырканти получила название «Обо всем на свете, или За что купил, за то и продаю». Посконии там отведено особое место, поскольку никто о ней ранее не сообщал — если не считать, конечно, баек про деревянные печи.

К сожалению, некоторые омрачающие душу источники гласят, что негоциант Кувырканти нигде далее плюхенской каталажки не бывал, а выдумал все из своей собственной небольшой головы...

«...Страна, Гран-Посконью именуемая, самой природою отделена от всех прочих царств-государств. Летом нельзя в нее въехать, поскольку окружена она болотами столь зыбучими, что в них тонут даже лягушки и водомерки. Зимой же стоят такие крепкие морозы, что всякий, кто отважится справить на улице малую нужду, немедля примерзает к земле и в таком положении остается до весны, помалу оттаивая и возвращаясь к жизни. Сроду бы тому не поверил, когда бы не видел людей, через сие прошедших.

Весной же и осенью к помянутым несчастьям прибавляется бездорожье.

Народ, эту землю населяющий, выглядит вот как: имеют по две ноги и по две же руки, а на головах имеют по два глаза, и рот, и прочее, что полагается. Глазами они смотрят, ртом едят и говорят на своем варварском наречии да еще кладут туда пищу, перетирая ее притом зубами и глотая в желудок, и тем живы бывают. Носом они дышат, пропуская воздух через два отверстия, ничем не отличимые от обычных ноздрей.

Детей у них, скажу вам, бывает премного, а получаются они следующим образом: парень с девкою

либо мужик с бабою закроются в доме или отойдут в кусты, но подглядывать за собой не велят. За этим надзирает их владетельный сеньор, обходящий дом либо кусты с колотушкою и отгоняя любопытных. Таким причудливым образом здешняя знать осуществляет свое право первой ночи.

Главный город их называется Столенто, и вот он каков: все постройки из дерева, хотя бы и царский дворец. Дерево это не горит и не гниет, потому что долгие годы пролежало в воде и там обрело крепость камня.

В царском дворце на полу вместо ковров выращивают разноцветный мох, и выходит очень прекрасно и красиво.

Есть у них некий напиток, название которого я позабыл, потому что он имеет свойство отшибать память. Этим напитком всяких гостей угощают, скажу вам, вдоволь, ибо могут среди странников оказаться соглядатаи иных держав. Отказ же от угощения почитают за великое оскорбление, а во время застолья то и дело спрашиваются у гостя, уважает ли он хозяев. Запоздавшему с утвердительным ответом запросто могут врезать по зубам.

Женщины здешние хороши и прекрасны, но суровы к гостям; когда попытается иноземец к ним прикоснуться, с силою толкают его в грудь и величают заморским сморчком и недомерком. В том сам убеждался многажды.

Любимое занятие у жителей есть медвежья охота, а ведется она вот как: охотник выходит из дома, садится на лавку и ждет, когда по улице пройдет медведь, а уж потом встает и начинает с тем медведем бороться голыми руками, увещевая зверя к покорности.

Синьоры здешние ничем не отличаются от простолюдинов, и немудрено, поскольку по сконская знать еще молода и не завела себе обычая. Говорят они вроде бы по-бонжурски, но понять, скажу вам, ничего невозможно.

Здешний государь держит свой двор тоже на бонжурский лад, и одеваются придворные по последней плезирской моде.

Царь велит звать себя королем, кличут его Стремглав Бесшабашный, и вот он каков: храбрый, толковый и удалой. Жители его почитают, называя красавцем, умницей, извергом и душегубом одновременно.

Весь день он проводит в непрестанных трудах, исправляя то, что натворят за ночь его нерадивые помощники. Прозвище свое он получил оттого, что за всяkim родившимся замыслом, минута рассуждения, у короля немедленно следует дело.

Супругу государя никто не видит: живет она, надо вам знать, в высокой деревянной башне под сильной стражей. Ходит слух, что она безмолвна и безумна, но король души в ней не чает и шлет в башню богатые подарки, для чего скопил, не торгуясь, весь мой товар: курыханские шелка, осмийский жемчуг, хантайскую бирюзу.

Особенно же охотно расхватали у меня в этом городе то, что и не чаял продать: разноцветные картины, вывезенные из Плейбоя, Пентхауза и Хастлера. Странно мне, что эти простые сцены из повсеночной жизни вызывают у местных жителей удивление и веселый смех.

Государь принял меня ласково и говорил со мной на моем родном языке. Я пожаловался ему на сурвость здешних красавиц. Вместо ответа он велел

принести зеркало и посоветовал в таких случаях сорблазнить девиц с помощью особых местных пирожных, именуемых пряниками, да еще теми семенами, из которых давят постное масло.

Пребывает государь в великой печали, и не диво: супруга его неизлечимо больна, и толкуют об этой болезни разное. Должно быть, и не болезнь это во все, но чары, наведенные неким завистливым волшебником. Других жен при короле не водится, ибо он изволит хранить своей даме рыцарскую верность. Каждую ночь он поднимается в башню по веревочной лестнице, исполнив перед тем у подножия сладковзвучную песню.

Королева живет в башне оттого, что не раз пытается, в помрачении рассудка, бежать неведомо куда.

Детей у государя нет, и оттого печаль его усугубляется...»

Глава 21,

которая, вопреки логике, продолжает самую первую главу

... — Супруга твоя рожать изволит!

— Что ж ты сразу-то, старая... Эх-х!

Король Стремглав живо соскочил с трона и огляделся. Бросать иноземных послов было неприлично, а оставить их не на кого — гран-посконские конты, виконты и ледюки владели бонжурским не лучше бабки Чумазеи, а толковая придворная молодежь еще не подросла.

— Ироня!

Не торопясь, с достоинством приблизился горбатый шут. Одет Ироня был, вопреки своему званию, неброско: черный кожаный камзол, широкие синие шаровары, заправленные в полусапожки, на голове

черная же шляпа с узкими полями, напоминающая перевернутый котелок, — без перьев, с одним-единственным бубенчиком. Да и тот не звенел.

— Я весь внимание, сир! — сказал горбун и небрежно поклонился, не обнажив головы.

— Ох, прибью я тебе эту шапочку гвоздем, дождешься у меня! — пригрозил король. — Займи покуда чем-нибудь гостей, я вынужден отлучиться...

— Все секретничаете, сир? — ухмыльнулся Ироня. — Между тем слухи плодятся в неимоверных количествах...

— Какими бы ни были эти слухи, они предпочтительней правды, — вздохнул Стремглав. — Только не вздумай, как в прошлый раз, этот дурацкий боулинг затевать — и так во дворце теперь целого горшка не найдешь...

— Нет, я их сейчас в звездобол играть выучу... Государь, неужели?.. Я имею в виду — королева...

— Да, только помалкивай, пока я не вернусь...

Башня, в которой текли дни заточенной королевы, была самым высоким строением в городе. И все, что в этой башне происходило, являлось строжайшей государственной тайной.

В Бонжурии, к примеру, рожать наследника полагалось на людях, в присутствии выборных из народа, чтобы в законности прав дитяти на трон никто не сомневался — мало ли найдется желающих подменить младенца или устроить какую другую каверзу.

Но Стремглав, перенимая все остальные обычаи бонжурского двора, такой роскоши себе позволить не мог.

Он не представлял себе, кого может произвести на свет Алатиэль после всего того, что случилось с

ними в Чизбурге. Ладно, если просто дурачка... Или дурочку...

Король боялся сейчас так, как не боялся во время самых безумных атак и вылазок. Даже в те краткие дни, когда ему пришлось быть чизбургским палачом...

Но он еще и надеялся, что после родов королева вернется в ум, а может быть, даже и заговорит.

Бабка Чумазея, она же фрейлина Инженю, в прыжку поспевала за ним.

Король выбежал из дворца потайным ходом, не прихватив и стражников. Совсем ни к чему ему были лишние глаза и языки. Удача, что и без того все столенградцы нынче толпились на площади, где по случаю приезда иноземных гостей накрыли столы с дармовым угощением и мутным пахучим совиньоном в огромных кадках. Поскольку уже стемнело, пировали при факелах.

Основание башни было каменное, и внизу же располагался надежный караул. Стремглав самолично запирал железную дверь на трое суток, а единственный ключ хранил на груди.

Дверь и открывалась раз в трое суток — во все остальное время в башню можно было проникнуть только по веревочной лестнице, которую бессменно приставленная к королеве повитуха сбрасывала лишь для двух людей — самого Стремглава и бабки Чумазеи. Когда фрейлина Инженю карабкалась наверх с гостинцами для королевы, у подножия башни обычно собиралась толпа, поскольку своего театра в Столенграде пока что не завели. К счастью для бабки, лестница вверху наматывалась на колодезный ворот, и сердобольная повитуха пособляла своей знатной товарке.

— Лестницу! — рявкнул король.

Потом подождал и еще рявкнул.

Над дверью горел хороший большой фонарь, и опознать владыку сверху не составляло труда.

Чем бы ни была занята повитуха, сбросить трап для нее было мгновенным делом. Да ведь там еще и горничная имелась...

— И-и-и-и! — завизжала фрейлина Инженю.

Визжала она потому, что никакой горничной на верху уже не было. Горничная лежала здесь, внизу, и веревочной лестницей она явно не воспользовалась...

Стремглав похолодел. Вроде бы трудно чем-нибудь испугать здоровенную посконскую девку до такой степени, чтобы она с немыслимой высоты и по доброй воле...

Ключ загремел, пытаясь угодить в скважину.

— Пьете, ухоеды?!

Караульщики — четверо серьезных, немолодых мужиков, самолично королем отобранных, — и впрямь пороняли свои косматые сивые головы на столешницу.

Но в бочонке посередь стола содержался не со-виньон, не бражоле, не блефурье и не сенсимеон, а обычный квас.

Вот только закуска в мисках была необычная. А-ля покойный мэтр Кренотен была закуска. Все по отдельности. Даже глаза...

Горничной еще повезло.

Король вытолкнул обомлевшую фрейлину Чумазею за дверь:

— Как придешь в себя, вели оцепить башню и никого не впускать.

Загремел толстенный засов.

Пути наверх было двести ступеней — ни больше,

ни меньше. Бабка Инженю все равно бы туда только к утру добралась.

На рассвете железная дверь открылась.

Король вышел из башни, держа на вытянутых руках большой деревянный ларец, украшенный магическими рунами. Чумазея сроду не видела такого в покоях королевы. Стремглав поставил ларец на землю и запер за собой дверь.

Тело несчастной горничной уже унесли:

Глава 22,

*в которой произносится большое количество тостов
при почти полном отсутствии закуски*

Шуту хорошо — ему все можно, он веселый сирота среди серьезных семейных людей.

Вот министру, казначею, полководцу было бы не с руки сидеть в кабаке с послом иной державы — могут заподозрить в сговоре, даже если эта держава считается дружественной. На то к министрам, казначеям и полководцам приставлены особые люди, и это водится даже в такой бесшабашной стране, какова Гран-Посконь. И не хотели, да пришлось завести таких особых людей. Чаще всего под видом толмачей.

А шуту все можно. И толмача ему не нужно.

И с бонжурским послом они знакомы давным-давно: Пистон Девятый назначил на эту должность графа де Кадрильяка, некогда юного оруженосца, что сопровождал будущего бонжурского монарха в опасном пути из Варягии в Бонжурию, а также во всех прочих походах. Так что это была встреча старых боевых товарищей-комбатантов.

Не одни они — вся столица гуляла, оплакивая гибель королевы и радуясь рождению наследника.

— Признаюсь, дружище, я не узнаю нашего доб-
рого капитана Ларусса. В проклятом Чизбурге его
словно подменили. У вас в народе ходят упорные
слухи, что он обезумел, ворвался в башню и перебил
там всех, включая свою королеву...

— Ну, всех слухов не переслушаешь, — сказал
Ироня. — Про эту башню и раньше говорили, что
там неладно. Голоса какие-то, свечение по ночам...
Но не верится мне, граф, чтобы мог он поднять руку
на Алатиэль. Да и за пьянство на посту он никого
смертью не карал. По морде — это да, у него на это
дело рука легкая. То есть тяжелая, но все равно лег-
кая. Вернее, скорая. И уж подавно не стал бы он глу-
миться над телами.

— А что говорит сопровождавшая короля дама?

— Бабка, что ли? Да она и до того была глупа, а
тут и вовсе спятила.

— И все равно он вел себя весьма странно. Отче-
го никто не видел останков королевы? Почему наш
венценосный друг никого не впускал в башню? По-
чему он самолично оборудовал усыпальницу?

Ироня пожал плечами.

— Может быть, не хотел, чтобы народ видел ее
искаженное муками лицо, — откуда нам знать?

— Как, однако, чувствительны в вашей стране
сыновья шорников!

— И не говорите, ваше сиятельство.

— Но вам-то, вам-то он мог сказать правду — как
это водится между старыми друзьями?

— Шутам, граф, короли доверяют даже охотнее,
чем друзьям. И тем не менее я знаю обо всем этом не
больше, чем вы.

— Там, говорят, была еще одна женщина...

— А-а, повитуха? Так ее сослали за Можай. С по-

жизненной пенсией. Так, во всяком случае, объявили. И семьи караульщиков получили хорошую виру, и родня горничной...

— Что такое Можай? — спросил Кадрильяк.

— Никто не знает, что такое Можай, — сказал Ироня. — Но оттуда как-то не принято возвращаться. Баба была одинокая... А может, и прибил он ее сгоряча, что плохо со своим делом справилась... Закопал где-нибудь в склепе... Хотя не верю я в это. Да и незачем нашему другу Пистону знать все эти страшные подробности. У него своих ужасных тайн хватает. То ли мы про вашу Фалалеевскую ночь не слышали?

— Навет! Это была чистая политика! Внутреннее дело Бонжурии! Никакой магии! — возмутился граф де Кадрильяк.

— Разумеется, перерезали всех мотоботов — вот уж где политика! Река Солома, говорят, кровью текла! Ну да это ваше дело, мы в него не вникаем — и ждем взаимности.

— Вот-вот! — обрадовался Кадрильяк. — И я говорю о взаимности! Давайте обменяем одну государственную тайну на другую.

— Давайте! — сказал горбун и наполнил кружки настоящим бонжурским вином из посольских запасов. — Да вы угощайтесь, граф, не чинитесь!

Граф несколько оторопел, но кружку осушил.

— Самое главное для посла — пить не пьянея! — сказал Ироня и снова взялся за кувшин. — Для солдата это умение не суть слишком важно, но для амбассадора — о! Но я вас живо научу. После первой у нас не закусывают, то же самое и со второй. Только после третьей можно позволить себе один — один! — ма-аленький соленый грибок. Не больше!

Посольская наука удавалась графу на удивление

хорошо. Он узнал, что в Гран-Поскони принято ослаблять действие вина с помощью обычных застольных прибауток.

— Сие есть ейролингвистическое программирование! — похвастался Ироня и провозгласил: — Ну, за Стремглава за отца, за Кренотена-мертвеца!

И пошло:

- Пей по всей, да примечай гостей!
- Рюмочка златая, ты откуда? Да с Алтая! А паспорт есть? Нема! Вот тебе и тюрьма!
- Рюмочка чумаза, ты откуда? Я с Кавказа! Руки к стенке, ноги врозвь — ничего, пройдешь авось!
- Рюмочка затейна, ты откуда? С Лихтенштейна! А имеешь ли визу? Нет? Так и ступай книзу!
- Рюмочка медна, вино держать вредно, а мы ее вот — и в рот!
- Рюмочка железна, пить дюже полезно! Укрепляет печень, коли заесть нечем!
- Рюмочка из стали, пить мы не устали! Здоровит желудок, не мрачит рассудок!
- Рюмочка из бронзы, отвлеки от жизненной прозы! Чтоб звон стоял и дети были!
- Рюмочка алюминиевая, не пройди помимо нее! На горе вражьих стай чарку опростай!
- Рюмочка хрустальная, пьем, товарищи, за Сталина бальзам из вольного Таллина! И за друга Веллера тоже выпить велено!
- Рюмочка спиртного, ты откуда? От Смирнова! А есть ли медали? Ну, только тебя и видали!
- Рюмочка красива, ты откуда? С Тель-Авива! Ну, за Ивана-царевича, за АRONA Кеглевича!
- Кьянти два стакана, вы откуда? С Ватикана! Ну, за папу римского, за вертухая Нарымского!

— Кальгадоса два бокала, сколь ни пей — все будет мало! Выпьем за Ремарка, чтоб стоял, как Триумфальная арка!

— Две стопки виски сердцу дороги и близки! Есть в брюхе место выпить за Хемингуэя Эрнеста!

— Коньяк «Камю» наливать кому? Хоть он и верблюд, а люди его пьют!

— Бренди два ковша, вы откуда? Из США! Так подвинься, душа! Буш тому в глаз, кто не выпьет за Техас!

— Две кружки кваса, да вы тоже из Техаса? Квасом запивай, а про джин не забывай!

Как раз на квасе посол Бонжурии и поломался, начал размахивать длинным указательным пальцем и толковать.

— Чизбург! — кричал он на весь кабак. — Все дело в Чизбурге!

— А Чизбург-то тут при чем? — не понял горбун.

— При всем! — мрачно сказал Кадрильяк. — Его величество опасается, как бы нам не пришлось начинать все съзнова...

— Вот те на! — сказал Ироня. — Да ведь вы же там все окрестности запустили и даже развалины с руинами посыпали солью...

— Солью, — подтвердил посол. — И перцем. Но вот шпионы наши... То есть шпионы ваши, а наши разведчики... Или лазутчики? Или сыщики?

— Или пронырщики, — предвосхитил его шут. — Ну, что они докладывают?

Кадрильяк посмотрел на него хитренько-хитренько.

— Стены, — сказал он и попытался уснуть, пристроив под голову миску с одиноким соленым рыжиком.

Ироня, презрев дипломатический иммунитет, ткнул посла двоезубой бонжурской вилкой.

— Стены — что? — прошептал шут.

Граф поморщился и приоткрыл глазик.

— Стены растут, — сказал он. — По ночам. Никого нет, а стены растут. Растут из-под земли, как... как зубы. Нет, как целые челюсти... Или целые челюсти? Прудь бокляты таши восты...

И прикрыл голову руками, давая тем самым знать, что будить его в другой раз бессмысленно.

— Жаль, — сказал Ироня. — А я вам, ваше сиятельство, как раз хотел открыть государственную тайну. Не одного царевича родила королева, не одного королевича родила царица, а сразу двоих! Все равно об этом завтра народу объявят, — добавил он исключительно из вредности. — А вот про то, что же в башне случилось, я и впрямь не знаю... — сказал шут самому себе и встал из-за стола, даже не покачнувшись. — Разучилась пить дипломатия, — заметил он. — А ведь этот еще из лучших.

Столь же твердой походкой он покинул қабак и вышел на площадь.

Башня безмолвной королевы пылала, рассыпая в темном воздухе искры и бревна. Король Стремглав хоронил свою возлюбленную и по-людски, и по-эльфийски одновременно, сочетая каменный склеп с погребальным костром.

Горбун поспешил прикрыть глаза рукой, хохотнул было, потом вздохнул.

— Эх, дружище, был ты доселе Стремглав Бесшабашный, а будешь отныне Стремглав Безбашенный...

И верно — по всему деревянному городу катился тревожный пожарный набат...

Глава 23,

*в которой раскрываются некоторые тайны плезирского двора,
а новорожденные принцы выказывают
весма странные свойства*

Никогда, нигде, ни при каких обстоятельствах не следует объявлять народу всю как есть правду. Потому что народное сознание, неспособное вместить ее всю разом, начнет мутиться, а это чревато беспорядками.

Впрочем, нельзя обнародовать и всю ложь целиком — по той же самой причине. Чем и воспользовался в свое время горбун Ирона, поднимая народ на борьбу.

Правду или ложь следует внедрять помаленьку, частями, кусочками и в сильно разбавленном виде — все равно как кормить бульоном с ложечки человека после долгой голодовки.

Все это король Стремглав уже усвоил.

Поэтому сначала жителям столицы сообщили, что королева Алатиэль погибла от руки внезапно взбесившейся горничной, а та, очнувшись от приступа безумия, бросилась с башни вниз.

Через день пошли слухи, что горничная здесь ни при чем — супруга монарха погибла родами оттого, что повитуха не вернулась вовремя с побывки у родных, исчезнув по дороге неведомо куда. А уж невинная горничная покончила с собой от отчаяния.

И только на третий день объявлено было, что умереть королева действительно умерла, но младенец-наследник жив и здоров, чего и вам желает. Тогда и устроили в Столенграде поминально-праздничный пир.

А уж на утро четвертого дня никого из похмеляющихся жителей города не удивило известие, что мла-

денцев на самом деле двое. Все равно уже у многих в глазах двоилось от совиньона. Таким образом, беспорядков не случилось.

Правда, последнего сообщения могло и не быть...

... — Государь! — воскликнул горбун, увидев двух сморщеных красных парнишек. — Рождение близнецов грозит государству смутой! Престол-то один!

— Так ведь кто-то из них родился первым! — робко сказал Стремглав.

— А кто? Вдруг ты объявишь законным наследником младшего?

— Мы и сами не знаем, кто из них старший, кто младший... Да ведь и свидетелей-то нет...

— В том и беда, что нет! И какая-нибудь кучка недовольных придворных в свое время начнет склонять младшего принца к бунту...

— Далеко заглядываешь, — сказал король. — Пока-то еще у нас появятся настоящие придворные, пока-то они овладеют высоким искусством дворцовой интриги!

— Э, твое величество, чем-чем, а этим-то они живо овладеют: дурное дело нехитрое! И потом — случись с тобой что, сразу же начнется такая смута, что наша по сравнению с ней покажется кабацкой дракой!

— Что же делать? В книгах твоих на этот счет что-нибудь сказано?

— Сказано. Например, в романе «Тайны плезирского двора». Я эту книгу во время сарацинского похода изучил. Дело было при Пистоне Втором. Королева принесла двоих, и первый министр де Шурше приказал спрятать второго ребенка и растить его в лесной глуши на случай, если с наследником что-нибудь случится...

— И Пистон Второй согласился?

— Да он у этого министра с руки ел, ни в чем не возражал, да и пьян все время был, оттого скоро и помер. А королева этого самого де Шурше вообще любила...

— Ну вот, — сказал король. — Придется обоим пеленки менять, а заодно и мне другие портки надеть... Надо же — как по команде! Уже в четвертый раз!

— Бабка! Обиходь детишек — король вам не нянька! — закричал Ироня на фрейлину Инженю.

— Прямо не хочу их из рук выпускать, — сказал Стремглав. — Это все, что мне от нее осталось...

— Все равно их кормить пора, — сказал горбун и засмеялся, вспомнив свои возмутительные враки. — Так вот, вырос молодой Пистон Третий и невзлюбил первого министра, заодно и матушку уличил в беззаконной связи. Пригрозил министру скорой отставкой на виселице. Тогда де Шурше послал в лес за вторым парнишкой, чтобы в урочный час подменить законного владыку, посадить самозванца на трон, а настоящего короля заточить в подвал, надев тому на лицо железную миску с дырами для рта, носа и глазок.

— Может, железную маску? — спросил Стремглав, нехотя передавая сыновей нянькам.

— Ха, он же не дурак! Закажи кузнецу железную маску — сразу слухи пойдут, разговоры: зачем, кому? А дырки в миске провертеть может всякий, хотя бы и первый министр. Проведали об этом три королевских полотера и четвертый истопник. Ну, дальше многое было — тайные гонцы, мертвые отцы, вещие призраки, явные признаки, погони, похищение подвязок королевы, поединки, пиры, куртуазные похороны...

ждения, обмороки, выкидыши, подмены писем, плавание в Стрижанию, казнь коварных Трахтенберга и Ротенфельда, разговоры с могильщиками — книга вон какая толстенная!

— Чем же она кончилась? — нетерпеливо спросил Стремглав.

— Да ничем! — сказал горбун и сплюнул. Потом спохватился и растер плюнутое по паркету. Паркет был сработан из сырого дуба, и каждая паркетина стояла горбом. — Ну, запихали Пистона Третьего в темницу, напялили железную маску, то есть миску. Ну, привезли из леса его двойника. Стали сажать на трон. Глядят — а парень-то на царственного брата ну нисколечко не похож! Они не близнецы оказались, а двояшки! Об этом-то министр и не подумал, что двояшки бывают — один в отца, другой в мать... Тут и мать, кстати, покаялась... Три полотера и четвертый истопник истинного короля из темницы вызволили, министра де Шурше повесили, предварительно лишив пенсии. А железную миску дырявую залатали и оставили на королевском столе для вечной памяти — да ты же сам ее видел и еще удивлялся: чего она среди столового серебра и золота делает. Полотерам да истопнику присвоили очередные звания.

— А что с братом стало?

— Это который из леса? Ну, уж про него ты слышал — это прославленный маршал Колотье. Он у себя в лесу первым браконьером был, вот и в бою...

— Постой, — сказал Стремглав. — Что же нам-то делать? Тоже прятать одного в лесу? Чтобы ты потом его в нужное время извлек?

— Я — не министр де Шурше, — с достоинством ответил шут. — Он этого романа не читал. Но похо-

жи друг на друга твои сыновья — и волосики, и глазки, и прочее...

— Дураки вы дураки оба, — сказала молчавшая дотоле фрейлина Инженю, принимая у няньки одного из мальчишек. — У младенца и волосы, и глазки еще десять раз в цвете переменятся. Ты сам, Стремглавка, черным родился и даже в шерсти, а к ходячим годам посветел... Обух покойный даже сомневаться начал — от него ли ты!

— Тогда делать нечего, — вздохнул Ироня и с самым суровым видом заявил: — Чтобы не было в государстве смуты, одного младенца следует тайно удавить, а свидетелей казнить!

Стремглав от такого предложения не сумел даже рта раскрыть, зато раскрыл рот ребеночек: нянька, услышав страшные речи шута, выронила мальчика на горбатый паркет — только головка состукала.

— Руки дырявые! — рявкнул король, подхватывая с пола пострадавшего орущего сыночка. — Гляди, чего наделала — у парня шишка на голове растет!

Заорало, помогая брату, и другое чадо, хотя хладнокровная бабка Инженю крепко держала его в охапке.

Но потом и она выронила драгоценную ношу, потому что увидела: на лбу неповрежденного ребенка тоже поднимается точно такая же шишка!

Уроненные дети заголосили вдвоем шибче. Теперь у каждого из них было по две шишкы!

— Беру свое бесчеловечное предложение назад, ваше величество, — сказал Ироня по-бонжурски. — Потому что жизни обоих младенцев связаны незримой нитью — боль одного непременно отзовется во втором. Так бывает. Недаром даже разлученные близнецы зачастую болеют одними болезнями, женятся и умирают в один день, разделенные хотя бы и морем.

А в нашем случае эта связь особенно крепка. Видно, Алатиэль и вправду была нелюдского племени...

Между тем младенцы быстро утешились, попавши в добрые руки кормилиц.

— Шутки у тебя, однако, — сказал король. — Не шути так больше.

— Как могу, так и шучу, — обиделся Ироня. — Придется обоих беречь пуще глаза — про запас одного не спрячешь! В лес на воспитание не пошлешь — надо, чтобы оба всегда на глазах были! Ох, хлебнем мы с ними горюшка!

— Мне не привыкать, — сухо сказал король. — Я и так в горе как в море, в беде как в воде. Сожжены и корабли, и мосты, и прочие деревянные снасти. Был я плохим мужем — попробую стать хорошим отцом...

— Да не в тебе дело, — махнул рукой Ироня. — От первой любви добра не бывает. А эльфийская любовь и вовсе сплошной обман...

— Знал бы ты все... — шепотом сказал Стремглав.

— Расскажи — легче станет, — так же тихо ответил Ироня.

— Никогда, — сказал король. — Этого никто знать не должен, а особенно дети. Они вырастут, начнут спрашивать про маму, а ты, добрый шут, им глазки и откроешь по причине старческого слабоумия...

Ироня посчитал на пальцах и оскорбился:

— Слабоумия?! Да я в ту пору как раз в самый сок взойду! Может, даже сам заведу семью: за меня любая пойдет!

— Я после Чизбурга никому не могу верить, а себе — более всех, — сказал король. — Принесло же в ту ночь к нам на двор Килострата с его царскими знаками! Теперь мне эти знаки в каждом углу чудят-

ся, за какое дело ни возьмусь! Все у меня поперек идет!

— Нет, — сказал шут. — Килострат правду говорил. Иначе ты до сих пор ремни бы резал в своей деревне, а я подбирал бы кости под варяжскими столами. Все было правильно в жизни. В ней вообще все заведено правильно, если подумать.

— Да, в жизни все правильно, — согласился Стремглав. — Кроме людей.

— И еще в жизни все забывается, — напомнил Ироня. — Особенно дурное.

— Ее я забыть не сумею, — сказал король.

— Тогда оставил бы на память эльфийское ожерелье. Другого такого на свете нет. Подарил бы его молодой жене, ведь не век тебе вдовствующим королем ходить.

— Ожерелье она забрала с собой, — еле слышно сказал Стремглав, но Ироня услышал, и стало ему отчего-то страшно.

И горбатый шут пошел прочь, не спросившись, и споткнулся на коряевом паркете, и помянул медвежье ухо, пихту и елку.

— Ох, не завидую я королевским полотерам! — ухмыльнулся он.

— Ты куда? — спросил Стремглав.

— Имена твоим детушкам выбирать!

...Имена он выбрал, покопавшись в полусгоревших старинных книгах, да такие редкие, давно не употреблявшиеся отыскал, чтобы у принцев не нашлось тезок во всей Агенориде.

Назвали королевичей Тихон и Терентий.

Часть ВТОРАЯ

Двое из ларца на сундук мертвца

Глава 1.

*в которой, по примеру нынешних газет,
приводится календарь памятных событий*

Те, кто читает по звездам и предсказывает судьбу, считают самым главным днем в жизни человека день его рождения. С этим, конечно, не поспоришь. Но астрологи идут дальше и утверждают, что родиться можно под счастливой звездой, а можно и под несчастливой. Хотя понятно даже новорожденному младенцу, что значительная часть людей рождается ясным днем, когда никаких звезд на небе нету — все — ни счастливых, ни наоборот.

Как было уже указано в начале нашего повествования, королевичи Тихон и Терентий родились пятого дня короеда месяца в год 1999 от Восхода.

Много лет спустя умные люди, переворошив груды исторических хроник, установили, что в этот же день:

а) успешно осуществил возгонку виноградного вина великий сарацинский ученый и поэт Сабразим Ал-Каши Бухани в своей тайной лаборатории близ Урюк-Чурека. С тех пор он и считается отцом и покровителем всех пьяниц, хотя по скончанию к тому времени уже давно гнали почем зря свой знаменитый совиньон, но тогда Поскония не относилась к числу

великих мировых держав и не могла отстоять свой приоритет;

б) орда майнготов, вторгшаяся на территорию королевства Морковия, была остановлена армией, состоящей из сорока тысяч девственниц. Историки до сих пор сомневаются, чтобы морквины сумели набрать этакую прорву невинности. Уж коли девушка способна орудовать мечом, так она и в любое другое дело годна. Впрочем, сотня-то девственниц там была — они сражались в передовом отряде с целью навести своим видом нестерпимый ужас на противника;

в) неспанский авантюрист дон Хлестафор Килун, сумевший выманить у королевы Догореллы и короля Транспаранда кучу денег, вышел из гавани Пуэрто-Причало во главе флотилии из трех кораблей — «Ла Сальдо», «Ла Бульдо» и «Ла Нетто» с целью проложить Северный морской путь из варяг в шведы. Вместо того им был открыт целый обширнейший материк, впоследствии заслуженно получивший название Хлестафорика;

г) в столицу Стрижании город Челдон пришел пешком из глухой провинции некий сын трактирщика Генри Твистлэнс, ставший впоследствии знаменитым драматургом, автором пьес «Архимий и Папилла», «Протоген», «Чувырло Восьмой, или Бесплодные яйца», «Разводилло, или Стрелка в таверне», «Чимодано и Прохлюздия», «Амбалион», «Стон в зимнюю печь» и множества других, идущих на сцене и по сей день. Впрочем, многие нынешние исследователи сомневаются в его авторстве: мало того, что славный Твистлэнс был неграмотен, он и говорить-то толком не умел и в королевском театре «Примус» всю жизнь изображал рев диких животных за сценой. Делал он это столь натурально, что в конце концов был растерзан своей охотничьих собак, кото-

рых какой-то стрижанский вельможа из прихоти притащил с собой на представление. Но именно Твистлэнсу приписывается даже девиз театра «При-мус»: «Весь мир — бардак, а люди в нем — клиенты»;

д) группа бонжурских ученых получила-таки огненосный порошок, но при этом погибла всем составом, прихватив заодно и пригород Плезира;

е) немчурец Шлехтенвальд изобрел непечатный станок для распространения своих в высшей степени гнусных и похабных сочинений. На сем станке добрые люди пытались было набрать для опубликования трактат Свеклония Бемского «О неповрежденном благонравии», но все равно выходила известная история про ефрейтора Шмультке, козла и молочницу;

ж) в жарком Камерале решительные воины племени или-или угнали скот у малочисленного народа еле-еле. Так началась великая война, отголоски которой слышатся на Черном континенте и по сей день;

з) из пещер и дебрей Буддистана вышел пророк, провозгласивший, что все в мире — фигня. У него, разумеется, нашлось множество последователей, большинство из которых и слыхом не слыхивали об этом учении, а восприняли его от природы.

Таков был мир, в который пришли принцы Тихон и Терентий.

Глава 2,

*в которой рассказывается о расцвете Посконии,
о белом хрене в конопляном поле и о злостной клевете,
распространяемой западными журналистами*

Как уже было сказано выше, Гран-Посконь возвысилась на восточных рубежах старой Агенориды внезапно, как возникает из тумана ледяная гора перед носом обреченного корабля, как появляется бди-

тельный ночной патруль перед изумленным ловким лазутчиком, как разверзается ловчая яма под тяжелыми лапами могучего хищника, уже уверенного, что добыча достанется ему.

Иноземные купцы вдруг с ужасом узнали, что продавать им за бесценок лес, мед и пеньку больше никто не намерен, а вместо глуповатых боляр и хвоян, знать не знаявших настоящей цены своим природным богатствам, появились тороватые мужички с обозами первоклассных товаров. Языками мужички покуда не владели, но учились быстро и торговались яростно. Мало того, явственно обозначились и рубежи новой державы, и оснастились эти рубежи заставами и таможнями, и лупили эти таможни с чужестранных негоциантов такую пошлину, платить которую можно было только с большим кряхтением и оханьем.

Уклонинские атаманы Карпо Теребенько и Карабль Вульва, ходившие в Посконию пограбить, как домой, почувствовали на себе тяжкую руку нового посконского владыки. Атаманы поплакали о прежнем вольном житье, утерли глаза атласом необъятных своих шаровар да и предпочли доброй посконской виселице добрую вассальную клятву.

Варяги, пошедшие в очередной сезонный набег вниз по матушке по Вобле, были обстреляны с берегов из камнеметов и пошли в основном ко дну вниз головами, потому что на головах были тяжелые рогатые шлемы.

Немчурыйский боевой орден Броненосцев попробовал попытать счастья на тех же северных рубежах, но навстречу ему из лесов вышла закованная в латы пехота, подкрепленная арбалетчиками. С тех пор о Броненосцах никто не слышал, а само имя их в

знак презрения было торжественно присвоено заморскому безобидному зверьку, покрытому чешуей.

Сарацины, отправившиеся в Южную Посконию в очередной поход за невольниками, сами оказались в плену, были направлены в глубь страны и там, ради сохранения жизни, приняли на себя обязанности дворников в строящихся городах.

Даже в далекой Бонжурии Пистон Девятый, в котором до сих пор король продолжал бороться с рыцарем, признал, что не надо было ему никуда отпускать капитана Ларусса, а надо было плюнуть на недовольство вельмож, дать капитану герцогский титул и пожаловать прекраснейший в стране замок под названием Эван-Дюрак. Теперь же приходилось Пистону терпеть при дворе невежу, посконского посла графа Верзило по прозвищу Долгая Сабля, грубого мужлана, который, вместо того чтобы мочиться на стены королевской резиденции, как все добрые бонжурские шевалье, сколотил для себя и своих сотрудников особую отхожую будку с ямой и поговаривал уже о строительстве бани.

За право посещать означенную будку придворные охотно платили послу государственными тайна-ми, а что же будет, когда баня откроется?

Но это еще полбеды. Бонжурские, немчурийские и прочих стран крепостные земледельцы, прослы-шав о прекрасном житье в Гран-Поскони, начали помаленьку туда бежать.

Тем более что выдающийся бонжурский астроном и звездоблюститель Карман де Промедоль выглядел в свою подзорную трубу, что галактики разбегаются. Открытие это советники короля не догадались вовремя засекретить, и оно стало достоянием агеноридской общественности. «Ты гляди — галак-

тики безмозглые и те уже разбегаться начали, а мы-то что сидим, чего дожидаемся?» — толковали меж собой крепостные звездными ночами, а к утру их и след простывал.

Ученые мужи из Плезирской Академии организовали меж собой долговременную дискуссию под названием «Посконское чудо — пропаганда или действительность?». И пришли к неожиданному, вполне преступному и антигосударственному выводу: ежели мужика не донимать, он горы своротит. Но представить себе государственное устройство, при котором мужика не донимают, никак не могли.

Да ведь и древние утопии о том трактовали: чтобы построить идеальное государство, надо к каждому мужику приставить двоих проверял, а над двоими проверялами — троих контролял, а над теми еще целый штат надзирал плюс независимый аудит. Нынешний мужик потянуть такую ораву над собой никак не мог, но в будущем предполагалось устроить все именно так.

Никто ведь не ожидал, что мужицкий король Стремглав буквально воплотит в жизнь рыцарский девиз «Делай, что должно, и пусть будет, что будет».

Бонжурский посол в Гран-Поскони, граф де Кадрильяк, слал панические и запятнанные спиртным донесения о небывалой державе, в которой вроде бы ничего нарочно не делается, но все исполняется. Король Стремглав, доносил он, не вникает во внутренние и внешние дела, поскольку всецело занят воспитанием наследников. Меж тем поля приносят урожай, леса кишат пушным зверем, мастера же посконские перенимают ремесла от агеноридских беглецов столь успешно, что вскорости начинают превосходить учителей. Еще несколько лет — и посконичам станет

тесно на их земле, и неизвестно куда, на Восток или на Запад, устремятся они.

С ужасом читал Пистон Девятый о том, что на посконских болотах то и дело поднимаются с великим шумом огненные столбы. Его придворные алхимики после катастрофы стали предельно осторожны и, как следствие, безрезультатны.

Особенно обиделись на посконичей жители Неверландов. Они навострились выращивать тюльпаны и продавать луковицы их в иные земли за хорошие деньги. Посконские мужички, ругаясь в медвежье ухо, купили несколько луковичек...

В Неверландах тюльпаны растили в горшках и на грядках, а в Посконии стали засевать ими целые поля и даже степи. Неверланды были вытеснены с агеноридского цветочного рынка, посконичи же еще и ворчали недовольно, что тюльпанными луковицами плохо закусывать совиньюн.

Чуть позже посконские умельцы изготоили карманные часы с кукушкой, огранили алмаз, приделали паре инфузорий-туфелек высокие каблуки и отлили первого оловянного солдатика — правда, одного, но очень, очень дисциплинированного.

Галерею королевского терема в Столенграде украсила первая местного изготовления картина «Философы Бабрий и Фесон у постели больного Семулянда». Лучшие художники Агенориды приезжали в Посконию с нижайшей просьбой снять копию с этого полотна. Прославился также сей безвестный живописец и портретом под названием «Бедная Лиза Голконда, или Девушка с усами». Искусствоведы до сих пор спорят, что именно хотел сказать мастер этим портретом.

Забеспокоилась и Стрижания, тогдашняя царица морей, когда по реке Вобле поплыл в ядовитое Си-

нильное море первый боевой корабль, названный для красоты «Эквидистанция».

На корме его красовался Гран-Посконский герб: белый хрен в зеленом конопляном поле и девизом народная пословица: «Ты за хрен, а хрен за тебя!»

Откуда взялся хрен, понятно — из пророчества старца Килострата. А конопляное поле... Так ведь само слово «посконь» и значит «конопля».

А вы не знали?

Когда современные посконоведы-медиевисты пытаются с помощью новейших методов определить причины «посконского чуда», они тоже заходят в тот же тупик.

Может быть, все дело в том, что мужички не стали разорять болярские и хворянские имения? В болезни своих владык они, конечно, не верили, но заразы на всякий случай опасались. Что и дало Стремглаву возможность с умом распорядиться оставленными богатствами.

Может быть, исчезла на некоторое время знаменитая посконская зависть, что гирею висела на сознании народном? И времени этого хватило, чтобы зажить по-человечески?

Но зависть, как и все остальное в природе, никуда не исчезает. Она попросту переселилась на Запад, затмив прежде презрительные взоры владык Агено-риды.

Ученые не смогли определить природу посконских успехов по одной несложной причине: посконичам просто-напросто поперла невдолбенная пруха, а таких слов в ученом языке не держат.

Стремглав внезапно для себя обнаружил, что никаких таких особенных друзей у его державы нет. Конечно, посконских послов принимали повсюду с

почетом, с мнением Гран-Поскони считались — но зубками-то скрипели.

В Неверландах к тому времени уже начала выходить первая в Агенориде газета под названием «Меенхеерваам». На ее страницах знатные беженцы из Гран-Поскони живописали дикие нравы новых хозяев страны, призывали всех остальных королей и герцогов созвать поход против узурпатора Стремглava, и давно бы уже такой поход собрали, но последнее слово все-таки оставалось за Пистоном Девятым, а тот так и не сумел полностью выдавить из себя рыцаря.

По всему континенту гулял пестрый лубок, на котором король Стремглав Бесшабашный зверски расчленял собственную жену. Но это мало кого могло впечатлить, поскольку совсем недавно старый добрый сарацинский султан Салоеддин собственоручно передушил по причине беспричинной ревности весь свой гарем — из-за одного несчастного потерянного платочка.

Сообщениям же о том, что потихоньку и совершенно непостижимым образом восстанавливается поверженный Чизбург, вообще никто не верил. Да и лазутчики оттуда почему-то не возвращались...

Но, наконец, газета «Меенхеерваам» обрадовала-таки своих читателей ошеломляющим известием из Посконии.

Недолго быть там кучерявой жизни, только до смерти короля Стремглава!

Потому что сыновья-то его, Тихон и Терентий, — дурачки. Самые натуральные дебилы и олигофrenы.

Во щи они сыплют сахар, в компот — соль, сообщал неверландский посланник Стоол ван Стуул. Правда, дипломат не уточнил, что сахар и соль были насыпаны именно в его, посланника, щи и компот.

Королевичи затащили на крышу дворца корову, чтобы она поела малость свежей травки, докладывал стрижанский посол лорд Сдохи. И опять-таки не уточнил, что дело было в канун Купальной недели, когда во всякой посконской деревне молодежь почитает первейшим своим долгом запятить кому-нибудь на крышу если не корову, то хотя бы телегу. Просто у Тихона и Терентия возможностей было больше.

Королевичи пытались запасать солнечный свет в мешках, торопился уведомить начальство неспанский посол дон Мусчино. Ну и что? Великий стрижанский ученый сэр Олдтон на заседаниях парламента неоднократно был замечен в попытках накрыть треуголкой солнечный зайчик, и не убыло от славы учёного сэра.

И тем не менее вся Агенорида находила в этих сообщениях великое утешение. Имена Тихон и Терентий мгновенно стали нарицательными, про них сочинялись озорные и позорные куплеты, притчи и байки. Потом выяснилось, что посконские принцы самым аккуратнейшим образом собирали этот заказанный государствами фольклор.

Так что дурачками царевичи-королевичи не были.

Но и нормальными их назвать язык не поворачивается.

Глава 3,

в которой уточняются некоторые особенности посконских принцев

Дурачком можно объявить практически любого ребенка. Дерзишь учителю — дурачок. Полез кататься на льдине в ледоход — дурачок. Сидишь, уставившись в одну точку и грезя о принцессе Зазнобии, — дурачок да еще и аутист.

И то сказать, непростым было детство Тихона и Терентия.

Нет, они редко вводили в заблуждение взрослых, пользуясь полным своим сходством. Внешнее сходство действительно было поразительным.

Но двух настолько разных мальчишек было трудно себе представить.

Тихон с младенчества был весел, ласков, всех людей называл «миленькими», ко вся кому, даже к прохожему бродяге, лез обниматься и щедро одаривал из карманных денег. Когда еще говорить не умел, улыбался родному батюшке и расчесывал ему бороду крошечной пятерней.

Терентий отцовскую бороду не расчесывал, а, наоборот, норовил выдрать с корнем. Ухватка у него была крепкая, и бедный Стремглав, принимая младенца на руки, был вынужден подвязывать бороду платком, что Терентия страшно раздражало.

А ходячий Терентий вообще стал злым гением королевского терема.

Всякий придворный, посланник ли, заявившийся ко двору в новых штанах, ежеминутно рисковал сесть на кулечек с малиной (летом) или с дегтем (зимой). При этом он мог считать, что еще легко отделался — подчас содержимое Терентиевых кулечков было не только красящим.

Фрейлинам приходилось прятать свои наимоднейшие бонжурские прически под косынками, что давало повод заграничным злопыхателям для новых издевательств. Но ведь не станешь им объяснять, что это есть необходимая защита от проказ юного принца?

А уж когда Терентий, прикинувшись Тихоном, проникал на дворцовую кухню, все ложились спать натощак.

Во всех странах и при всех дворах из такой ситуации существует единственный выход, и вы его знаете: это старая добрая порка.

Но вы не забыли еще, что королевичи были на мертвое связаны друг с другом незримыми узами, и боль одного тотчас становилась болью другого?

Как-то король, забывшись, снял ремень да перепоясал пакостника Терентия от всей души. Пакостник стиснул зубы и смолчал, но тотчас же из детской раздался горестный вопль доброго Тихона, который, ни о чем не подозревая, мирно оборудовал кукольный домик.

— Видишь, бесстыжая твоя морда, как из-за тебя братец терпит? — попробовал возвратить Стремглав к чувству братской любви.

— Размазня мой братец, шел бы он ко всем хвостам собачьим! — отвечал Терентий. — Разве можно такому королевство доверить?

Стремглав охватывал голову руками и начинал мычать, как от зубной боли.

— Перемелется, мон шер, — утешал короля Ирона. — К совершенным годам станут наши парни примерно одинаковыми...

— Нет, — говорил Стремглав. — Это она мне так отомстила. Она их еще в утробе так поделила, на черного и белого...

Надо ли говорить, что близнецы и болели враз одними и теми же болезнями? Мало того, стоило Терентию, сверзившись с крыши, сломать ногу, как та же участь постигла и Тихона буквально на ровном месте! И переломы, по утверждению лекарей, были совершенно одинаковые...

Однажды же случилось вообще не сообразное ни с чем происшествие.

Близнецы играли во дворе в огромной песочнице. Игра была нехитрая: Тихон строил из песка увиденный им в бонжурской книге прекрасный замок Эван-Дюрак, а Терентий, улучив момент, разрушал построенное. Тихон рыдал, Терентий хохотал.

И вдруг оба повалились на землю с выпученными глазами.

— Да они не дышат! — завопили мамки и няньки.

Набежавшие лекаря принялись тормошить принцев, стараясь вернуть их к жизни. Примчался, бросив заседание государственного совета, и сам король, обещая всех тут же переказнить к чирьям свинячым. Но и это не помогало.

Только шут Ироня спросил сам у себя:

— А отчего же они мокрые?

И, схватив не то Тихона, не то Терентия, положил его животом себе на колено и врезал кулаком по спине.

Изо рта принца хлынула вода.

— Делай, как я! — приказал шут королю, и Стремглав тотчас же взял в оборот не то Терентия, не то Тихона.

— Да они у нас утонули на сухом месте! — ужаснулся король.

Из наследников хлестала вода, затхлая, чуть ли не с тиной и головастиками.

Но старым воякам не впервые было откачивать утопленников: при форсировании водных преград идут на дно подчас до половины рыцарей.

Когда королевичи, наконец, задышали и порозовели, Стремглав и шут поглядели друг на друга с нескрываемым ужасом.

— Я понял, что это значит, — сказал Ироня. — Выходит, что...

— Нет! — страшно крикнул король. — Ничего не

выходит! Это чары! Это воскресший Кренотен! Это такие же чары, как тогда, той проклятой ночью!

— Да я что? — сказал Ироня. — Я гипотез не измышляю. Чары так чары...

Принцы же ожившие ничего толком сказать не сумели, но так перепугались, что негодяй Терентий целую неделю ходил как пришибленный и даже дал согласие учиться грамоте.

Правда, на пользу ему это не пошло.

Освоив сию науку, он первым делом схватил уголек, побежал к забору и начертал на нем три тайные руны. Руны-то были тайные, зато рисунок, их сопровождавший, получился таким явным, что мамки и няньки тотчас же вытерли его собственными спинами, не пожалев нарядов.

А усердный Тихон тем временем переводил с бонжурского «Роман о роже» Палантена де Уа.

Разумеется, принц Терентий ненавидел принца Тихона. За вечную благожелательность, за постоянную улыбку, за непреклонную незлобивость, за то, что в будущем предстоит каким-то образом делить с ним посконский престол.

Будь они обычными близнецами, Терентий нашел бы способ избавиться от брата-слоня. Но столкни его со стены — сам костей не соберешь. Насыпь ему в манную кашу крысиного яду — сам окочуришься. Пырни его ножом — сам изойдешь кровью.

Вот ведь какая незадача.

Проклятому тихоне даже глаз не подбить без того, чтобы собственный не заплыл.

Помаленьку Терентий стал привыкать к мысли, что брат — это часть его самого, пусть бесполезная, бессмысленная, но часть, и трогать его — себе дороже.

Стремглав, глядя на сыновей, мечтал: вот бы и между державами существовала такая же связь! Спа-

лил у соседа крепость, ан и своя сгорела. Сходил в чужую землю в набег — и свою вотчину разорил. И был бы повсюду вечный мир...

Король крепился-крепился да и отправился на поклон к старцу Килострату за советом. Сыновей оставил на Ироню да на фрейлину Инженю, пообещав в случае чего казнить.

Старец Килострат к тому времени принимал подношения исключительно совиньоном и оттого пребывал постоянно на Седьмом Столпе Мудрости — это когда от мудреца невозможно добиться никакого толку.

Выслушав долгие жалобы и пени Стремглава, старец Килострат на миг прояснил взор, прекратил жевать воздух и явственно произнес:

— Один сын — не сын. Два сына — полсына. Три сына — вот это сын!

— Где ж я тебе возьму третьего сына? — изумился король.

— Где, где... В Караганде! — сказал старец и захрапел вмертвую.

Вернувшись домой, озадаченный король выяснил, что Карагандой назывался сказочный город глубокой древности, в котором, по преданию, всегда били голубые фонтаны и цвели красные розы, а люди были вечно молоды и вели премудрые речи.

Глава 4,

в которой на посконскую землю приходят спорт и литература

Когда еще принцы питались молоком кормилиц и не проявляли разницы в характерах, король Стремглав постановил:

— Сыновья мои будут расти в культурной и цивилизованной стране!

А слово у Стремглава было настолько тесно спряжено с делом, что становилось даже страшно.

Мужицкий король объявил, что в Гран-Поскони найдется место всякому умелому и разумному человеку, который не может найти себе применения в родном краю.

Но в Западной Агенориде как раз в то же время такие люди стали востребованы — кончалась эпоха магии, со скрежетом зубовым уступая место науке и прогрессу.

Поэтому в Посконию косяком пошли люди вовсе не умелые и разумные, а какие попало: конюхи и лакеи, поварята и мусорщики, бродячие торговцы и беглые преступники. Само собой, было среди них немало лазутчиков.

Все они рассчитывали стать на новой родине наместниками провинций, сборщиками налогов, откупщиками, цеховыми старостами, управителями имений, светочами знаний, на худой конец сгодились бы обучать посконских детей ненормативному бонжурскому или стрижанскому.

Каково же было удивление проходимцев, когда, после непродолжительной, но бурной беседы с королевским шутом, почти всех их поверстали в дорожные рабочие, поскольку дороги всегда были в Посконии слабым местом.

Работа была тяжелая, зато кормежка — обильная, и, повздыхав, раскатившие губу вечно голодные чужестранцы смирились со своей участью.

Воистину, то был Золотой век Посконии.

Золотой век выпадает (если вообще выпадает) всякой державе только один раз за всю судьбу, и лю-

бые попытки повторить его по произволу в иное время бывают смехотворными, если не губительными.

В самом Столенграде король повелел построить зал для игры в звездобол, да такой, чтобы не уступал знаменитой Плезирской арене, сиречь Звездодрому.

Всем известно, что для игры в звездобол требуется круглая, усыпанная гравием площадка под хрустальным куполом, две команды по десять игроков и восемь с половиной разноцветных каменных шаров (по числу планет). Каждому игроку необходимы подзорная труба, тяжеленная бита и таблица эфемерид на текущий год.

Это говорится не затем, чтобы напомнить читателю об основах игры или, тем более, о ее правилах, кои и так все знают. Просто в Посконии приходилось начинать с пустого места.

Нелишне заметить, что звездобол — игра весьма дорогая, и позволить ее себе могут только великие державы. Кроме самого звездодрома, долженствовало еще оборудовать больничку, поскольку шары-то каменные, а биты — тяжелые.

Каждый звездоболист обязан держать в голове карту звездного неба, а сама голова, слегка защищенная шлемом, — держать удар очередного шара-планеты.

— Ничего, ничего, — говорил Стремглав Бесшабашный, навещая в больничке первых пострадавших от игры. — Вот обретете необходимое мастерство — тогда всю Агенориду объездите, всех раскатаете, не-спанцам нос утрете, самого Диего Персону вокруг пальца обведете...

— Не посрамим чести посконской... — слабо отзывались увечные — у кого челюсти уцелели.

Столенградский Звездодром получился даже куда лучше и благоустроеннее плезирского, потому что

вокруг него в заботе о зрителях (а ведь игра длится обычно от заката до рассвета) понастроили множество отхожих мест, отчего эта часть города получила в народе название «Нужники».

Одно только мучило короля: он не сомневался, что рано или поздно объявитя среди посконских игроков такой богатырь, который, выводя на орбиту каменную Зугель-звезду опоясанную, зафиндилит ее в самый купол и пробьет его насквозь.

— Казню, но в веках прославлю! — пообещал про себя Стремглав неизвестному богатырю.

Король не сомневался, что уж его-то сыновья неизменно станут знаменитыми звездоболистами.

Не тут-то было.

— Батюшка, миленький, мне жалко по шарику бить — он ведь и в невинного человека попасть может! — заявил Тихон.

— Так ведь на то игра, — развел руками отец.

— Все равно жалко!

Терентию чужеземная забава тоже не понравилась.

— Батя, ладно если я кого приложу — так ведь и мне каменная дура по балде прилетит! К усам кошачьим такое развлечение!

— Ничего, — утешал короля Ироня. — Зато мальчики себя в науках покажут!

Мальчики же, кое-как освоив грамоту (тут уж с чистой совестью можно было пороть за нерадение обоих — представляете, как больно им было?), из всех наук важнейшей посчитали историю.

Здесь их интересы совпали.

Оба искренне сожалели, что родились слишком поздно.

— Эх, раньше-то лучше было, батюшка! — вздыхал Тихон. — Тогда все было ясно: вот оно добро, а

вот оно зло. Тогда богатыри сомнений не знали, жалели слабых, окорачивали сильных. А нынче ничего не понять, амбивалентность какую-то выдумали... Неоднозначность... Черно-белое видение мира осуждается повсеместно... Как жить?

— Да, батя, раньше-то лучше было! — вторил брату Терентий. — Что тебе поглянулось, то и твое — земля ли, баба ли, золотой ли рудник. А нынче понавыдумывали каких-то законов! Международное право, то да се! Тетка эта страшная в Неверландах сидит, всех засудить желает...

— Что делать, мальчики, — времена меняются, — говорил Стремглав. — После взятия Чизбурга войны никто не хочет — навоевались по самые лобные пазухи. А за тетку неверландскую наш представитель маркиз де Громилушка проголосовал по нашему распоряжению, иначе выбрали бы главным судьей Агенориды лютого врага Посконии дона Конторру...

— Ага, а эта страшилла — нам друг!

— Ну, все-таки...

Тем временем культура и цивилизация кое-как осваивались на гостеприимной посконской земле.

Появился даже первый посконский поэт, и оказался он на то время лучшим и талантливейшим. Выйдя с глухого лесного хутора, он притащил в Столенград поэму о счастливых переменах в Посконии. Поэма называлась «Любо!».

Правда, начало у нее было какое-то неприятное:

Любо мне зretи, како мрут дети:
Не могу терпети, коль начнут галдети.
Любо мне при этом старцев бить кастетом,
Чтоб нонешним летом первым стать поэтом.
Любо вешати боляр, хворян вырезати,
Старый мир жалети — да с какой же стати?

— Не любо! — сказал Стремглав и порвал свиток на мелкие куски. — Хватит, навешались уже, при-дурки! Ты бы лучше такие вирши сочинял, чтобы наши посконские товары предпочитали заморским!

— Сделаем! — пообещал поэт. — Только ты меня, государь-надежа, потом пошли за границу — я про них позорящую поэму сочиню, «Хреново!» называется...

— А хрена посконского ты вообще не касайся! — приказал Стремглав, но наказывать поэта не стал.

Еще этот поэт известен тем, что ввел между посконичами в обиход и новое приветствие: «Хрен с тобой!» — чтобы каждый житель ежедневно чувствовал свою причастность к государству и символам его.

Потом возник и первый прозаик.

Ироня как-то пожаловался, что государственные дела слишком часто отвлекают его от дел собственно шутовских и нужен ему хотя бы один напарник.

Такой напарник нашелся в самом Столенграде. Был он тихий, бледный, неприметный. Прозвище ему дали — Сороня, Ироне в рифму.

Сороня не умел ни кувыркаться, ни жонглировать деревянными ложками, ни играть на гуслях посконские веселые песни. Он вообще не умел делать ничего хорошего.

Зато он как никто умел испохабить посконские народные сказки.

Начинал он сказку обычно, как от пращуров за-веденено, многие даже скучали. Зато конец присобачивал уж такой...

Курочка-ряба у него, например, в утешение деду и бабе снесла простое яичко, но в яичке заместо белка и желтка оказалось обыкновенное дермо, и оно

поползло из скорлупы, затопляя избу, а дед с бабой его ели большими ложками да похваливали.

Три богатыря в его переложении начали вдруг убивать совершенно посторонних и невинных людей самыми зверскими и тошнотворными способами, и делали это долго-долго, после чего с помощью чудесного устройства превращались в три козьих катышка, что и было их конечной и высшей целью.

Колобок, вместо того чтобы быть ему съедену лисой, вострым ножом выпускал этой самой лисе кишечки и развешивал их по всему лесу, а вволю натешившись, начал успешно уничтожать волка, медведя, зайца, дедушку, бабушку и всю их деревню, причем деревня была большая, и ни один ее житель не был обойден вниманием круглого убийцы.

Иван-царевич и Серый Волк, проголодавшись после всех своих похождений, недолго думая, зажарили доставшуюся им с таким трудом Елену Прекрасную на вертеле и долго, с подробностями и перечислением частей тела, кушали.

А еще он сочинил сказку про голубое мыло, которое варили сами понимаете из чего...

На счастье, посконичи научились к тому времени изготавлять из старого тряпья бумагу, и всем придворным, неосторожно пожелавшим послушать Соронины сказки, выдавался большой бумажный мешок, чтобы не губить и без того горбатый паркет. Пакеты обыкновенно переполнялись задолго до конца повествования.

И, о чудо, нашлись у Сорони преданные поклонники и почитатели, которые обходились вовсе без мешков, и утверждали они, что Сороня сказал о жизни нашей новое золотое слово, хоть и с нечистотами смешанное.

Более того, иноземных послов настолько восхищало Соронино творчество, что они начали наперебой приглашать его погостить в свои державы, поучить тамошних сочинителей уму-разуму, разъяснить миру загадочную посконскую душу. Стремглав его вояжам не препятствовал — хоть такая, а все державе известность получается. Сороня скоро сделался прославлен и на Ироню поглядывал свысока.

Но стали потихоньку появляться и настоящие сочинители...

Глава 5,

*в которой целиком и полностью излагается роман
о Когане-варваре, причем в том виде,
в каком книга досталась принцу Тихону*

Впрочем, ни Тихон, ни Терентий сказок Сорони не слушали.

Тихон при первых же искажениях привычного сюжета начинал громко плакать и убегал, а Терентий с криком «Все сказки — брехня собачья!» пинал шута по чувствительным частям тела, что было вполне в духе Сорониных повествований.

Любил Тихон настоящие сказки, и даже не сказки, а целые сказочные романы из жизни древних богатырей — про самурая-мечеборца Собиари Мухомори, про шевалье де Борменталя, про двух братов-Комбатов — Мортала Комбата и Батяню Комбата, про ярла Пенделя Оплеухсона, про черного принца Быррангу, про батыра Эсэсэра, про охотника Досаду. Царевичу даже пришлось как следует налечь на бонжурский и стрижанский, чтобы читать эти творения в оригинале, поскольку дворцовые толмачи за его чтением не поспевали.

Особенно пришлась по сердцу Тихону бесконечная череда сочинений про Когана-варвара. Он собрал целую полку таких книг:

«Коган и поглотители колебаний»;
«Коган и колотушка Судьбы»;
«Коган и лазерфакеры — повелители лучей»;
«Коган против Пятого пункта Аrimана»;
«Коган и тайна древних ахманов»;
«Коган и сокол Жириновского»;
«Коган и брат его Онищенко»;
«Коган против вованов»;
«Коган против толянов»;
«Коган и старые олди»;
«Коган и умолкнувший пейджер».

Там было еще названий сорок, но перечислять их все здесь ни к чему — вы эти названия знаете лучше меня.

Ничего общего с жизнью, как верно заметил Терентий, романы про Когана-варвара не имели, поскольку рассказывали о несуществующих странах и вымышенных героях. Зачастую фантазия авторов была откровенно болезненной: разве может нормальный здоровый человек вообразить себе, скажем, Жириновского, да еще с соколом?

Стремглав начал уже опасаться, не тронется ли от такого чтения Тихон умом окончательно, на радость неверландской газете.

Но ум Тихона оставался прежним — ясным, восторженным и благодушным.

И надо же случиться, что именно Коган-варвар сумел вложить в руки доброго мальчика оружие против его злобного братца!

Как раз в этот день пришел очередной обоз с заграничным товаром. Тихон всегда выбегал его встре-

чать, чтобы поскорее увидеть новые книжки. Царевич безошибочно выхватил из ящика, набитого в основном занудными учебниками, пестрый том под названием «Коган и пришедшие кранты». Название слегка встревожило принца Тихона, но он не придал этому особенного значения, утащил книжку к себе в комнату и помчался помогать служанкам выбивать ковры.

Потом он вернулся к себе и, ни о чем не подозревая, открыл заветный том, страницы в котором были уже кем-то услужливо разрезаны...

«Ветер ревел в лианах подобно тысяче тигров. Молнии лопались подобно перезревшим плодам, в угольно-черном небе рассыпая миллиарды искр. Мелкие градины, подобно рою ледяных пчел, жалили тело. Скоро пойдет снег, и в джунглях станет виден каждый след, подобно буквам на листе волюзийского пергамента.

Коган из Нахарии стоял на небольшом возвышении, прижавшись к мокрому граниту всем своим телом атлета, покрытым тысячью бесчисленных шрамов. Голову гиганта защищал стальной талес немедийской работы, из-под которого свешивались до пояса накладные пейсы, сделанные из хвостов убитых им черных пантер.

Коган вглядывался в темноту, из которой, подобно туману, к нему подкрадывалась Смерть.

Отступать было некуда. Чудовищное порождение гнилых стигийских болот, громадный омерзительный Нехотятец медленно, но неотвратимо приближался к войну.

Узловатая, покрытая затейливой татуировкой рука

Когана то и дело хваталась за рукоять меча, но вовремя останавливалась.

Он не мог себя защитить. Он, выдержавший схватку с гигантской серой обезьяной, он, победивший Древний Ужас Замбулы, он, поправивший своими грубыми башмаками троны владык земных, был сейчас бессилен.

Он совершил ошибку, решив сократить свой путь в Аквилонию и двинуться напрямик, через джунгли.

Еще вчера, пируя в кушитской таверне со случайными собутыльниками — наемниками, ворами и шлюхами, — он со смехом слушал леденящие душу истории о купцах, которые ради скорого барыша рискнули недавно пойти по Старой Дороге. То, что осталось от купцов, нашли охотники. Каждого из корыстных смельчаков можно было просунуть под дверь, подобно письму, или скатать в свиток.

Он не придал досужей бабьей болтовне никакого значения.

Теперь пришлось расплачиваться за это.

Мерзкое, холодное, сочащееся слизью бородавчатое брюхо надвигалось на Когана. Каждое движение чудовища сопровождалось отвратительным хлюпаньем.

Гигант вдруг вспомнил, что означает на древнестигийском имя Нехотяте.

Оно звучало так: Жаба, Которая Давит.

Сладка и легка гибель в сражении, когда твоя отрубленная голова, упадая вниз, успевает еще ухватить непомеркшим взором рассеченную до седла фигуру противника. Но ужасна смерть в объятиях болотного монстра, который будет не спеша, по капле выпивать твою душу.

И ничего нельзя сделать...

Коган закрыл глаза. И тогда откуда-то из варварского подсознания, из глубин миллионнолетнего инстинкта древних обитателей Хайбории сверкнула, подобно выхваченному в солнечный полдень афгульскому клинку, единственно верная в этом отчаянном положении мысль: «Таки плохо!»

Неужели с ней придется смириться?

Смрадная туша была уже в каких-то двух шагах, когда из глубины трясин раздался леденящий душу вопль.

Коган сразу узнал его. Так кричит небольшая серенькая болотная птичка, прозванная стигийцами «мокрой курицей».

Свой вопль она всегда издает ровно в полночь, словно бы подавая знак всем силам Зла, гнездящимся в мрачной духоте стигийских лесов.

Но никакие силы Зла были уже не страшны Когану из Нахарии, потому что суббота кончилась, и он смог, наконец, выхватить из-за спины меч.

— Тора, тора, тора! — издал гигант свой боевой клич и бросился на мерзкую тварь.

Покрытый загадочными рунами клинок безымянного мертвого короля глубоко вон...»

Тихон торопливо перелистнул страницу, и...

И эта страница, и следующая, и та, что за ней, и вообще все остальные книжные листы были густо и старательно залиты черными чернилами.

Правда, последняя страница почему-то осталась незапятнанной, и Тихон с разбегу ее прочитал:

«...нившись над безжизненным телом своего возлюбленного и повелителя.

— О, почему так рано ушел ты к своему жестоко-

му богу? — вопрошала она. — Ты верно соблюдал все его заповеди, мужественно борясь со здравым смыслом. Ты всегда был опорой для слабых, крышей для бездомных и громом небесным для сборщиков налогов. Кто, кто теперь отомстит за тебя, кто защитит осиротевшую Аквилонию?

Вместе с королевой рыдали закаленные воины, сподвижники Когана из Нахарии.

— Кто? Кто? — спрашивали они друг у друга.

И, словно отвечая на их вопрос, обитые бронзой двери дворцовой залы широко распахнулись.

Стремительной походкой вошел высокий, стройный человек, одетый в черный костюм необычного покроя. В левой руке он держал плоский черный ящик с ручкой для ношения.

Неизвестный снял свой странный головной убор, тоже черный, и швырнул его вперед. Необычная шапка с узкими полями зацепилась за канделябр и осталась там висеть.

Пришелец низко склонился перед королевой, щелкнул замками своего ящика и вынул оттуда человеческую руку, все еще сжимавшую роковой отравленный стигийский кинжал.

— Этой самою рукою Когана убило! — объявил он.

Старый полководец Паллантид взял отсеченную руку и внимательно ее осмотрел. Среди покрывающих ее татуировок он без труда нашел имя жестокого убийцы Опанасиуса.

— Кто ты, незнакомец? Назови свое имя! — дрожащим голосом потребовал старый солдат.

Под черными усами незнакомца ослепительно сверкнули зубы:

— Меня зовут Бонд. Хаим Бонд. До вчерашнего дня я служил шамесом у брацлавского ребе».

И тогда, осознав внезапно весь ужас потери, царевич Тихон издал крик не хуже стигийской птички из поруганного фолианта.

На вопль не замедлили явиться и силы Зла в лице Терентия.

— Книга, а в ней кукиш да фига! — назидательно заметил он. — Больно умным стать хочешь?

В те времена не было еще специальных безопасных ножей для разрезания бумаги — пользовались обыкновенными, такими, что можно и мясо пластиать, и деревяшку строгать, и человека пощекотать до смерти.

Именно такой нож и оказался в руке Тихона.

— Ты что? Ты что? — струхнул Терентий, отходя подальше.

Но Тихон и не собирался резать брата. Он приставил нож к собственной груди и сказал:

— Братец, миленький, мне тебя очень жалко, но я сейчас зарежусь!

И приложил к ножу некоторое усилие.

Терентий увидел, что по его собственной рубахе тоже расплывается красное пятно, и в страхе бросился отнимать нож у брата.

— Все равно недоглядишь, братец, миленький! — причитывал Тихон в ходе борьбы. — Не зарежусь, так удавлюсь. Не удавлюсь, так повешусь. А то и в колодец сигану...

— Не надо в колоде-ец! — хныкал Терентий. — Я больше не бу-уду-у! Я странички-то тебе отмою, лучше прежних стану-ут! Брось ножи-ик! Я бате пожалуюсь!

Вот уж чего он никогда бы не сделал — впрочем, как и Тихон.

С тех пор стало Тихону жить привольно. Если в

действиях братца что-то было не по нем, он поднимал крик: «Четвертуюсь! Гильотинируюсь! Живьем сожгусь!»

Эти крики спасли множество котят и щенят, которых Терентий любил при жалостливом братце помучить, а то и совсем распорошить.

Жизнь же свою принц Терентий высоко ценил и не собирался потерять ее из-за каких-то котят. А то ведь этот придурок Тихон и в самом деле зарежется...

Правда, в душе он надеялся встретить когда-нибудь могучего мага и заставить его прервать тягостную связь между братьями. Тогда-то Тихон ужо попрыгает...

Правильно говорил Ироня: все само собой как-то притерлось, уладилось...

А все потому, что продолжала переть Посконии невдолбенная пруга!

Глава 6,

*в которой оба королевича теряют невинность —
один намеренно, а другой поневоле*

С того дня началось между братьями нечто вроде дружбы.

То и дело слышалось во дворце ли, в лесу ли, на ристалищах ли, за обеденным ли столом:

— Ты береги себя, братец! Костью не подавись, братец! Не лезь туда, братец, там ветки тонкие! Не надевай коньки, братец, лед еще не окреп!

Правда, злого озорства при дворе не убавилось:

Терентий давно заметил, что на все его выходки придворные лизоблюды явно не обижаются, но побоистрастно хихикают, надеясь снискать расположение пакостника.

— Видишь, Тиша, как им это нравится, как у них глазки загораются! — убеждал Терентий брата. — Отчего же людям радость не доставить, ведь это так просто! Вон я вчера барону Хоровонду плащ к полу гвоздиком приколотил, так у него весь день хорошее настроение было... Надо людей любить, братец, тешить их нашими веселыми детскими проказами. Ведь опостыли им серые дворцовые будни! Давай-ка сделай доброе дело, подсыпь стрижанскому послу в миску стрижанской же соли, пусть родину вспомнит!

Бедный лорд Сдохли, почувствовав за столом действие родимого снадобья, уронил монокль в борщ и, в нарушение протокола, помчался на выход, опрокинув свое кресло.

Нельзя сказать, чтобы в этом случае король Стремглав сильно разгневался на сыновей.

И с помощью таких вот несложных приемов Тихон тоже оказался в подчинении у брата.

— Ты смотри, что с парнями случилось — не разлей вода стали! — удивлялся Ироня. — А ты боялся! Они теперь друг за дружку в огонь и в воду!

Но Стремглав Бесшабашный все равно был хмур и задумчив.

— В огонь и в воду, говоришь? Ох, сомневаюсь. Нету в них моей решительности. Все равно, как ни крути — недоделанные они какие-то. Тихон растет не добрый, а добренький. Терентий живет не злой, а злобненький. Тяжко им в жизни придется! Тела у них большие, а души маленькие, неполные...

Боевым навыкам принцев учили лучшие королевские бойцы, а часто и сам батюшка с другом-шутом.

— Бей, Тишка, чего глядишь! — кричал Ироня,

словно бы случайно открываясь для удара принцева меча.

— Нет, дядя Ирона, так неправильно, нечестно! — возражал Тихон, опуская клинок.

— Тереха, гаденыш, кто тебя учил кинжал в руке прятать? Я тебя учил? — возмущался Стремглав, ратоборствуя с другим сыном.

— Жизнь наша учит, батя, — хладнокровно отвечал Терентий, нанося подлый удар.

Ладно хоть кинжал был не боевой!

За учением и озорством принцы и не заметили, как возмужали.

Однажды Тихон, никого не трогая, сидел в библиотеке, изучал себе очередной роман из жизни приведшего на смену Когану-варвару Хайма Бонда. Роман назывался «Доктор Чпок».

Когда принц дошел до сцены, в которой отважный Бонд катается по ковру с прекрасной, но жестокой чернокожей помощницей преступного доктора, он внезапно почувствовал, что с его телом происходит нечто непонятное.

Ощущения были совершенно незнакомые, но нельзя сказать, чтобы неприятные.

— Что это со мной? — вслух удивился Тихон и отчего-то покраснел.

Через какое-то время в библиотеку завалился редкий посетитель — принц Терентий. Рожа у него была самая предовольная.

— Все читаешь, братец? — ехидно спросил он. — А я тем временем настоящим взрослым мужиком стал!

— Это как? — спросил Тихон, боясь подняться с места.

Гордый Терентий, не торопясь, с подробностями объяснил ему, что и как следует делать с молодыми

стряпухами во время случайной встречи в погребе рядом с грудой старых мешков.

— Это ведь дурно, братец, — робко возразил Тихон. — А как же вся куртуазная наука? Нехорошо так-то делать! Ты хоть фламбетту-то ей пропел?

— Так-таки и нехорошо? — ухмыльнулся Терентий. — А по-моему — очень даже хорошо. К тому же я, можно сказать, за нас двоих старался, за себя и тебя, тихоню, отдувался! Чего жмешься? Иди лучше портки переодень!

— Не позорь меня, братец, а то отравлюсь! — прирогзил Тихон.

— Да ладно, чего ты? Она знаешь как нас хвалила? Да и делал я все честь по чести: сперва пряники, потом семечки... Ты только поставь себя на ее место: или принц, или конюх — есть разница? А верно ведь поговорка подметила: «Не было ни вершка, да вдруг аршин»? Ах, не аршин, покороче? Ладно, я наперед тебя оповещать буду, что в погреб пошел...

Тихон покраснел еще гуще, но молчком согласился — должно быть, по причине малодушия.

«Надо Терентия каким-нибудь настоящим делом занять — меньше мне сраму будет!» — решил он про себя.

Глава 7,

*в которой принц Тихон
находит настоящее дело для себя и брата*

В поисках настоящего дела добрый королевич еще глубже зарылся в книги, да не в романы, а в старинные трактаты.

И нашел-таки.

— Братец Терентий! Братец Терентий! Золота хочешь? — позвал он близнеца из окна библиотеки.

Настоящий взрослый мужик Терентий, воспользовавшись отсутствием брата, как раз привязывал к хвосту рыжего кота жестянку с сушеным горохом.

Услышав про золото, пакостник выронил и кота, и бечевку, и жестянку.

— Давай! — закричал он. — С золотишком-то мы живо от стряпух до фрейлин возвысимся! Не говоря уже о женах посланников! Это тебе не пряники-семечки!

— Так поднимайся сюда!

Терентий подчинился — крепко досадуя, однако, что не успел управиться с котом.

Кожаный переплет старинной книги кое-где покрыт был плесенью, медная застежка позеленела.

— Вот, гляди! — показал Тихон на страницу с картинкой.

— Сам читай — я в мертвых языках не силен. Кому они нужны, мертвые-то?

— Сие есть труд славного немчурийца Сексофилуса «De diversis artibus», сиречь «О различных искусствах».

— На ухо заячье облокотились бы твои искусства! Ты про золото давай!

— Так тут про золото и есть. Слушай:

«Бывает также золото, именуемое неспанским, каковое составлено из красной меди, пепла василиска, человеческой крови и уксуса.

Язычники, чье умение в искусстве весьма похвально, выводят василиска так.

Есть у них подземная темница, обложенная камнями и сверху, и снизу, и со всех сторон, с двумя столь малыми оконцами, что даже свет сквозь них едва ли проникает. Пускают они туда двух петухов двенадцати или пятнадцати лет и дают им еды обильной.

Как разжиреют они, то от пыла, вызванного своей тучностью, спариваются и откладывают яйца. Когда яйца отложены, убивают петухов и сажают жаб высиживать те яйца и кормят их хлебом.

Когда яйца насижены, вылупляются петушки во всем подобные цыплятам, высаженным от курицы, но через семь дней вырастают у них змеиные хвосты. Немедля они роют в земле нору, ежели нет в темнице каменного пола.

Остерегаясь сего, хозяева их держат у себя бронзовые сосуды большие, а в тех сосудах проделано множество отверстий. Кладут они цыплят в сосуды, закрывают те сосуды медными крышками и закапывают в землю. Цыплята там едят лишь тонкую землю, что попадает в сосуды.

А засим хозяева снимают крышки с сосудов и разводят под ними большой огонь, покуда звери не сгорят дотла.

Проделав сие и охладив сосуд, достают из него пепел и размалывают его со всем тщанием, добавив к нему третью часть крови рыжего человека.

Когда соединяются те части, смешивают их с уксусом в чистом горшке.

Потом берут тонкую пластинку из чистой меди и покрывают обе ее стороны и кладут пластинки в огонь.

Пластинки те, докрасна раскаленные, вытаскивают из огня и закаливают в означенной смеси и обмывают их.

Проделывают сие, покуда смесь не проест медь насквозь, вследствие чего обретает она вес и цвет золота. Золото сие пригодно для любой работы».

— Я-то думал, ты карту с обозначением клада нашел, — разочарованно сказал Терентий. — А тут столько возни...

— Зато наверняка, — сказал Тихон. — У батюшки просить не придется, заодно и державу укрепим... Только петухов убивать не будем — в чем они виноваты?

— А василисков жарить не жалко? — поинтересовался Терентий.

— Василиски есть носители зла... — вздохнул Тихон. — Нам теперь надобно выстроить подземную темницу. Как раз к совершенным годам управимся, а уж потом...

— Ну да! Буду я ждать, пока все фрейлины состятся, как бабка Чумазея! Я лучше пойду да пущу кровушку писарю Болдырю — он как раз рыжий! Ведерка хватит?

— Стой! — испугался добрый королевич. — Кровь понадобится нам намного позже... Что-нибудь придумаем...

Все-таки передалось и сыновьям что-то от Стремглавова упрямства. Отступать от задуманного не хотелось обоим.

— Берем лопаты и пошли темницу копать! — предложил Тихон.

Терентий призадумался. Тем более что лопаты ни тот, ни другой еще в руках не держали.

Но лень человеческая всегда выход найдет.

— А зачем нам копать темницу да еще обкладывать ее камнем? — проникновенно сказал Терентий. — Есть же матушкина усыпальница. Она как раз каменная...

— С ума ты сошел! Разве можно так делать?

— Так мы же не в чужой склеп полезем. Неужто матушка наша, будь она жива, отказалась бы детям своим в такой малости?

И вдруг оба сиротки (а ведь без матери дитя как

ни крути — сирота) дружно залились слезами. Даже непонятно, кто из них кого завел.

...Усыпальница королевы Алатиэли считалась в Столенграде местом нехорошим. Как, впрочем, и некогда венчавшая ее башня. И даже после пожара погоревшие горожане предпочли не отстраиваться на старом месте, быстро превратившемся в городскую окраину. А вот караула никакого не было — и всякий солдат на счету, да и боялись караульные чего-то...

К тому времени Стремглав несколько успокоился насчет сыновей и приглядывал за ними уже не так строго. Совсем взрослые парни стали, негоже им под надзором ходить!

А столичные жители королевичей любили — в особенности за Терентиевы издевательства над придворными.

Поэтому свободы у принцев сейчас было не меньше, чем у любого столенградского подростка.

Усыпальница, бывшая когда-то основанием башни, представляла собой низкое строение с парой узеньких, не пролезть, окошек.

— Самое то! — обрадовался Терентий.

Увы, на железной двери висел железный же замок величиной с шар для звездобола.

— А ключ-то батюшка всегда на груди носит... — упавшим голосом сказал Тихон.

— Что же делать? Думай, ты же книжки у нас читаешь! — потребовал Терентий.

— В книжках обыкновенно тайком снимают с ключа слепок на воске, — припомнил Тихон. — А потом несут тот слепок слесарю...

— Ну да! Еще потом со слесарем прикажешь и золотом делиться? Ухо ему поросячье, а не золото! Да и побоится слесарь, бате донесет...

Принцы приуныли и принялись в очередной раз обходить склеп, словно бы ища другую дверь.

Потом Терентий подошел к стене вплотную и двинулся вдоль нее, ощупывая камни — нет ли тайного входа, как в романах про Когана-варвара (их ему Тихон пересказывал).

— Стой! — вдруг скомандовал он самому себе. — Смотри — здесь земля рыхлая!

— Что это значит?

Но Терентий уже стоял на четвереньках и разгребал землю руками, так что комья во все стороны летели.

— Сюда уже кто-то пробовал залезть! — сопел он. — Ну, народ! Ну, добрые посконичи! Король уже супругу как следует похоронить не может, обязательно отыщется какая-нибудь скотина... Нет, я впоследствии доищусь, кто матушке спокойно лежать не дает, и на кол посажу! Помогай давай!

Вдвоем дело пошло веселее, и скоро перед близнецами оказалась дыра, уходящая вглубь.

— Так и есть — давний подкоп, — сказал Терентий. — Ладно уж, полезу вперед, а то ты мне все ноги переломаешь!

Но все равно было ему страшно, и Тихон это почувствовал.

— Ты только осторожнее, братец...

— Не боись, давай ко мне! — донеслось уже снизу.

Ласковый королевич осторожно спустил ноги в дыру, и вскоре оба оказались внутри склепа.

Там не было ничего, кроме каменного гроба, стоявшего на каменном же возвышении.

— Там — мама? — шепотом сказал Тихон.

— Там, — вздохнул Терентий.

— А посмотреть можно? Ведь от нее даже портрета не осталось...

— Потому и не осталось, что тогда у нас еще ни одного живописца не было. Да и не сдвинуть нам крышку без лома. А и сбегать за ломом, так все равно потом на место не положить, тут батина сила нужна... Слышал ведь, что он никого сюда не пускал? Так что про подкоп ему говорить не следует, мало ли что ему в голову взбредет... Убьет еще сгоряча...

— Это ты про батюшку? — задохнулся от негодования Тихон.

— Про него, родимого... За такое и самый добрый отец по головке не погладит — разве что чем-нибудь тупым и тяжелым. Так... Ты уж нас, матушка, прости, неразумных... Не гневайся... А помещение подходящее, только что пол не каменный...

— Был бы каменный, так нам сюда и не попасть, — заметил Тихон.

— Тоже верно. Ну, полезли обратно, петухов ловить...

Глава 8,

*в которой лишний раз доказывается,
что никакое богатство не дается даром*

Простые посконичи сроду в глаза не видели газету «Меенхеерваам», но с некоторых пор и они стали поговаривать, что у царевичей с головами что-то не в порядке.

— Так, а что вы хотите — близняшки, ум на двоих, — объясняли сердобольные старухи.

Слухи потянулись с королевского птичьего двора.

— Да на что вам двенадцатилетние петухи? — удивлялись птичницы.

— Можно и пятнадцатилетних, — соглашались принцы. — Все-таки ровесники...

— Кто же у петухов годы считает? Может, им, горластым, еще и день рождения справлять?

— Вы, бабы, ничего не понимаете, — важно объяснял птичницам Терентий. — Да просто-напросто такова наша воля! Вы ведь любой наш каприз обязаны исполнять, иначе какие же мы будем наследники престола? Понадобится мне царевна Зазнобия — дай да подай! Возникнет нужда в пятнадцатилетних петухах — предоставь в лучшем виде! А то ведь вы меня знаете — поймаю хорька да и загоню сюда ночью...

Угроза хорьком возымела на птичниц желаемое действие: ведь Стремглав разбираться не будет, хорек там или не хорек, погонит с хлебного придворного места...

— Бате ни слова! Хорек! — пригрозил напоследок Терентий. Пятнадцатилетние петухи сидели в мешке тихо — должно быть, с перепугу. Тихон тащил другой мешок — с зерном да еще ведро с водой.

— Колдовать собирались, девок привораживать! — догадалась им вслед старшая птичница. — Когда колдуют, без кочета не обойтись...

— Дура ты старая! — отвечала ей молодая птичница. — На что им, красавчикам, колдовать? Их высочество Терентий меня и так уже раза три приворожил...

Если бы королевичи знали, какая морока им предстоит, они бы плонули и на василисков, и на золото.

Пятнадцатилетние петухи клевали зерно в огромных количествах, жирели, но никаких яиц нести не собирались. Да ведь за ними еще и убирать приходилось — здесь усыпальница все-таки, обитель скорби...

— Ну, что же вы друг дружку не петушите? Голо-

вы пооткручиваю! — грозился Терентий. — Гляди, дурак пернатый, сколь твой напарник хорош: масляна головушка, шелкова бородушка... Он рано встает, голосисто поет... Топтал бы сам, да денег надо!

Нет, наверняка за принцами кто-то следил — иначе откуда бы слово «петушить» вошло в обиход?

К счастью, петушиное пение надежно глушилось каменными стенами.

— Может, у твоих язычников петухи какие-нибудь другие? — теребил брата Терентий. — Ты проверь по книгам!

— Нет, петухи везде одинаковые, как кони, только масть разная... — уныло отвечал Тихон. — Они, верно, нас стесняются — мы ведь по целым дням тут торчим! Ты же, к примеру, с девушками своими не посередь двора забавляешься!

— Не до забав нынче, — сухово сказал Терентий. — А вообще-то ты, наверное, прав. Смотри-ка — еще не все мозги у тебя чтение вытянуло!

Петухов предоставили самим себе, только каждое утро зерна подсыпали, воды подливали да помет убирали.

— А жабы-то! — в один прекрасный день вспомнил Терентий. — Вот начнут наши птички нестись, а высиживать и некому!

Взяли здоровенную кадушку, поплелись на болото — жаб ловить.

Как ловить лягушек, знали все простые посконичи: случалось на этом подрабатывать, лягушек охотно покупали сотнями бонжурские купцы, поскольку посконская лягушка многоя крупней и упитанней своей бонжурской товарки.

А у жабы и нрав иной, и приоритеты другие. Да

ведь даже и лягушек принцам не приходилось ловить, не было такой нужды.

— Хорошо еще, что мы все это летом затеяли, — говорил Терентий, дрожа на студеном ветерке.

Потом ему пришлось вытаскивать из «окошка» в трясине Тихона. Потом Тихон его вытаскивал. Потом утопили кадушку...

— Ничего, у рубах вороты завяжем — лучше любого мешка будет!

Опасность заразиться от жаб бородавками уже казалась братьям вовсе не значительной.

— Убери хворостину! Живьем брать будем!

— А то я не знаю!

Наконец нашли такое место, где у жаб был самый икromет.

— Замечательно! — приговаривал Тихон. — У них сейчас материнский инстинкт должен быть сильно развит, и они нам будут василисков на совесть высаживать!

Набили недовольными, ворчащими жабами обе рубахи.

— А где же их хранить? — спросил Тихон. — Яиц-то покуда не видно!

— Я знаю где — у батюшки в бане. Сегодня не банный день, переносят...

Баня у Стремглава, в память о той, отцовской, судьбоносной, была огромная, валун для парилки привезли с далекого севера. После парилки же полагалось крепко охолонуть — зимой в сугробе, а летом для этой цели имелся нарочито выкопанный пруд со студеной родниковой водой.

Туда и вытряхнули добычу.

День и вправду был не банный, но хозяйственный Стремглав, чтобы заведение зря не пропаивало,

пускал туда по ночам иноземных посланников в сопровождении гулящих по сконских девок или своих же фрейлин. Посланники от жару становились разговорчивее, да и говорчивее, подписывали, не вникая, нужные бумаги...

Недаром по сконская баня есть восьмое чудо света! А может, и первое.

Натопили каменку и в эту ночь для неспанского посла дона Мусчино, а он зазвал туда с собой не девку и не фрейлину, но супругу неверландского военного атташе, отлучившегося на кабанью охоту.

Коварный владыка Посконии оборудовал при бане и особую каморку. В каморку по мере необходимости подсаживали скорописного художника, который старательно зарисовывал все, что в бане происходило. Потом с помощью этих зарисовок из слов можно было сучить нитки, вить веревки, плести канаты и прочую нужную в государственном деле снасть.

Неспанский посол, усы у которого не обвисали даже во влажной парилке, попарил как следует свою избранницу, а потом предложил ей освежиться в пруду...

От визга пышнотелой неверландской красотки проснулся весь Столенград.

К пруду сбежалась дворцовая стража с факелами, неодетые фрейлины, скорописный художник и вообще все желающие.

Но первым, как всегда, был король Стремглав.

Неверландка визжала так, что завыли все городские псы. Простуженные жабы тоже издавали совершенно невероятные звуки. Дон Мусчино пытался прикрыться пышным высоким неспанским кружев-

ным воротником, но воротник же круглый и с дырой для головы!

Получилась весьма пикантная розеточка.

Словом, международный скандал предстал во всей своей неприглядной красе. А ведь Стремглав хотел, чтобы все было тишком, ладком, по-доброму, к немалой для державы выгоде...

И так страшен был королевский гнев, что плененные жабы, не дожидаясь лишних неприятностей, без посторонней помощи вылетели из пруда и гигантскими прыжками устремились на свою историческую родину.

— Батюшка! Это не он! Это я! — рыдал Тихон и пытался своим телом защитить Терентия от королевского ремня.

— Добро! Ты тоже получишь!

Нелишне напомнить, что каждому королевичу досталась двойная порция побоев.

Назавтра снова пришлось тащиться на болото за жабами. Теперь вода приятно холодила нахлестанные телеса...

— Как хорошо, что батюшка отходчив! — ворковал Тихон, отправляя очередную жабу в мешок. — А вдруг бы он нас посадил под домашний арест? Только и видели бы мы наших василисков...

— Отходчив... Нечего чужих людей в фамильную баню пущать! — лютовал Терентий. — Еще заразу какую занесут!

К счастью, на этот раз не пришлось никуда устраивать пленниц, потому что петухи дружно снеслись.

Яиц было поменьше, чем жаб, поэтому лишних отпустили.

Тихон так устал, замерз и проголодался, что даже

не пикнул, когда Терентий развел костер, свернул петухам шеи, оципал и выпотрошил их.

— За мужеложество полагается, — кратко пояснил он.

Откормленные самым лучшим зерном петухи оказались восхитительны на вкус.

Братья уснули тут же, возле гаснущего костра — в обнимку.

Во дворце их хватились, начали искать и скоро нашли.

Стремглав умилился увиденному и приказал тихонько, не потревожив, перенести сыновей в их постели.

— Однако странное место они для пикника выбрали, сир, — сказал Ирона.

— По матери тоскуют, — развел руками Стремглав.

Глава 9,

в которой королевские сыновья, сами того не желая, нарушают Великий Уговор Агенориды

Дожидаясь, покуда жабы высидят желанных ватагисков, братья времени зря не теряли.

Королевские повара и стряпухи стали замечать, что из кухни пропадает бронзовая посуда.

Придворный слесарь хватился отличного немчурского пробойника с наконечником из редкого и драгоценного сплава.

Придворный пекарь ежедневно недосчитывался нескольких караваев.

Дырявили бронзовые сосуды в том же склепе, чтобы не было слышно. Жабы от звона вздрагивали, но доверенных им яиц не покидали. Еще бы! Жаб

кормили братья белым хлебом, а в болоте его и за сто лет не допросишься.

Общая цель сблизила Тихона и Терентия настолько, что последний даже забывал помечтать о встрече с волшебником, способным разорвать незримые братские узы.

— Ну вот, будет теперь куда василисков пересадить, — сказал Терентий, когда пробойное дело было окончено.

Принцы затратили на свой обогатительный замысел столько трудов, сил и здоровья, что могли бы за это время у доброго хозяина заработать не меньше золота, чем рассчитывали получить.

А вы думали, что алхимическое золото даром дается?

Но все труды оказались напрасными.

Придя очередным утром в склеп, Тихон и Терентий увидели, что там сидит одна-единственная жаба, самая большая, и высаживает она одно-единственное яйцо.

— Ты, колчераукий, между досками щель оставил! — сразу обвинил брата Терентий.

— Нет, братец, я со всем тщанием закрывал... Погоди, а это что за тварь?

В углу склепа лежала здоровенная змея. Пестрое ее пузо было раздуто до невозможности. Она бы даже в подкоп сейчас не пролезла, и поэтому спала себе, спокойно переваривая добычу.

— Она их всех сожрала — и жаб, и яйца... — жалобно прошептал Тихон и заплакал.

Терентий тоже заплакал, а потом взял камень и размозжил подколодной гадине голову.

— Все-таки уже не зря жизнь прожил, — утешал

его Тихон сквозь слезы. — Змею ты уже убил. Теперь осталось только дом построить да сына родить...

— Придется последнего василиска кормить как следует, — нашелся Терентий. — Чтобы пепла было побольше. Да не тонкой землей, на ней не заматерешь. Я ему свою черную икру отдавать буду...

Послышался треск.

Везучая жаба соскочила со своего места и поглядела на братьев, словно желая, чтобы ее труд по достоинству оценили.

На том месте, где она сидела, среди обломков скорлупы кто-то маленький копошился.

— Какой хорошенький! Какой миленький! — воскликнул Тихон и взял новорожденного в руки. — И гребешок у него есть, и хвостик прорезается...

— Ты гляди, чтобы он у тебя в землю не закопался! — предупредил Терентий. — Вот я сейчас его в сосуд пересажу... Или лучше сбегать да у рыжего писаря крови нацедить?

— Братец, — прорыдал Тихон. — Я ведь тебя обманул без умысла. Я ведь потом комментарии к трактату Сексофилуса изучил. Оказывается, этот рецепт — сплошные иносказания, чтобы обманывать дураков вроде нас с тобой, а ученый же человек без труда поймет, что каменная темница — это просто каменный горшок, кровь рыжего человека — соль аммония, а сам василиск есть аллегория да интерпретация мифа о змее и змееборце...

От гнева Терентий забылся, изо всех сил ударили близнеца кулаком по голове — и сам повалился без памяти.

Очнулись братья одновременно от того, что крошка-vasiliisk поочередно лизал им щеки горячим язычком.

— Задавлю! — заорал Терентий и хотел было ухватить тварюшку за шейку.

— Не смей, братец: он еще маленький и ни в чем не виноват. Не смей, говорю, а то вот он, ножик, у меня! У сердца! Да ты сам подумай, ни у кого на свете нет живого василиска, а у нас есть!

Терентий подумал, посчитал на пальцах.

— Правильно твоя губа шлепнула. Выкормим, вырастим и продадим в бродячий зверинец за те же деньги...

— Только помни, братец, что нельзя людям глядеть в глаза василиску, а то можно в камень обратиться!

Терентий внимательно осмотрел малютку, поднеся ладонь к щелевидному окошку.

— Да у него и глазки-то еще не прорезались, будто у котенка! — с неожиданной нежностью сказал он. — Пусть живет!

Известно ведь, что все злодеи сентиментальны.

Убедившись, что ее подопечному ничто не угрожает, верная жаба подхватила в каждую лапу по два каравая и всем своим видом показала, что ее следует подсадить в подкоп и подтолкнуть на белый свет.

Выпихнули ее наружу — хоть и с большим трудом.

— Ничего себе разъелась на дворцовых харчах, — сказал ей вслед Терентий. — Надо было хоть каравай отобрать...

— Не украла, а честно заработала, — возразил Тихон. — Остальные же героически погибли на боевом посту, словно рыцарь Барфоний и его отряд...

И близнецы, не сговариваясь, отсалютовали по всей форме погибшим жабам.

Теперь оставалось только прибрать в склепе, вы-

кинуть змею-паскуду мертвую да изнахраченные бронзовые сосуды спрятать куда-нибудь с глаз долой.

Подкоп же надежно завалили землей, тщательно ее утрамбовав.

Сколько ни рылся в старых фолиантах Тихон, нигде не нашел он указаний, чем выкармливать василисков. Пресловутая «тонкая земля» на поверхку оказалась чисто абстрактным понятием.

Но малыш ел все, что давали: черную икру, буйабез, консоме с пашотом, пареную репу, толченый горох. Головка у него была петушиная, равно как и две лапки, хвостик вырос чешуйчатый, а крылья голые, без перьев, как у летучей мыши.

Поселили его в кукольном домике и каждый день занимались с крошкой обучающими играми. Терентий напрочь забыл всех своих девок.

Однажды, когда братья тщетно учили своего питомца скакать через скакалку, в детскую внезапно вошел отец.

— Это что у вас такое? — со страхом спросил он.

— Василиск, — хором и честно ответили братья.

— Василиск, детки, тот же самый дракон, — с нарочитой ласковостью сказал король. — А вы помните, что такое Великий Уговор Агенориды? Вы представляете, что будет, если его кто-нибудь увидит? Или хотя бы слухи пойдут? Да на нас все державы обрушатся с великим удовольствием, и Пистон Девятый уже не поможет! Они из-за этого недоделка нашу Гран-Посконь с лица земли сотрут и по закону будут правы! В печку его, и немедленно!

И Стремглав Бесщабашный занес над маленьким чудовищем ногу в подкованном сапоге.

Тут малютка, словно почуяв беду, впервые поднял веки.

Карающая королевская нога застыла в воздухе на полдороге.

Стремглав продолжал что-то говорить, безобразно растягивая слова, голос у него сделался совсем низкий, а речь неразборчивая, как у паралитика.

Терентий схватил зверька с пола и прижал к груди, закрыв петушиную головку ладонью.

— Батюшка окаменел! — ужаснулся Тихон.

— Туда ему и дорога, — сказал Терентий. — Нечего ремнем махаться, не при старом режиме живем... А престол расширим, чтобы вдвоем не тесно было.

Тихон подошел к батюшке, помахал у него перед глазами рукой — он видел, что лекари всегда так делают.

Нога Стремглава медленно и плавно опустилась.

— ...в ухо собачье, в нос моржовый, в пихту и елку! — сказал король обычным голосом. — Что это на меня вроде как некое затмение нашло?

— Это на тебя василиск глянул, — сказал Терентий. — Может и еще разок посмотреть, если я по прошу...

— Ты отцу угрожать?

— Батюшка, — заторопился Тихон. — Никто его не увидит, уж мы постараемся! Он у нас среди игрушек затаится, как будто и сам игрушка — ведь игрушечных-то драконов никто не запрещал! Он умненький, он на чужих глазах не пошевелится. Уж мы его выучим!

— Да не в том дело, — вмешался Терентий. — Батя, это же оружие какое! Пока ты на одной ноге стоял, я бы тебя успел на строганину покрошить! Прикинь, если он в бою у меня на плече будет си-

деть, вроде как наплечник с украшением, так я первый на свете боец стану!

— И это слова будущего рыцаря, — с горечью сказал король. — Что ж, так и будем жить под угрозой ежеминутного разоблачения?

— Не будет никакого разоблачения, батя, — сказал Терентий. — Я уже все продумал. Про нас все равно на западе идет дурная слава. Подумаешь — дурочки завели себе тряпочного василиска! Тихон ему чехольчики сошьет на гребешок и на крылья — да попестрее, чтобы кич получился. Никто и не догадается, что он настоящий...

— А иначе мы, батюшка, зарежемся! — решительно заявил Тихон.

— Или утопимся, — поддержал его близнец. — Стоит ли жить, постоянно сожалея об упущеной однажды возможности? Ты Посконию покорил, а мы все остальное возьмем с таким-то помощником...

— Размечтался, — буркнул Стремглав. — Ни у кого еще не получилось весь мир покорить. Напрасное это дело. Подумайте сами как следует — большие уже — да и сверните ему башку...

— Не надо, — раздался тоненький голосок. — Я больше не буду.

— А, это вас Ироня чревовещанию обучил? — догадался мужицкий король.

— Нет, это я сам, — продолжал голосок. — Я больше не вырасту, навсегда, наверное, такой останусь... И окаменить я никого не могу — так только, придержать на малое время...

Стремглав нагнулся и посадил василиска к себе на ладонь.

— Откуда ты такой взялся?

— А меня добрые люди вырастили, — пропищал василиск и показал крыльями, какие именно.

Стремглав недоверчиво посмотрел на сыновей.

— Эти придурки? Да ведь такое самому Примордиалю навряд ли под силу!

— Мы старались, батюшка, — кротко сказал отнюдь не Тихон — но Терентий.

— Кончай, батя, дуру гнать, — поддержал его, представьте, Тихон. — Да и наука нам не простит. Опять станут говорить — страна невежд, никак из Темных веков выбраться не могут... Пользоваться надо, пока пруха прет!

Тут Стремглав припомнил восстание свое против грозного шорника Обуха.

— Да-а, — вымолвил он наконец. — Теперь вижу — наша порода прорезалась. Оперились птенчики, скоро очи мои ясные повыклюют... Что ты там, Теречека дорогой, насчет расширения престола толковал?

— А, — сказал Терентий. — Так я думал, что ты у нас навсегда окаменел, а державе без монарха ни дня нельзя жить.

— Счастлив буду, коли у вас в старости корки хлеба допрошусь, — сказал король. — В общем, так. В Великом Уговоре Агенориды перечислены все виды драконов, в том числе и василиски. А вот насчет говорящих василисков там ничего не сказано. И за это ухватится любой адвокат. Но вот если он у вас подохнет да его чужие люди найдут — тогда нам конец. Тогда не оправдаемся: как докажем, что он у нас говорил? Жидковата еще наша держава противу всей Агенориды переть...

— Не подохну, — пообещал василиск. — Я еще толком и не жил.

- Мы его лелеять будем, — пообещал Тихон.
- Я за него всякому голову оторву, — пообещал Терентий.
- Надо бы с Килостратом посоветоваться, — сказал король. — Только худой из него теперь советчик...
- Своим умом проживем, — хором сказали принцы.
- Хрен с вами, дети мои, — торжественно сказал король. — Берегите выкормыша своего, как самих себя. Может, он нам и взаправду когда-нибудь пригодится.

Глава 10,

*в которой решено отправить принцев на обучение,
только под чужими именами*

Прошла долгая, студеная и скучная посконская зима. Как ни топили во дворцовых покоях, все равно маленькому василиску было холодно, и он почти все время спал, изредка пробуждаясь для кормления.

Глазки у него, кстати сказать, были ярко-синенькие, и потому Тихон дал ему имя Василек. Терентий хотел назвать его как-нибудь пострашнее — Бурено-сец там или Громовержец, но уж больно мал был зверек для таких наименований.

Единственную в Агенориде газету — все ту же «Меенхеерваам» — доставляли в Столенград с большим опозданием. Стремглав и горбатый шут читали ее с мрачными лицами и еще более мрачными предчувствиями.

Сообщения из разных мест изобиловали самыми неблагоприятными знамениями. Что-то такое повисло в воздухе, что-то такое, чему и названия было не подобрать.

В Западной Междометии, к примеру, среди бела дня произошло редкое природное явление — психопад. На столицу этого небольшого королевства начали падать из тучи тысячи умалищенных, и при падении они не разбивались, поскольку дуракам и пьяным всегда везет.

В Плезирской Академии крупнейший посكونолог мэтр Мурье (никогда в Посконии не бывавший) сделал крупное открытие: оказывается, посконичи не являются потомками легендарных гей-славян, потому что у гей-славян потомства не могло быть в принципе.

Принцы Тихон и Терентий с удивлением узнали из газеты, что сдурели окончательно, поскольку за едой стали тащить ложку не в рот, а в ухо. Но на самом деле мимо рта они проносили не каждую ложку, а через одну. Вторая же ложка опорожнялась ими в особую мисочку, стоящую на полу и предназначавшуюся для кормежки Василька.

Сообщения с побережья Серого моря, где высился развалины Чизбурга, были и вовсе уж несобразные. Согласно им, старая крепость восстановлена почти полностью, хотя жители Северной Немчурии не видели ни одного обоза со строительными материалами, двигавшегося в ту сторону, а миновать их землю было уж никак нельзя. Да ведь и вести восстановление было вроде бы некому...

Стрижанцы тоже клялись страшными клятвами, что никакого отношения к возрождению павшей твердыни не имеют — им хватает забот с возвысившейся Неспанией, которая невероятно разбогатела благодаря золоту, вывозимому с новооткрытой земли Хлестафорики.

В самих Неверландах и в Немчурии стали погова-

ривать о каких-то эльфийских шпионах, и не только поговаривать, но и сажать таковых в тюрьму.

В самый короткий день года ко дворам всех агеноидских владык явились какие-то удивительные немые гонцы, вручившие одно и то же краткое послание: «Я иду». Кое-где гонцов этих, вопреки обычаяю, пытали, но никакого толку не добились.

Явился такой гонец и в Посконию, только у него послание было малость подлиннее: «Я иду за тем, что мне принадлежит». Подпись не имелось, а на печати изображен был цветок бессмертника.

Почти из всех стран приходили жутковатые сообщения о раскопанных свежих могилах и пропавших покойниках.

— Ерунда, — сказал Ироня. — Ихний листок просто перестали покупать, вот они и выдумывают что попало. А вот качество бумаги у них никудышнее стало: смотри, какая она желтая...

— Мне печать на этом послании покоя не дает, — сказал Стремглав.

— А что печать? Печать как печать. Цветок ли, баранья ли голова, какая разница?

— Помнишь ожерелье Алатиэли?

— Помню... Ах ты! Там ведь тоже цветочки бессмертника! Но это просто совпадение.

— Если бы... — сказал король. — А гонца, немыря этого, ты узнал?

— С чего бы это?

— А я узнал. И посол Кадрильяк узнал — я по глазам его понял. Это лейтенант Жевар, командир арбалетчиков. Изменился, конечно, страшный стал, но это он.

— Спятил! Жевара я сам хоронил после взятия Чизбурга, даже поминальную чару пил...

— Он, он. Только ногу приволакивать стал.

— Что же мы, по-твоему, его живого похоронили? Да у него башка рассечена была до зубов, а у посла вроде бы никаких шрамов я не видел. Только нет на свете такого мага, чтобы мертвого мог поднять. Правда, ходячего мертвеца многие умеют сотворить, но ведь его сразу видно, и слышно... по запаху...

— Значит, могут некоторые, — сказал Стремглав. — Только думается мне, что самого этого мага тоже пришлось из мертвых поднимать.

— Брось ты. Никого живого там не осталось, некому было чудеса творить. А коли так, что же ты лейтенанта не задержал? Может, он бы нам по старой дружбе растолковал, что к чему? Хотя бы на пальцах?

— Он и растолковал мне. Но тебе об этом лучше пока не знать. Вот когда отправим ребят учиться, тогда я, может быть...

— Все-таки решил?

— Все-таки решил. Чему еще они здесь выучиться могут? Да и пора им повидать мир. К тому же, думаю, в Бонжурии им будет безопаснее.

— А они знают?

— Пока нет.

Король и шут сидели, как два деревенских мужика, прямо на полу возле печки (Ироня — спиной к дверце) и время от времени подкармливали ее полешками. Помаленьку прихлебывали совиньон из ковшиков.

— Не дергайся, капитан Ларусс. Так всегда бывает, когда слишком долго везет. Чем дольше везет, тем больше забота: а чем же я за удачу буду расплачиваться? А когда она кончится?

— Ты считаешь меня удачливым?

— А то нет! Удача державы — государева удача.

— То-то я век свой бобылем коротаю, и дети вот... Что ни говори, ненормальные ведь они, не такие, как все! Как я на них все оставлю? Долг ли век их будет? У них ведь и возможности помереть в два раза больше, чем у обычного человека... Болезни эти внезапные, когда никакого поветрия нет... А ты бы послушал, что они во сне говорят!

— А что? Я как-то не обращал внимания.

— Ты не отец. А я не одну ночь у их постелей провел.

— И что же они говорят?

— А говорят они, мон шер, разные эльфийские слова.

— Ты что, эльфийский знаешь?

— Так, кое-что. И то, что они говорят, мне крепко не нравится. Эх, нельзя им без присмотра жить!

— Почему же тогда отправляешь их учиться?

— И при отцовских штанах тоже нечего отиараться. А, пусть судьба сама решает. Пора, пора им в дорогу.

— Ты им охрану-то назначишь? Да что охрану — я сам с ними поеду!

— Нет, Ироня. Поедут они в Плезир не как посконские принцы, а как купеческие дети. Наши богатеи взяли себе похвальную моду отправлять детей за границу, вот пусть и они...

— Они все же королевские сыновья. Неужели ты думаешь, что старина Пистон...

— Он не вечен. А в случае чего он тоже может посадить их в темницу и требовать потом у меня чего пожелает. Или он, или его враги — такие заложники всякому полезны. И тебе туда ехать нельзя, твои горбы в Плезире любая собака помнит. Скажут: с чего это друг-приятель посконского короля состоит при каких-то худородных высокочках?

— Может, лучше тогда в Стрижанию их отправить? Там ведь у них и Факбридж, и Трэшфорд, и вообще просвещенное мореплавание...

— Да они бонжурский-то уже знают как следует, в случае чего сообразят и местными прикинутся — скажем, деревенскими дурачками... А в Стрижании разведка добрая, живо догадаются, ху из ху. Оттуда, из-за моря, их будет и вовсе не выцарапать. Нет уж, Бонжурия надежней. В случае чего поклонюсь венценосному брату Пистону — спина не переломится.

— А как же в Плезирской Академии принцы других стран открыто учатся, не таятся, не боятся? Наши ребята тоже не на свалке подобраны...

Король досадливо махнул рукой.

— Есть и еще одна причина. Ректор тамошний, мэтр Забульдон, их просто-напросто не примет в студенты.

— Так мы же заплатим!

— Не поглядит и на деньги.

— Так ему Пистончик прикажет!

— Не поглядит и на Пистона. Академия там вольная, даже королю не подчиняется. Свой суд, своя стража. Город в городе. На меня же мэтр Забульдон в большой обиде...

— За что, государь?

— А ты Хому Хронолога вспомни!

Глава 11,

*в которой рассказывается о большой обиде,
причиненной посكونским королем великому ученому*

В самом начале Стремглавова правления ко двору его сразу же стали стекаться многочисленные проходимцы и авантюристы, не признанные у себя дома.

Одни предлагали новые, неслыханные дотоле способы устроения государства вечного благоденствия.

Другие обещали всего за пятьсот дней сделать Посконию великой за какие-то жалкие два процента ежегодного дохода.

Трети брались разводить в посконских снегах слоновьи стада — слоны-де от холода живо отрастят густую шерсть, будут давать еще мясо, молоко, слоновую кость и прочную кожу, отчего держава немедленно процветет еще краше и пышнее. Нужен только небольшой аванс для поездки за слонами да несколько тысяч корабельных сосен для строительства плотов.

Четвертые просили денег для плавания в Хлестофорику — не одним же неспанцам богатеть!

Пятые всего-навсего желали купить исключительное право добывать посконские меха.

Но всех превзошел некий бродячий ученый. Имя ему было Хома, а прозвище — Хроноложец, потому что он вытворял с привычным летоисчислением уж такие вещи...

Он предложил мужицкому королю не только сочинить благороднейшую родословную (это любому мошеннику под силу), но и неопровергимо доказать, что Стремглав Бесшабашный и древний император Эбистоса Кавтирант Багрянородий — одно и то же лицо.

— Вы, мэтр, верно, забыли, что эта империя давным-давно развалилась! — сказал пораженный Стремглав.

— Да. Но весь вопрос в том — насколько давно? — хитро прищурился ученый.

— Ну... Лет пятьсот... Или даже тысячу... — растерялся король.

— Вот видите — даже вы, образованный человек, и то путаетесь. Что же говорить об остальных! Мы даже не можем со всей уверенностью сказать, какой нынче год!

— Что же тут сложного? От Восхода одна тысяча девятьсот девяносто девятый!

— Ой ли? За Темные века люди разучились читать по звездам, поскольку и самих звезд не было видно. Пока-то времена года твердо установились, пока-то люди, покинув теплые пещеры, снова приладились вести счет годам от весны до весны... Для них тогда время до-олго тянулось, пожалуй, что год за три шел. Теперь слушай дальше. Как столица империи Кавтиранта именовалась?

— Вестимо, Метрополь.

— Правильно. А твоя?

— Вестимо, Столенград.

— Так ведь это одно и то же слово, только на разных языках! Значит, и город один и тот же. Потом поищем в словарях, что значит имя «Кавтирант» на чужих языках. Наверняка у кого-то оно и переводится именно как «Стремглав». Или хотя бы «Бесшабашный». А на еще каком-нибудь языке это переводится как «мужицкий король». Или, к примеру, «узурпатор». Значит, это один и тот же человек. Опять же возьмем название страны. «Посконь» значит «конопля», так? Конопля же на Мертвом языке именуется «каннабис». А от «Каннабиса» до «Эбистоса» и вовсе не далеко. Значит, это одна и та же империя...

— Ловко! — восхитился король. — Так ты, учнейший муж, пожалуй, сумеешь доказать, что я отнюдь не Стремглав, сын шорника Обуха, а сама царица Настырра?

— Как два пальца облизать! Тебя же подданные и

«настырным королем» именуют в частных беседах. Кроме того, при каждом новом правителе старые летописи уничтожают, а новые сочиняют. Летописцам да хронистам вообще веры нет! Все они твари продажные! Пистон Бонжурский, по моим расчетам, никакой не Девятый, а совсем даже Второй. Просто бонжурцам лестно свою историю распространить далеко в прошлое, а на самом-то деле они только-только из пещер выбрались...

Стремглав даже глаза придержал руками, чтобы из орбит случайно не вылезли.

— Постой! А как же великие свидетельства древности — эпосы там всякие, сказания... Куда же ты «Были Ада» и «Одиссею» денешь, сложенные Великим Скупцом? Кто, по-твоему, построил циклопический звездодром Бумазей? Кто изображения философов Бабрия и Фесона изваял, кто создал прекрасный торс Автандиллы Форосской?

— Ну, это совсем просто. Эпосами неталийские алхимики баловались. Им ведь подолгу приходится ждать, пока ихние составы в атанорах доводятся до нужной кондиции. Иногда годами! Делать им нечего, бездельничать скучно. Вот и сочиняют, а потом пергамент состарят особым раствором и хвастаются: вот, мол, нашел в бабушкином сундуке памятник древности! Создателей же великой «Одиссеи» мне вживую показывали в городе Хрякове — они не то странствующие актеры, не то бродячие единоборцы.

— А отчего же они не хотят свои собственные имена прославить? Что-то не вяжется!

— Очень даже вяжется! Если бы тот неизвестный алхимик «Были Ада» подписал своим именем, его бы тут же известные сочинители заклевали, по стенке размазали. Уж нашли бы, к чему придаться! Струка

длинная, корявая, список лошадей слишком обширный, едва ли до половины прочитаешь, с ума сойдешь от скуки... А к старине у нас почтение, поскольку считается, что раньше все лучше было... Да и продать древнюю рукопись можно с большой выгодой. То же самое и скульпторы. Сам изваял, сам закопал, сам откопал, сам продал богатому невежде за хорошие деньги. У Автандиллы голова получилась корявая, а обе руки левые — отбить их, и дело с концом, готов образец женской красоты! Я всех на чистую воду выведу!

— А кто же Бумазей построил? — не сдавался король.

— Известно кто — бонжурские рыцари во время Второго сарацинского похода! В пустыне ведь скучно, делать нечего... Они, кстати, и так называемые Древние Сардины возвели, только много песку в раствор клали, вот и получились развалины...

Стремглав аж подскочил.

— Это в пустыне-то скучно, когда из-за любого бархана только и жди сарацинской стрелы? Это ты мне говоришь, ухо моржовое? Мне, который весь поход с коня не слезал? Да когда нам строить-то было, если к ночи сил не оставалось даже для того, чтобы шатер поставить?

Хома Хроноложец слышал, конечно, о безудержном гневе короля Посконии, но представить его в натуре не мог.

— Много жуликов и проходимцев передо мной прошли, много негодяев! — гремел Стремглав. — А вот такого, чтобы у людей древнюю память обкорнать, еще не было! Да ты страшней любого грабителя! Ты даже хуже того стрижанского мудреца, который родословие людей к сусликам возводит! Эй,

стража! Взять этого молодца, разложить на скамье да всыпать ему как следует!

Посконскую стражу два раза просить не надо.

Покуда Хроноложца пороли, он верещал:

— Я докажу! Я звездные таблицы представлю! Не сходится ваша история по звездам-то! Отовсюду белые нитки торчат! В обмане живете, как черви слепые! А мне откровение было в грозе, буре и осадках в виде дождя и мокрого снега! Консерваторы тупоголовые! Обскуранты сущеглупые! Ретрограды узколобые! Мракобесы хреновы!

За такое неуместное упоминание посконского государственного символа пришлось еще добавить ученому мужу горяченьких.

Верно говорят у нас в простом народе, что от большого ума одно горюшко.

А король приговаривал:

— Ежели меня, бедолагу, с императором Кавтирантом станут отождествлять, то тебя теперь непременно с пророком Бездолием в веках перепутают. С тем самым, который после императорской порки до конца жизни присесть не мог и даже спал, воротом на гвоздик подвесившись...

Потом Стремглав, как водится, отошел. Про себя он не мог не признать, что и вправду летописцы — народ продажный и недобросовестный.

Пораженные места Хроноложцу смазали дорогущим бальзамом, отчего они стали даже лучше прежних. На дорогу мужицкий король дал ученому увесистый кошель с деньгами:

— Помни щедрость посконскую да не бреши больше!

На заработанную, выстраданную самой неразумной частью тела компенсацию Хома Хроноложец, добравшись до Немчурии, издал толстую книгу под

названием «Летам человечества новое счисление, сиречь Всяк сам себе прадедушка».

Книга эта стала вдруг прославлена во всей Агенориде. Напрасно другие ученые пытались что-то возражать бродячему гению. Он всех противников повергал во прах блеском своих доказательств, а в качестве главного аргумента подымал полы отороченной соболем мантии и просил засвидетельствовать свое мученичество от невежественных посконских дикарей и в особенности от самозваного короля Стрем-Глава. Поэтому всех критиков своих смело объявлял посконскими агентами.

После этого всяк был вынужден признать правду Хомы. Даже здравомыслящие дотоле люди, прочитав его книгу, начинали смотреть на прошлое совершенно по-другому. Вскоре получил он и звание, и кафедру в Плезирской Академии и обрел множество последователей.

Ректор Академии мэтр Забульдон нарадоваться не мог, что заполучил в свои ряды такого светоча знания.

Значит, и вправду сыновьям посконского короля-оскорбителя вряд ли нашлось бы место на студенческой скамье — даже совершенно не причастных к порке молодых посконичей принимали в Академию с большим скрипом и только за большие деньги.

Глава 12,

*в которой фрейлина Инженю преображает принцев
до полной неузнаваемости, а король Стремглав
с облегчением избавляется от василиска*

Известие о том, что придется ехать в желанный Плезир под чужими именами, возмутило принцев.

— Батюшка, миленький, так ведь мы тогда об-

манщиками будем! Это нехорошо, не по совести! — сказал Тихон.

— Чтобы я, королевич, купчишкыным сыном прикинулся? Позор такой на все годы учения принял? — сказал Терентий.

— Молчать! — сказал Стремглав. — Или так, или вообще никуда не поедете! Королевичи они! Шорниковы внуки, вот вы кто! Жаль, конечно, что не зимой в путь вас отправляю. Поехали бы с рыбным обозом, и вся недолга. Вот ваши грамоты, все составлено честь по чести. Имена свои забудьте, как со двора сойдете. Ты, Тихон, станешь зваться Леоном, а ты, Терентий, — Парфением. Дети крупного лесоторговца Таская... Покойного, — добавил он, подумав. — Так вернее будет... А официально объявим, что поехали, мол, посконские принцы избывать свою дурь у мудрецов Буддистана...

— Государь, — вмешался Ироня. — Я вот о чем подумал. Парнишки ведь сильно похожи на тебя, одни брови чего стоят. Их же могут запросто узнат — хотя бы по клеветническим лубочным картинкам. А уж наши посольские точно узнают. И стоит какой-нибудь судомойке проболтаться...

— В самом деле, — сказал Стремглав. — Как-то я об этом не подумал... Вот незадача! Ну, брови можно и подбрить, носы поломать...

Королевичи разом заревели.

— И еще горбы им набить, — усмехнулся Ироня. — И кудри покрасить.

— Дураки вы, дураки, хрэн с вами со всеми! — из-за портьеры выскользнула бабка-фрейлина Инженю. Она, по своему обыкновению, подслушивала. — Вы и в самом деле детей отправляете на погибель. Вот послушайте, что я вам скажу...

С бабкой Чумазеей произошли большие перемены. Теперь никто бы не дал ей законных восьми десятков.

Пообщавшись с посольскими женами, с бонжурскими торговцами, сама посетив Плезир с визитом доброй воли, она много чего полезного для женщины узнала. Платила лекарям-омолодителям, не торгуясь. Велела, чтобы силикону не жалели. Маски применяла из меда, смолы, толченых майских жуков и жеваной коры черного дерева. Одних париков у нее было две сотни. Подслеповатый посол дон Мусчино даже пытался за ней приударить.

— Словом, ты, Стремглавка, к завтрему сам сыновей не узнаешь! — закончила престарелая красотка свою речь.

Назавтра день выдался суматошный: изучив очередную газету, король трижды порывался объявить Неверландам войну. Пущенный его рукой табурет просвистел в двух пальцах от дипломатически неприкосновенной головы господина Стоола ван Стуула.

— Я вам покажу, селедки обезглавленные! Вы у меня узнаете, как с сарацинами договариваться! Вы у меня усвоите, как мимо таможен ходить! Вы у меня поймете, как посконских девок вывозить!

Умирить государя мог только Ироня.

— Так ведь их тоже понять можно, — меланхолично заявил он. — У них-то бабы дюже страшные, недаром в международном трибунале заседают. Вот потому любая наша пастушка, даже и дурочка, приглядней неверландской великой герцогини Мальвазии. С сарацинами нынче только ленивый, то есть ты, не договаривается. А уж за таможни единственно с наших людей спрос, совсем обнаглели...

— Аудиенция окончена! — рявкнул король. —

Шута благодари, куль буландский, что живым уходишь!

После чего залпом заглотил ковш совиньона и без сил повалился на трон, закрыв глаза.

Когда же король их открыл...

— Что, Ироня, молодая смена тебе пришла? — спросил он. — Ну-ка, ребята, размыкайте мое горе! Для начала колесом пройдитесь...

— Батюшка, это же мы! — раздался голос Тихона.

— Вы-ы?!

Перед мужицким королем стояла парочка существ, которых он ни при каких обстоятельствах не смог бы принять за своих детей.

Один пришелец был тощий и долговязый, немытые волосы его жидкими сосульками свисали ниже плеч. Под синей курточкой-обдергайкой надета была обтягивающая хилую грудь рубаха без ворота. Прямо на рубахе был не то вышит, не то нарисован портрет мужественного лохматого и бородатого красавца в берете. Взгляд у красавца был очень пламенный.

Синие же штаны существа, узкие в бедрах, все заплатанные, книзу расширялись настолько, что подметали горбатый паркет. На ногах были деревянные бонжурские башмаки без задников.

Лицо пришельца не столько украшала, сколько портила жидкая бороденка, сверху ненадежно подкрепленная таракаными усишками. Глаз не было видно за круглыми синими стеклами. На щеке прорастала нарисованная трогательная ромашка.

Другой незнакомец был крепок и коренаст, торс его тесно обтягивал жилет из черной кожи, украшенный множеством блестящих заклепок. Чернокожаные портки он заправил в высокие башмаки на толстой подошве. Обнаженные руки покрывала ис-

кусная татуировка — змеи, драконы, черепа и просто узоры. Татуировка залезла даже на лицо: левая щека угрожала супостату скрещенными молниями, правая пугала врагов геральдическим хреном посконским.

В уши, ноздри и даже нижнюю губу вставлены были маленькие блескучие серьги.

Посреди наголо обритой головы торчком стоял волосяной гребень, причем волосы были окрашены в ярко-малиновый цвет.

Нетрудно догадаться даже всего с трех раз, кто из двоих был Тихоном, а кто — Терентием.

Стремглав, успокоенный было совиньоном, враз прозрел.

— Ты что с ними сделала, старая ведьма? Разве допущу я, чтобы этакие пугалы нашу державу позорили?

— Остынь! Нынче в Плезире вся молодежь так ходит, особенно учащаяся. Пусть эти бонжурцы знают, что посконичи от века не отстают и всегда в курсе бывают! Я ночь не спала, мальчики тоже очей не сомкнули! Думаешь, легко было Тишеньке кудри выпрямить, просто было Терешечку остричь да покрасить? Он ведь сопротивлялся! В особый станок пришлось запихивать! А вот наколки на нем неглубокие, временные, сами сойдут. Я для дитяток нашла лучшего кутюрье, да первого куафера, да знатного визажиста, да еще и дипломированного тату-мастера! И я же у тебя старая ведьма выхожу?

— Ну, прости, прости, бабушка, хрен с тобою! Раз ты так говоришь, будь по-твоему. Мне-то за бонжурской модой следить некогда было. Только ведь одежда с прической человека не делают. Они ведь и вести себя должны соответственно!

Фрейлина Инженю сделала близнецам знак ру-

кой, и Тихон сладким голосом заблеял песню про любовь и мир во всем мире, а Терентий, выставив на каждой руке указательный палец и мизинец «козой», начал хриплым голосом ругаться не только в медвежье ухо, но и в клон, в ген, в зафаканный истеблишмент.

— Видишь, переимчивые какие? — с любовью сказала бабка. — Ты в юности тоже такой был...

— Подтверждаю, — сказал горбун. — Да ты, матушка моя, волшебница! У них ведь даже фигуры разные получились!

Но бабка Инженю комплимент не приняла:

— Была бы я твоя матушка, так давно бы с горя удавилась...

— Батюшка, — проникновенно сказал Тихон. — А можно нам с собой Василька взять? Он без нас заскучет.

— Можно, — сказал король. — Более того, когда этот гаденыш покинет посконские пределы, я хоть спать буду без кошмаров.

И вдруг пригорюнился:

— Значит, завтра с утра — в дорогу...

Глава 13,

в которой, разумеется, снова приключается несчастье

Белого коня звали Лебедком, черного — Воронком.

— Жалко батюшку, — сказал Тихон, покачиваясь в седле. — Жалко Ироню. И бабушку Чумазею жалко. Как они там без нас?

— А мне так никого не жалко, кроме доброго коня, — ответил Терентий. — Ты, Ти... то есть Леон,

помни, что он в таком же возрасте покинул родимый дом. И не пропал. Вот денег у нас маловато...

Как ни упрашивал Терентий отца выдать им, кроме подорожных, и плату за обучение, Стремглав был непреклонен.

— При посредстве торгового дома Кувырканти перечислю через подставное лицо прямо на счет Академии. Деньги-то немалые! Вы хоть эти-то, какие есть, сберегите! Не то ночевать будете в чистом поле натощак!

Посконские дороги при мужицком короле стали, во-первых, проезжими, а во-вторых, безопасными. Любой путешественник мог теперь смело проезжать через бывшие разбойничьи деревни, сохранившие, ради памяти, прежние романтические названия — Кидалово, Мочилово, Разводилово.

Но без разбойников стали посконские дороги и неизмеримо скучными.

Едешь, едешь — и все одно и то же. Леса сменяются полями, поля — лесами, низины — пригорками, пригорки — низинами. Изредка попадется на встречу купеческий обоз — остановившись, поговоришь о погоде, о том, на каких постоянных дворах еда дешевле, а перины мягче. Купцы одобряли цель странствия братьев, желали им успехов в учебе и личной жизни.

— Зря батя назвал державу нашу Гран-Посконь, — сокрушался Тере... то есть Парфений. — Была бы она у нас Пти-Посконь, так давно бы уже кончилась...

— Не смей такие слова говорить! — гневался Леон-Тихон. — Оттого она и великая, что нет ей ни конца, ни краю! Но все же плохо, что приступаем мы к заграничному учению, не испытав рыцарской доли,

не заступившись за слабого, не наказав насильников и маньяков...

— Ну, я-то по рыцарству не сокрушаюсь, — отвечал Терентий. — С ихним уставом нынче пропадешь. А вот пошалить на большой дороге не помешало бы, деньгами разжиться...

Василиск Василек сладко спал у Тихона за пазухой. Хоть и говорящий он был, но неразговорчивый, да и разговоров у него было всего два: еда и сон.

Чтобы тоже не уснуть, Терентий завел веселую песню лесорубов:

Мимо нашей лесосеки
Проходили гомосеки.
Говорили гомосеки:
«Нужно жить, как древни греки!»

Всем ребятам с лесосеки
Полюбились томосеки,
И остались гомосеки
В лесосеке жить навеки!

— Что-то нас ждет впереди? — вздохнул Тихон.

Впереди, из-за поворота, медленно выезжал очередной обоз. На четырех телегах везли крепкие дубовые бочки.

— Винца прикупим! — оживился Терентий. Пить совиньон отец им накрепко запретил, а разбавленным вином порою баловал.

Но люди, сопровождавшие обоз, на купцов никак не походили — это были четверо обычных пеших стражников с алебардами.

— Что везете? — высокомерно поинтересовался Терентий.

— То ли сам не видишь? — откликнулся старший стражник. — Арестантов везем на расправу к тюремщику Гуину. Ровно сорок бочек. Проезжай, не оста-

навливайся, разговаривать с заключенными запрещено...

Не все порядки и обычаи, бытовавшие в старой Посконии, отменил Стремглав. Разумеется, ни тюрем он не упразднил, ни чисто посконского способа перевозки узников в бочках. Способ такой тем хорош, что исключает возможность побега или сговора, да и конвоя большого не требует.

Но королевичи наши росли во дворце и о столь низких материях знать не знали.

— Ты... ты как смеешь так разговаривать? — вскинул Терентий.

— Помалкивай, сопляк, не то сам в такой же бочке очутишься! — сказал стражник и замахнулся алебардой так, что Воронок взвился на дыбки.

— Так там, выходит, люди сидят? Им же, маленьkim, тесно! — вскричал возмущенный Тихон. — Братец, были бы мы рыцари, так уж наверное освободили бы несчастных!

— Интересная мысль, — сказал Терентий, усмиряя вороного. — Пусть-ка батя их потом сто лет по лесам отлавливает! В другой раз жадничать не станет! Подходящая подляночка! Будь по-твоему, братишко! Доставай Василька!

Разоружить заторможенных всадников не составило труда. Их алебарды закинули подальше в лес. Василек снова вернулся за пазуху к Тихону — отсыпаться после тяжкой работы. Он ведь маленький еще был, и надолго его сил не хватало.

Стражники же, прия в соображение, ужаснулись неведомых чар и, не помня себя, полетели по дороге в сторону Столенграда.

Торжествующие братья покинули седла, подо-

шли к телегам и начали разрезать веревки, державшие бочки.

— Смотри-ка — для них и дырочки проковыряны, чтобы дышать! — подивился отцовскому человеку колюбию Терентий.

А Тихон уже поддевал кинжалом первый обруч.

— Миленькие! Свобода! Свобода! — воскликнул он.

— Воля, братаны, воля! — вторил ему брат.

Тут из первой бочки вылез первый узник, и стало непонятно, как он, такой, в ней умещался.

Узник, мельком глянув на освободителей, отобрал у Тихона кинжал и принялся за дело сам, приветствуя товарищей:

— Здорово, Тяпа!

— С амнистией, Клепа!

— Заморился совсем, Копченый?

— Потерпеть не мог, Кузявый?

Наконец, все сорок арестантов, разминая затекшие конечности, взяли близнецов в кольцо.

Таких страшных рож братья никогда в жизни не видели.

— Тиша, — прошептал Терентий. — Мне сдается, что-то мы не то сделали...

Глава 14,

в которой старец Килострат произносит свое последнее пророчество

Мужицкий король был безутешен.

— Что же я натворил, ген дубовый, клон стоеросовый! Мне не царствовать, мне кожи мять — самое подходящее занятие! Дети, дети! Зачем я вас из гнезда выпустил? Почему при себе не задержал? Провава-

лилось бы оно к очам лягушачьим, это классическое образование! Сто лет бы вы без него прожили!

Известие о том, что четыре десятка самых лютых убийц и грабителей бежали с этапа, до столицы дошло не скоро. А уж подробностей побега и вовсе никто не знал: стражники, боясь наказания, дезертировали с государевой службы и скорее всего подались за рубеж — вертухай везде нужны.

И, разумеется, никто не связал это прискорбное происшествие с царевичами, которые, по всем расчетам, должны были уже пересекать степи Уклонины.

Страшное для немногих посвященных известие привез младший конюший, вернувшийся с конской ярмарки в Генеральных Водах.

— Что я, своих коней не узнаю, что ли? — говорил он. — И клейма наши. Из-за клейм я их и выкупил за бесценок — кто же с королевскими конями станет связываться? Только как они туда попали, я не выяснил — Лебедок и Воронок уже через столько рук прошли!

Только после поимки первого из беглецов Стремглав смог чуть-чуть перевести дыхание. Подклетный вор Береза со слезами на глазах уверял, что ничего плохого они двум плашкетам не сделали, потому что это было бы в падлу и не по понятиям. Коней, конечно, отобрали, денег там маленько, сумы дорожные...

На дыбе он все же признал, что сопливых терпил для верности самих заколотили в бочки и спустили в ближайший овраг. Но лично он в этом не участвовал, его там и близко не было, он уже в Столенграде вовсю мышковал, ой, за что, начальник, без суда-то, без следствия? Кол ведь острый...

Посланные на поиски принцев егеря действи-

тельно нашли в одном из оврагов рассыпанные дубовые клепки, но самих близнецов не обнаружили.

— Может, их звери лесные сожрали! — рыдал безутешный отец.

Потом постановил:

— Поезжай, друг Ироня, за старцем Килостратом! В любом состоянии привези его сюда!

Ироня обернулся за три дня, но привезенный старец все еще был никакой. Король самолично таскал его на руках то в парилку, то в пруд. Потом велел принести старцу крошечную рюмку совиньона и хрустальный шар для ясновидения.

Килострат долго-долго вглядывался в глубину черного хрустала и, наконец, объявил:

— Живые они. В какой-то дом стучатся. Дальше ничего не вижу... Нет, вижу. Только не Тихона с Терентием. Грядущее зрю, да такое, что лучше бы и не зреть!

— Что, что видишь? — поторопливал его Стремглав.

— Война будет, — сказал старец. — Большая война по всему материку. Великое войско пойдет, все сметая на своем пути. Боятся эти воины молчком, смерти же вовсе не боятся. И на знамени у них цветок бессмертника. Горит Ковырра, пылает Плюхен, а вот и посконские дружины отступают. Горе, горе! Тебя, Стремглав, беспамятного в плен берут!

— Что ты такое несешь? Когда эта война случится?

— Может, через год. Может, через два. Но уж точно на твоей памяти.

— Значит, есть время подготовиться, — сказал король. — Только откуда бы взяться в наше время великому войску, если даже Пистон уgomонился?

— Не угадал я в свое время, — сокрушенно сказал

Килострат. — Не счастливый конец ждет человечество, а весьма паршивый.

— И никакого избавления нет?

Килострат осушил рюмочку и побледнел. Изо рта у него пошла пена. Он забормотал:

— Темной ли ночкию, ясным ли днем белый свет перевернется вверх дном. Тогда горбатый простится с горбом, приедет всадник пустой на белом коне вороном...

А потом лег на пол, вытянулся, вздрогнул — и помер.

По-настоящему помер.

И похоронили его в простом гробу, без всяких колесиков.

Других пророков в Посконии не было.

Глава 15,

в которой Тихон и Терентий попадают к злому гостиннику

— Кто же нас без денег переночевать пустит? — жалобно сказал Тихон.

Избитые, ограбленные, в буквальном смысле опешившие близнецы подходили к покосившейся избушке, которая, вероятно, считалась на этой неустроенной дороге постоянным двором.

— Не боись, я кое-что заначил, — еле-еле выговорил Терентий. Нижняя губа у него была порвана — один из первенцев посконской свободы просто-напросто выдернул украшавшее парня колечко и, убедившись, что никакое оно не золотое, остальных украшений трогать не стал. А заплатанного Тихона даже и обыскивать не попытались.

Потому и Василек уцелел, а то ведь наверняка разбойники со страху шарагнули бы его об камень.

— Брат, а в ту ли сторону мы идем? Это ведь другая дорога!

— Куда-нибудь да приведет... На ту дорогу мне что-то сейчас не хочется. Спросим у людей!

После катания по крутому склону оврага в бочках тела близнецов болели и ныли до последней косточки.

Над входом была приколочена обшарпанная вывеска:

**ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ
СТАРОГО КИНДЕЯ**

Дверь постоянного двора была закрыта. Терентий грохнул по ней кулаком.

После долгого ожидания братья услышали нехороший голос:

— Кого принесло?

— Нам бы переночевать... — робко начал Тихон.

— Нету места!

— Что ты брешешь, старый пень! — заорал Терентий. — На дворе ни одной телеги! Конюшня пустая! Голосов не слышно!

— Так они же все немые! — не растерялся хозяин нехорошего голоса.

— Кто немой, ноль тебе в кошель?

— Постояльцы!

— Миленький, нам бы только передохнуть... Перекусить... — заплакал Тихон.

— А деньги есть?

— Найдутся, чуму тебе в суму! Отворяй, а то сожжем! Нам терять нечего, мы на все способны!

И шепнул Тихону:

— Только не вздумай сказать, что мы королевичи или даже купеческие дети — он цену поднимет! Пусть лучше думает, что мы лихие люди!

— Врать дурно, — пискнул Тихон и осекся.

Врать, конечно, дурно, а голодать и под звездами ночевать — еще того дурнее.

Загремели засовы.

Хозяин оказался на вид не лучше своего голоса: маленький, лысый, конопатый и безбрювый. Видно, это и был старый Киндей.

— Вперед покажите деньги!

Терентий покопался в своем стоячем ярко-малиновом гребне и добыл оттуда золотой.

Сверкающая денежка возымела действие свое: дверь широко распахнулась.

Близнецов обдало спертым духом — чуть с ног не попадали.

Видно, этот постоянный двор предназначался для кого угодно, только не для людей: обеденную залу разделял пополам длиннющий высокий стол, но ни стульев, ни табуретов не наблюдалось.

Стол этот не вытирали и не сметали с него объедков лет примерно тридцать шесть или даже все тридцать восемь.

Еще дольше не сметали паутину по углам, а пауки выросли с добрый кулак. Да и как им было не вырасти, когда целая тысяча мух обитала в воздухе!

— Вы откуда такие? — ахнул хозяин, приглядевшись к гостям.

— Откуда надо! Болтай поменьше, сучок дубовый! Ты нас не видел, мы тебя не слышали! Крепче спиши — меньше знаешь! Язык долгий — век короткий!

Тихон с удивлением понял, что братец ведет себя и говорит точно так же, как неблагодарные арестанты.

— Хавку тащи, муфлон сарацинский! Берло да-

вой, леопард отмороженный с вершины Килиманджаро! Бациллу неси, не то все чакры тебе позатыкаю!

— Так бы и сказали сразу, что правильные люди! — обиделся старый Киндей. — Сейчас все разогрею, я тоже не без понятий...

— Братец, миленький, не нравится мне тут...

— Не привередничай, Тиша. Нам выбирать не приходится...

Хозяин проявил неожиданную расторопность и вскоре притащил две большие дымящиеся миски, доверху наполненные большими кусками тушеного мяса с овощами.

Вместо ложек были какие-то замурзанные деревянные лопаточки, а вилки тут вряд ли когда и водились — небось не королевский дворец.

— А почему стульев нет или хотя бы скамеек? Встояка-то гости больше сожрут! — сказал Терентий.

— Так гости устанут быстрей, — объяснил Киндей. — Угомоняйтесь, ночью бесчинствовать не будут. Ладно, ешьте, а я наверх схожу, посмотрю, что там у меня немцыри делают...

Как ни голодны были братья, как ни вкусно пахло угощением, но едва они сумели проглотить по куску.

— Что за диво? — сказал Терентий. — Вроде бы только что готов был хоть кошку съесть...

И добавил совершенно для себя несвойственное:

— Не к столу будь сказано!

Обычно-то он за столом как раз про всякие гадости говорил.

— Да я уже сыт, братец. Надо Василька покорить, миленького нашего...

Василиск, оказавшись на столе, весело забегал туда-сюда, опустошил сперва одну миску, потом другую.

гую, потом все кости и объедки уничтожил и даже столешницу вылизал!

— Странное создание наш Василек, — задумчиво произнес Терентий. — Жрет, жрет, а гадить не гадит...

— У него, миленького, метаболизм такой! — заступился за василиска Тихон и бережно отправил питомца отдыхать за пазуху.

Вернулся хозяин и почему-то страшно удивился, что все съедено. Он с недоверием взял миски и внимательно их осмотрел со всех сторон.

— Ага, — сказал он. — Вы, значит, еще и заговоренные... Вот что я вам скажу, ребятки, как свой своему. Я ведь в молодости тоже пошаливал! Не надо вам здесь ночевать. Я и сам бы не остался, да ведь расташат все без меня. Боюсь я этих немтырей. Что им надо, почему окольными дорогами ходят? Здесь обычно чужих не бывает, а заходят только такие, как вы. Какие между своими счеты?

— Что же нам — на конюшне ухо давить, чушка алюминиевая?

Старый Киндей не обиделся.

— Зачем на конюшне? Если пройдете по дороге шагов триста, то на той стороне увидите хороший большой дом. Там тоже постоянный двор. Хозяин добрый, любезный — не то что я. Он не наших земель человек. У него и чище, и дешевле, а уж как он любому постояльцу радуется!

Глава 16,

в которой старая поговорка поверяется делом

Кладбище в Столенграде большое и неуютное. Посконичи полагают, что мертвым уют ни к чему, а живым и так сойдет.

Не дошли еще руки у короля Стремглава до по-
госта, не успел он его обустроить, как в иных зем-
лях, — чтобы мог человек в грустную минуту пойти,
полюбоваться каменными фигурами, почитать над-
писи, сделанные на черных плитах, посидеть на ска-
мейке под темными елями (кипарисы в Посконии не
росли), подумать, помянуть ушедших, попечалиться
о себе и обо всем роде человеческом, поплакать и на
время успокоиться.

Даже почва здесь была какая-то негостеприим-
ная — рыжая охристая глина, зимой превращавшая-
ся в камень.

Королевские стражники — старые, надежные муш-
жики — разрывали свежую могилу и шептались меж-
ду собою, изредка опасливо поглядывая на стоящего
поодаль Стремглава.

— Он, как сыновья со двора съехали, чудесить
начал...

— Тебе бы так чудесить! Остался один как перст!
Только старца схоронил — ан и лучший друг в сырую
землю подался...

— Может, он у нас некромантом заделался?

— Скажешь тоже! Он колдовство на дух не пере-
носит!

— А помнишь, как тогда, ну... когда королева-то?

— Не болтай! Не нашего это ума дело!

— На что же ему мертвый Ироня понадобился?

— Значит, понадобился. У мертвых много чего
интересного можно узнать!

— Жалко Ироню. Я его еще по мятежному време-
ни знал...

— Как-то поспешно его похоронили вслед за стар-
цем. Ни тебе тризы, ни музыки...

— Стой, а это что за будыль торчит?

— Это бамбук называется, южное дерево...

— Смотри, прямо в крышку уходит! Ой, нечисто здесь!

— Помалкивай! Тех, кто шута Ироню погребал, от службы освободили и по дальним деревням разослали, земельный надел дали с хорошим пенсионом! Будем молчать — может, и нам повезет. Надоел мне этот город...

— Лезь с веревками вниз, ты помоложе... Да не подводи так близко к краю!

— Тихо! Батька Стремглав идет!

— Ну, вы скоро там, волки сивые?

— Сейчас, ваше величество!

Гроб вытянули и поставили на землю. С торчащим из него высоким коленчатым стеблем он походил на лодку с мачтой — да ведь у варягов, к примеру, и хоронят в ладьях.

— Все, — сказал король. — Спасибо. Ступайте к майордому, он знает, что с вами делать. Служили вы мне хорошо, доживайте век спокойно... Если только сужден нам этот покой! А факелы оставьте.

Стражники, кланяясь и бормоча благодарности, исчезли во тьме.

Король подошел к гробу, выдернул бамбуковый стебель, отбросил его в сторону, поднял лопату и подцепил крышку — только гвозди взвизгнули в кладбищенской тишине.

— Природа, мать зеленая! Неужели получилось?

— Хрен с вами, государь! — раздалось из гроба. — Дуракам везет. Килострат мне ничего не гарантировал. Да ты хоть руку-то подай, боевой товарищ!

Стремглав протянул руку.

Горбатый шут ухватился за нее, но... восстал из гроба совсем не горбун. Поднялся из домовины вы-

сокий стройный человек самого совершенного сложения.

Ироню бонжурские воины называли иногда в шутку «железный рыцарь Эйрон». Именно такой и восстал.

Король обошел приятеля, присвистнул:

— Ну, хорош! Теперь тебе точно быть коннетаблем!

— Не раньше, государь, чем принцев разыщу, да и то еще подумаю...

— Оголодал за неделю?

— Есть маленько.

Ироня сделал шаг, наладился было упасть, но Стремглав подставил свое плечо.

— Тебя и не узнать нынче!

— Так ведь у покойников борода быстро растет! И хорошо, что не узнают. А то принцы недовольны станут, что к ним опять няньку приставили...

— Только были бы живы, а там пусть ворчат сколько влезет, — с тоской сказал король. — Нет, бе-зумец я все-таки!

— Торопыга ты безбашенный, — сказал шут (да какой шут? На вид — герцог, не меньше!). — Вот сейчас подкреплюсь немножко — и в дорогу.

— Сколько раз в жизни я слышал, что горбатого, мол, могила исправит, — сказал Стремглав, — а не думал, что пословицу можно проверить делом.

— Я бы и сам не додумался... — ответил Ироня и вдруг воскликнул: — Государь! Я теперь на огонь могу глядеть и не смеяться! Вот спасибо Килострату! Когда он по дороге мне об этом толковал, я-то думал — хмельная болтовня... Кроме того, без его сна-добыя вряд ли бы такое средство сработало.

— Страшно было?

— А ты думаешь! Пока лежал, всю свою жизнь вспомнил и обдумал до мгновения. А как жизнь вся кончилась, стали мерещиться в темноте такие гнусные хари, каких сроду не видел: певец беззубый, лебедь рябой, бабка Босомыга, три нетопыря, лысый волк и семеро из мешка. Вот где я страху натерпелся! Не заметил, как седьмица пролетела! Килострат же этот последний глоток эликсира берег для себя. А потом говорит: не хочу, мол, смотреть, как все мои труды прахом пойдут. Я, говорит, все сделал, что было в моих силах, а теперь извольте сами. Ну да пророчество его ты сам ведь слышал.

— То-то что слышал. А понять ничего не понял. Как может белый конь быть вороным, а вороной — белым?

— Ну, может, он оговорился. На белом коне и на вороном... Постой, да не про тех ли он коней говорил, на которых мальчики поехали?

И чуть было снова не упал.

Стремглав взвалил шута на плечи и понес в сторону королевского терема.

— Это вздор, — говорил он, сопя. — Коней они уже потеряли, а может, и головы. Какие из них спасители?

— Ничего, — отозвался Ироня. — Спасение, бывает, оттуда приходит, откуда и не ждешь сроду. Помнишь ли, как помирали мы от жажды в русле высокой речки? Кто нас тогда выручил? Одноногий карлик.

— Найди их, верни. Ничего не пожалею.

— Найти найду, — сказал Ироня. — А если я их только в Бонжурии догоню? И оттуда возвращаться? Детям целый год терять? В невежестве жить? Ты лучше, пока я странствую, наладь почтовую службу. Мы

тебе все вместе напишем, как и что. Только коня мне подбери не белого и не вороного, а буланого: очень я эту масть уважаю...

И уснул — будто в могиле выспаться не было времени.

Глава 17,

в которой принцы попадают к очень доброму гостиннику, проживающему с весьма чистоплотной матушкой

Когда принцы подходили к обещанному хозяином постоянному двору, лягушки и жабы в ближайшем болоте подняли среди ночи страшный шум — должно быть, до них уже дошла дурная слава о близнецах как о мучителях земноводных. Это людей можно ввести в заблуждение, переменив имя и одежду, а природу не обманешь.

Ущербная луна с сожалением оглядывала себя, отраженную в трясинной промоине. На поверхности воды плавала дамская шляпка — похожие братья видели в гардеробе фрейлины Чумазеи.

Дом был большой, в два этажа, старый, но крепкий, выстроенный на совесть. Не постоянный двор, а настоящая гостиница, как в городе. Над дверью висела вывеска:

ИНОСТРАНЕЦ НОРМАН БЕЙТС

— С понятием человек строился, — сказал Терентий. — Тем более — иностранец. У него небось порядку побольше... Только тихо у него тоже и лошадей не слышно. Опять, что ли, пешие немтыри?

Он отвел было руку, чтобы как следует постучаться, да дверь внезапно отворилась сама...

Внутри дом был ярко освещен, но не пахло ни свечным салом, ни горелым маслом. И прогорклой пищей не пахло.

Близнецы, озираясь, вошли в гостиницу.

Что-то в ней было не так. Сразу и не сообразишь, что именно.

Ага, вот что: все в ней было только черно-белое. Ну, понятно, с оттенками. А вот ничего зеленого там или желтого с красным не водилось...

— Терешечка, мне тут страшно...

— Вот нытик! А на дворе ночевать не страшно? С немтырями?

С потолка свешивался шнур, а на конце шнура сиял так, что после темноты пришлось прищуриться, невиданный доселе светильник в виде шарика.

Раздался мелодичный голос:

— Чем могу служить?

Голос принадлежал молодому, ненамного старше братьев, человеку с узким белым лицом и пронзительными черными глазками.

Он сидел за деревянной стойкой, скрывавшей его по грудь.

Не дожидаясь, пока братец вывалит какую-нибудь грубость, Тихон жалобно сказал:

— Нам бы переночевать...

— Сколько угодно! Живите хоть до самой смерти! Мы с мамочкой всегда рады любым гостям! Будем знакомы — Норман Бейтс!

Он говорил на чистейшем посконском, но голос его словно бы принадлежал другому человеку: губы шевелились не в лад со словами...

— Чисто живешь, — одобрительно сказал Терентий вместо ожидаемого хамства.

— Это все мамочка, — сказал Норман Бейтс. —

Она у меня такая чистюля... Да вы проходите, проходите, смелее. Вот только я ваши имена в книгу запишу... Назовите их, пожалуйста.

Братья переглянулись, явно предостерегая друг друга от возможного нарушения тайны.

— Леон я... — сказал Тихон.

— А я Парфений, — сказал Терентий. — Мы дети лесоторговца Таская...

И, подумав, добавил:

— Покойного...

Норман Бейтс вытащил из-под стойки толстенную книгу, взял круглую черную палочку и что-то написал. Потом перевернул книгу к гостям и палочку им предложил:

— Распишитесь, пожалуйста!

Тихон с удовольствием увидел свое новое имя и вывел с помощью удивительной палочки: «Леон».

А Терентий прочитал не только свое и брата имена, но и то, которое было последним до них.

— Э, да у тебя, никак, девка ночует! Хороша ли?

Владелец гостиницы сперва побелел, потом покраснел.

— Н-не знаю, — сказал он. — Мисс Мэрилин внезапно уехала. Мне показалось, что она от кого-то скрывается...

Терентий крякнул.

— Жаль! Уж от меня бы не скрылась!

— Поднимемся наверх, — сказал Норман Бейтс. — Я покажу вам ваши комнаты. Вот и ключи от них. Мама, я сейчас! — предупредил он невидимую маму.

Ключи, небольшие и блестящие, прикреплены были к деревянным грушам.

— Что же он про деньги ничего не сказал? — прошептал Тихон, когда поднимались по лестнице.

— А мы встанем пораньше и смоемся! — ответил Терентий. — Как хорошо, что каждому по комнате! Надоел ты мне за дорогу-то!

— Можете принять душ, а потом поужинать, — предложил Бейтс.

— Я с удовольствием! — воскликнул Тихон. — А что такое душ?

Вместо ответа гостинник открыл одну из десятка дверей, идущих вдоль коридора.

Там оказалась небольшая комната, освещенная таким же ярким светильником, что и внизу. Стены были выложены белыми плитками. По стенам шли железные трубы, уходили вверх, а уж оттуда свисала перевернутая железная чашка.

К трубам были прикреплены рычаги.

— Это — холодная вода, а это — горячая, — объяснил Норман Бейтс.

Он тронул один из рычагов — из чашки пошел дождь!

— Здорово! А дом не зальет? — встревожился Тихон.

— Так тут же слив есть...

Действительно, под дождевой чашкой в пол был вделан белый лоток с отверстием. Тихон внимательно смотрел, как вода уходит не пойми куда. А на краях лотка водяные капли были какие-то темноватые...

— Я сейчас все тут приберу! — захлопотал гостинник. — Кто из вас моется первым?

Тихон посмотрел на Терентия. Тот махнул рукой.

— Баловство это — мытье ваше! Мне бы только до кровати доплестись, а потом меня плетью не подымешь! Да мне и нельзя прическу мочить...

— Прекрасно! — обрадовался Норман Бейтс. —

Только на ночь не закрывайтесь — не от кого, а утром я завтрак подам прямо в постель...

— Ну, я пошел! — объявил Терентий и действительно пошел.

Комната была небольшая, постель — удобная, а простыни такие белые, что Терентий даже устыдился своей немытости и пожалел, что уступил свою законную очередь этому проныре Тихону. За дверью прошуршали шаги гостинника, зашумела вода в душе. Хитрый Тихон стоял под теплым дождиком и напевал про любовь и про мир во всем мире.

Терентию стало скучно, а спать почему-то вдруг расхотелось. Он снял тяжелые башмаки, беззвучно открыл дверь и спустился вниз. Сразу определил, где кухня.

Там было на что посмотреть: плита большая, а куда класть дрова — непонятно. Да и не было никаких дров, и угля не было.

Зато имелся ледник — не в погребе, как у всех добрых людей, а прямо на кухне.

Терентий живо сообразил, как этот белый ящик открывается.

Внутри хранились всякие вкусные вещи. Терентий снова почувствовал голод, схватил палку черной колбасы и сгреб половину, а половину спрятал под жилет.

Так. Наелся. Теперь бы еще...

Тем временем Тихон намыливал мочалку каким-то душистым серым мылом. Одежду свою он развесил на крючки, торчащие из стены, а спящего Василька положил на табуретку. Неизвестно ведь, можно ли мыть василисков.

В душе имелась и занавеска, сделанная из полу-

прозрачной не то кожи, не то ткани — вроде рыбьего пузыря.

Тихон пел старинную песню:

Выхожу один я на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.
Ночь тиха, пустыня внемлет богу —
Загрустила тяжко обо мне!

Не жалею, не зову, не плачу,
И не жаль мне прошлого ничуть.
Увяданья золотом охваченный,
Я б хотел забыться и заснуть...

В небесах торжественно и чудно
Часто чудится одно и то ж...
Что же мне так больно и так трудно?
Саданул под сердце финский нож?

Не грусти, родная, успокойся.
Я б хотел навеки так заснуть.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь!

Внезапно повеяло холодом — дверь открылась.
Потом послышался женский визг и хохот Терентия...

Тихон перепугался, быстро отдернул занавеску.
В дверь протискивалась женщина в черном чепце,
почти закрывавшем лицо. В руке у женщины был
громадный нож. Терентий обхватил ее за пояс и пы-
тался удержать, но баба попалась, как видно, здор-
вая...

Голый человек беззащитен, а если в глаза ползет
щиплючее мыло — беззащитен вдвойне.

Рука с ножом приближалась...

— Берегись, брат! — отчаянно вскричал Терен-
тий.

Рука с ножом застыла. Терентий без труда пова-
лил женщину на пол, отобрал нож.

Тихон промыл глаза.

— Чего стоишь, дура голая? — рявкнул Терентий. — Помоги этого ишака кировабадского связать, пока не очухался!

Нахватался он, однако, словечек от бочковых арестантов!

Тихон бросился на помощь.

— А я, главное, думаю, — торопливо говорил Терентий, ловко нарезая лентами длинную черную юбку, — хозяин-то молодой, значит, и мамаша должна быть еще годная в дело. Дай-ка, думаю, посмотрю, что за мамаша. Слышу — идет кто-то. Выглянул — точно, баба. Я тихонечко за ней. Смотрю — к тебе направляется. Хочет, видно, посмотреть, как у тебя что устроено. Меня зло взяло — разве у меня-то хуже? Подскочил к ней, задрал юбку — ан под ней портки!

— Кто же это? — ужаснулся Тихон.

— Гостеприимец наш — Норман Бейтс! Ты мне должен спасибо сказать, а пуще того — Васильку. Он от моего крика, видно, проснулся... Одному мне бы не справиться, — вздохнув, признался он. — Все-таки взрослый парень уже этот Норман...

Маленький василиск, исполнив свой долг, сладко зевнул и свернулся калачиком на табуретке.

Тут и Нормана Бейтса, иностранца, отпустило. Он разинул рот — хотел заорать, только Терентий живо содрал с него чепец и тем чепцом заткнул опасное отверстие. Ни рукой, ни ногой гостинник все еще не мог шевельнуть — но уже по другой причине.

— Зачем, братец? Может, он нам хочет все объяснить!

— Мне его объяснения до пихты и до ели.

Тихон отчего-то не стал возражать, вернулся под душ и смыл с себя пену.

Потом мычащего хозяина перенесли вниз и положили за стойкой, чтобы не видно было с порога. Но все равно Терентий запер дверь.

— А теперь посмотрим, чем этот бобер бомбейский богат...

— Братец, воровать-то плохо! Рыцари не воруют...

— Да уж чего хорошего, — согласился, чтобы не расстраивать близнеца, Терентий и полез по всем комнатам подряд.

— Воровать рыцари не воруют, — приговаривал он, заглядывая во все шкафы и комоды, — а от законной боевой добычи не отказываются...

Норман Бейтс жил и взаправду не бедно. Вот только ящик, в котором он хранил деньги, был железный, и пришлось с ним повозиться — благо, хоть инструмент нашли.

— Ну, вот и дорожку оправдали, — сказал Терентий. — Теперь купим коней, опять как люди пойдем... Только освобождать я никого больше не согласен!

В одной из кладовых нашли заплечный мешок и договорились наперед тащить его по очереди, поскольку набили мешок основательно: и съестных припасов набрали, и одежды, и много всяких вещей, без которых не обойтись в дороге.

Нашлось и оружие — ведь арестанты мечи-то у героев отобрали. Терентий, подумав, прихватил нож, едва не поразивший брата, а для Тихона выбрал ладный топорик.

Проверив очередную комнату, Тихон заорал благим матом, поскольку употреблять мат неблагий ему натура не позволяла.

— Чего орешь, дурак? Киндей услышит!

— Братец, миленький! Там... Там...

Там, в совершенно пустой комнате, сидела в кресле женщина в черном и в черном же чепце. И давно, видно, сидела, поскольку успела уже истлеть — только зубы щерились навстречу близнецам. Из-под чепца торчали седые космы.

Кресло было не простое — ножки у него с каждой стороны поставлены были на деревянные дуги.

И оно раскачивалось. Туда-сюда, туда-сюда...

— Вот она какая, мамаша-то, — разочарованно скривился Терентий. — Успокойся, Тихон, как же ты будешь рыцарские подвиги совершать, коли мертвяков боишься?

Но дверь поспешил закрыл и вспотевший лоб вытер.

А уж о сне братья и не помышляли.

Тихону поручен был под опеку гостинник:

— Если начнет развязываться — бей по башке! Да ты не будешь бить, размазня. Тогда кричи погромче. А я тут подвал нашел, надо обследовать...

Тихон ждал-жал брата да и задремал. Ему снилась мама, которую он никогда не видел. Мама гладила его по голове и напевала колыбельную на чужом языке — вроде бы знакомом, а все-таки незнакомом. Потом в руке у мамы блеснул давешний нож...

— А? Что? Где? — вскочил королевич.

Василек теребил его за рукав.

— Беда близко, — пропищал он.

— Что за беда? — Тихон посмотрел на пленного.

Развязаться тот не сумел, а глазами сверкал куда как злобно.

— У меня слов нет, — сказал Василек. — Беда, и все.

Примчался встрепанный и какой-то закопченный Терентий.

— Бежим, Тишка! — крикнул он. — Я, кажется, опять что-то не то сделал...

Терентий подхватил заплечный мешок, Тихон — Василька.

— А этот... Куда его?

— Пусть тут скучает...

Странный светильник наверху ярко вспыхнул, погас и, судя по звуку, лопнул.

В темноте еле нашли выход, кое-как нашули задвижку.

— Подальше, подальше, — торопил Терентий. — Там, в подвале, такое... И не расскажешь. Что-то гудит, кипит... Котел какой-то, колесики всякие... Я так понял, там свет этот делаётся. Ну, я колесико одно покрутил... до упора... А этот котел как заревет! Думаю, надо отсюда убираться. Вдруг в кotle какой-нибудь демон угрелся?

— А как же Норман Бейтс? Он, наверное, миленький, не виноват... У него хоть такая мама есть, а у нас совсем никакой...

Терентий остановился. Лицо его в лунном свете было страшным.

— Ты книгу эту видел?

— Видел, а при чем...

— А при том! У него много людей останавливалось, и всех он их зарезал в мамином платье! Вот тебе и рыцарский подвиг — это все равно что людоеда поразить!

Хорошо, что отбежали подальше.

Гостиница Нормана Бейтса поднялась вверх, словно под нее подвели огненный фундамент. Бабахнуло так, что королевичи попадали — едва ли не в болото.

Обломки строения рухнули в огонь.

И сгорело все в одно мгновение, с великим бе-

лым дымом, и запах у дыма был какой-то не деревянный — резкий, удушливый...

— Бежим, а то сейчас Киндей примчится со своими немырями!

— Куда?

— Куда бежится!

Они припустили по дороге.

Было светло — примерно как при вечерней заре.

Глава 18,

в которой объясняется, почему на постоялом дворе Киндея людям кусок в рот не лезет, а также открываются куда более важные тайны

— Значит, говоришь, не видел?

— Не видел, господин. Никаких мальчишек не видел. Да и не положено еще таким ходить без взрослых... У меня тут мало кто бывает, совсем дело хиреет...

Ироня сделал вид, что не заметил проговорки старого Киндея.

Другие гости постоялого двора жались на другом конце стола и кидали на Ироню опасливые взгляды. Сразу было видно, что человек знатный и хорошего воспитания: чуть что не по нем — сейчас в морду.

— Таши, что там у тебя есть. Только смотри, чтобы посуда была ЧИСТАЯ... А потом ты от меня будешь мух отгонять...

— Слуш-слушаюсь...

Ироня подошел к людям.

— А вам двое парнишек не попадались?

— Нет, сударь, мы люди простые, темные, ездили в Столенград за скобяным товаром... Ежели бы видели, так скрывать не стали!

— Одного видели, — сказал пожилой возчик. — Только он не парнишка. Разбойник он самый настоящий...

— Давно их на дорогах не встречали! — добавил кто-то. — Откуда и взялся?

— Ну и что?

Пожилой возчик поскреб грязную столешницу.

— Хотел он нас ограбить...

— Ограбил?

— Да не очень. Скобяные изделия — они и дорогие, и тяжелые. Жалко нам стало товару-то... Ну, а потом унесли его с дороги в лесок подальше, чтобы народ не смущать...

— Вот и молодцы, — сказал Ироня. — Хвалю. Другие остались бы без портков и орали: «Куда король смотрит?»

— Два меча при нем было, в каждой руке! — похвастался возчик, вдохновленный похвалой большого человека. — Ну, мы с братом его в два кнута — и отобрали мечи-то...

— Ну-ка покажи! — потребовал Ироня.

Пожилой возчик с кряхтением поднял с пола сверток из мешковины.

Мечи Ироня отбирал сам, под руку каждому из королевичей. Один в черных ножнах, другой в белых.

— Покупаю их у вас, — сказал он и, не дожидаясь согласия и цены, выложил на стол пригоршню золотых.

— Это еще и за храбрость, — сказал он, снова завернув мечи в мешковину. — Хоть поешьте и выпейте вволю...

— Эх, сударь, — сказал возчик. — Пробовали. Ну не идет кусок в горло, ты не поверишь! И так всегда у

Киндея! Вроде и приготовлено с душой, и слюнки текут — а вот поди ж ты! Самое же дивное, что и не пьется здесь!

— Из-за мух, что ли?

— Да вряд ли... А вон Киндей и тебе угощение несет! Сам попробуй!

Ироня вернулся на свой конец стола. Хозяин поставил перед ним относительно чистую белую миску. В ней было не какое-нибудь обычное варево, а сам барадий бок с гречневой кашей.

Киндей хотел было уйти, но Ироня придержал его:

— Обожди! Может, мне не понравится — так потом гоняться за тобой, чтобы миску на голову надеть?

Ложку ему подали настоящую — и, возможно, единственную в заведении.

Ироня пальцами оторвал кусок мяса, зачерпнул каши ложкой, кое-как проглотил.

— В самом деле не хочу больше, — удивленно сказал он.

— Так все знают, что у меня еда сытная-сытная! Одного глоточка, малого кусочка за глаза хватает!

Ироня поднял миску, глянул на донышко.

— Киндей, — тихо сказал он. — Я тебя сам бить не буду. Я просто вон тем мужичкам расскажу, что ты на всякую кружку и тарелку снизу прилепляешь иголки, которыми саваны шили. Знакомый прием. Продукты бережешь, совиньон жалеешь... Одно и тоже блюдо всем гостям подаешь... Мужички они боевые, поучат тебя как надо. А коли останешься живой, они по всем дорогам разнесут, какой ты бережливый хозяин!

Все веснушки на Киндее побледнели.

— Говори, узда старая, видел мальчишек?

— Выйдем, сударь...

Буланый жеребец шута стоял над кормушкой с отборным ячменем, но есть тоже не желал.

Киндей, не дожидаясь пинка или зуботычины, нырнул под кормушку, вытащил проклятую черно-кудесную иголку, хотел спрятать ее в кулаке, но Ироня отобрал.

— Ищи! — И швырнул иголку в кучу сена.

Буланый резво принялся за ячмень.

— Врать не смею, господин, — быстро заговорил Киндей. — Были они тут с неделю как. Но у меня все места были заняты, я и отправил их на другой постоянный двор — тут недалеко.

— К сопернику сам отправил? — не поверил Ироня. — Да и не многовато ли постоянных дворов для полузабытой дороги? Ну, пойдем туда!

— Некуда идти, ваша милость. В ту же ночь сгорел он, супостат.

— Как сгорел?

— Обыкновенно, ваша милость. Может, мальчишки с огнем баловались, может, еще что...

— Пошли, вибрион ластоногий! Веди!

Потом Ироня долго бродил по пепелищу — переворачивал горелые балки, разгребал золу мечом, склонялся над заинтересовавшими его предметами.

Нашел и человеческие останки. Застыл, держа в каждой руке по черному черепу.

— Нет, — сказал он с облегчением. — У моих зубки были один к одному, а эти оба карзубые...

— Вот и славно, вот и любо... — присоединился было к его радости Киндей, но шут сгреб его за ворот и поднял над землей.

— Говори, — сказал он. — А то такой же станешь! Говори всю правду, я хорошо слышу, когда врут...

— А за настоящую великую тайну помилуешь? — с надеждой спросил Киндей. — Есть у меня для тебя тайна...

— Послушаю — может, и помилую, — решил Ирона.

— Они еще прошлым летом объявились...

— Кто объявился?

— Немыри эти!

— Я же тебя про мальчишек спрашиваю!

— Да я и говорю — только с самого начала. Пришел десяток немых, все в черном. Между собой на пальцах изъясняются. А один все же говорящий. Вот он и говорит: «Нет ли у вас мертвых тел на продажу?» Я отвечаю: «Да кому они нужны, покойные-то? Ведь это же совершенная дрянь!» А он: «Очень даже не дрянь. По золотому за тело платить будем». Дорога-то наша не из многолюдных, сплошные убытки. Вот я и соблазнился. За такие деньги, говорю, я вам весь здешний погост перекопаю. У нас всякое бывает: драки, поединки... Тех, кто в дороге захворал, у меня оставляют, да не все выздоравливают...

Короче, навалил им полную телегу. Говорун поворчал, что останки несвежие, но расплатился. Через год, говорит, опять приедем, готовь товар. Сел за возницу и поехал. Немыри пошли следом, но в отдалении — почему-то кони от них шарахались, как от медвежьего сала.

А где я ему мертвяков-то наберу? Травить всех подряд проезжающих?

На счастье, у меня сосед объявился. И как-то враз. Должно быть, маг немалого ранга, хотя что бы здесь магу делать, в нашей глупи? А только не было

с вечера никакого дома и никакой вывески, утром же гляжу — стоит. И моей завалюхе с ним не равняться. Хоть уходи с насиженного места — все, кто побогаче, норовят у него остановиться.

А потом стал замечать — в дом-то постояльцы входят, а вот оттуда — не очень...

Я хозяина этого, Нормана, взял за грудки. Или донесу, говорю, или входи в долю. На тех, кого ты тут кончаешь, дополнительно заработать можно. Он подумал-подумал, да и согласился. Мертвяков мы придумали в болото швырять: в торфе тела сохраняются много лучше, не в пример сырой земле. Так и работали на пару, пока отроки твои не заявились. У меня сердце кровью обливалось, да ведь за молодых и здоровых покойников немцы вдвое обещались платить! Вот я их к Норману и отправил. Но, видно, сплоховал Норман, они его опередили... Зря только сожгли, не по-хозяйски это!

— Все? — спросил Ироня и достал кинжал.

— Все... Э, господин хороший, я ведь тебе великую тайну про скопку мертвых рассказал, как договаривались!

Шут усмехнулся.

— Недорого твоя тайна стоит. Не к тебе ведь одному эти немцы заезжали. Слухи о том ходят уже давно, только руки не доходили проверить. Или лучше не марать мне благородный клинок, возчикам тебя отдать?

Киндей затрясся:

— Я старый человек, мне и так жить недолго! У меня детей мал мала меньше, мне их на ноги надо поставить!

Ироня похлопал его по плечу.

— Жить осталось мало, а детей поднять рассчи-

тываешь? Да нет, крепкий ты еще... Много вреда можешь принести... Сам теперь начнешь резать людей, ляп тебе в текст!

— Нет! Нет! Я крови боюсь!

— Или все же повесить? — раздумывал Ироня. — Приезжали снова твои немтыри?

— Нет еще! Жду! А отрокам я наврал, будто они уже здесь, да такие страшные! Они и вправду страшные!

— Знаю, — сказал Ироня. — Видел уже одного. Как же тебя в живых оставлять? Ты еще, чего добро-го, навстречу им побежишь, предупредить захочешь...

— Искуплю вину, только жить оставь! Созову мужиков с хуторов соседних, мы всех повяжем и в столицу пригоним!

— Нет тебе веры, — вздохнул Ироня и вынул кинжал из ножен.

Киндей наконец-то догадался пасть на колени.

— Отец родной! Не режь, не вешай! Я тебе другую тайну поведаю, совсем страшную! Государственную! Ее, кроме меня, лишь сам король знает...

— Да ну? — не поверил шут. — Откуда бы такая срамотень, как ты, знала королевские тайны?

— Так ведь не всегда я проживал в глухи! — горячо заговорил Киндей. — Я некогда в Столенграде был первый могильный вор! Меня так и звали — Гробокоп-один! Я всегда знал, кто из богатеньких по-мер и где похоронен. Не одного обчистил, да так, что на могилах и следов не оставалось.

А когда королем стал Стремглав, всем ворам пришлось туго — ну да ваша милость о том лучше меня знает, вы ведь человек непростой, хоть никогда я вас раньше и не видел. Жил я себе тихонько в до-

мишке за Рыбным рынком, жил, да весь как есть прожился. Если бы не бедность, нипочем бы не пошел на такое...

Покуда королеву не заточили в башню, ее ведь всякий мог увидеть — на праздник, к примеру. И ожерелье ее из эльфийского камня колорита. Я в камнях-то разбираюсь. Давно мне это ожерелье пришлось по сердцу. За него в Немчурии мешок денег могут отвалить.

Ну, потом началась вся эта заваруха...

— Какая заваруха? — ледяным голосом спросил Ироня.

— Ну... — замялся Киндей. — Ну, то ли сами не знаете? Когда наследники родились, когда король королеву... того... Когда башня сгорела...

— Продолжай, — приказал Ироня.

Радуясь лишним мгновениям жизни, могильный вор зачастил:

— И решил я, что без этого ожерелья мне не жить! Один разок сделаю дело, думал, и до смерти больше за лопату не возьмусь, к погосту не подойду — разве что принесут. Смотрю — оставили от башни лишь каменную основу. Узнал, что теперь там королевская усыпальница. Видел, как вносили внутрь каменный гроб. Подождал года три, пока король не снял оттуда караул. Сам слухи распускал страшные, что вокруг склепа слышатся голоса и ноги у людей отнимаются. Заказал у слесаря рычаг с винтом, чтобы крышку поднять, — своих силенок не хватило бы.

Дотерпел до Купальной ночи, когда весь город на ночь побежит к реке жечь огни. В такую ночь уж точно никто не осмелится и близко подойти. А копать я мастер.

Залез внутрь. Применил рычаг с винтом... Еле-еле приподнял крышку...

— Ну, ну?

— Пусто там было. Только высохшие цветы лежали. То ли опередил меня кто, думаю? Вроде некому, вся молодежь на верные заработки подалась, да и не осмелились бы они на такое, молодые-то — измельчал народ. Вот тебе вся тайна — или, скажешь, не государственная?

Ироня молчал.

— А теперь пойдем, доброго вина выпьем! — предложил старый Киндей. — Обсудим толком засаду на немых...

— Никому о том не рассказывал? — спросил Ироня.

— Как можно! Берег на крайний случай вроде нашего...

Шут посмотрел на рассказчика, вздохнул — и заснул ему кинжал под ребра по самую рукоятку.

— Слова я тебе не давал, — сказал он хрипящему могильному вору на прощание, — а тайна тебе не по плечу подвернулась. Ее и для двоих многовато...

Глава 19,

*в которой появляется обещанный
старцем Килостратом конь странной масти*

— Дурной у нас все-таки батя, — сказал Терентий. — Нет чтобы дать нам в охрану сотню копейщиков. А вот теперь куда мы зашли, в какую сторону направляемся?

Видимо, на каких-то расстояниях они выбрали неверную сторону, потому что дорога становилась все более заросшей, темные деревья поднимались чуть не до неба.

— Не злословь батюшку, братец. Он ведь всю жизнь нам, неблагодарным, посвятил! — отозвался Тихон. — Он бы вполне мог во второй раз жениться, тогда бы нам не поздоровилось...

— С чего это? — не поверил Терентий.

— Кто сказок не знает, тот и всей жизненной правды не ведает! Мачеха бы нас невзлюбила, обделяла куском да еще каждый день батюшку пилила: отведи да отведи сыновей в дремучий лес подальше! Батюшка бы поплакал-поплакал, да делать нечего — отвел бы в самую чащу и там броси-ил...

Тихон всхлипал от собственного воображения.

— Нет, правильно в иных странах говорят, что мы дурачки, — сказал Терентий. — Про меня, конечно, злобно клевещут и передергивают, а вот про тебя чистую правду творят. Идиот! Мы и без всякой мачехи в дремучем лесу очутились! Далеко — дальше некуда! Ни деревни, ни домика! Нет, я думаю, с мачехой совсем другая бы история была... Он бы, конечно, молоденькую взял, из царствующего дома...

— Почему обязательно молоденькую?

— Ну как почему? Когда человек любимую собаку потерял, он, если новую хочет завести, всегда ведьщеночка возьмет? Так и тут. Уж я бы эту мачеху...

Терентий хотел было сладко потянуться, да не позволил заплечный мешок.

Василек, соскучившись жить за пазухой, вылез на Тихоново плечо.

— Плохо впереди, — предупредил он.

Терентий вытащил нож из-за короткого голенища, велел брату взять топор.

— Да уж, за поворотами ничего хорошего не бывает... — сказал он.

За поворотом оказалось не плохо, а очень плохо.

Сперва братья услышали конское ржание, потом рычание, потом звучную брань на чужом языке.

Всадника в латах, сидящего на огромном вороном жеребце, окружила волчья стая хвостов в десять. Волки приседали на задние лапы, бросались на шею коню, но тот, взлетая на дыбы, отбивался передними копытами, словно лось. Два зверя с раздробленными башками валялись на земле.

Сам же всадник брезвально мотался в седле, не вытащив ни меча, ни топора. Закованные в сталь руки бесполезно гремели о панцирь. Видимо, надеялся разогнать хищников одними проклятиями.

— Бежим назад, — сказал Терентий. — Нам с волками не совладать. Коня, конечно, жалко...

— А всадника не жалко? — взвился Тихон. — Они же его, миленького, загрызут! Василек, неужто не выручим благородного рыцаря?

— Попробуем, — без всякого задора пискнул валиск.

Тихон, размахивая топором, кинулся вперед.

Терентию ничего другого не осталось, как присоединиться. Что толку бежать, если тут же рухнешь с вырванным горлом?

Василек уж постарался. Он мотал своей петушиной головкой туда-сюда, стараясь не задеть взглядом коня.

Братья с великого перепугу действовали на редкость слаженно. Стоило какому-нибудь зверю на мгновение замешкаться под воздействием каменящего взора, Терентий умело выпускал ему потроха (не зря, видно, котят мучил!), а Тихон пусть неумело, зато очень сильно бил ближайшего волка в голову.

Долго биться не пришлось. Василисков звери боятся много сильнее, чем людей. Недаром в этой чаще

братья до сих пор не встретили ни одного четвероногого.

Уцелевшие волки, жалобно скуля, помчались в лес.

Белый жеребец успокоился, а всадник бессильно свесил руки.

— Что за дела? Он же вроде вороной был... — сказал Терентий.

Тихон чмокнул Василька в клюв. Малыш здорово устал и свесил головку набок.

Братья стояли по обе стороны от коня.

— Так он вороной и есть, — сказал Тихон.

— Сам ты вороной! Белый, как снег!

Всадник что-то произнес на том же незнакомом языке. Должно быть, благодарил.

— Простите, шевалье, но мы вас не понимаем! — ответил Тихон по-бонжурски.

К счастью, всадник знал язык Пистона Девято-го — как, впрочем, и многие знатные люди в Агено-риде.

— Я двумастный, — сказал он. — Благодарю вас, юные герои. Без вас мой скорбный путь имел бы бесславное завершение...

— Чего ж ты сидел, словно куль с дерымом? — спросил грубый Терентий. Бонжурским он владел хуже Тихона, но уж слово-то *merde* как-нибудь знал.

— Разве вы не видите, что я убил по крайней мере троих? — возмутился всадник.

— Это конь твой! Он похрабрее тебя! — не унимался Тихон.

— Так я сам и есть конь!

Только тут братья сообразили, что говорит действительно вороной (белый?) жеребец.

— А что с твоим хозяином? Он заболел или напился пьян? — спросил Терентий.

Белый (вороной?) жеребец с достоинством ответил:

— Всадник, увы, существует лишь для отвода глаз — чтобы у простолюдинов не возникло желания захомутать меня на полевые работы. Такие попытки неоднократно имели место...

— Простите, достойнейший... — Тихон запнулся.

— Дон Кабальо, — представился конь. — Таков мой боевой псевдоним — и, боюсь, подлинного имени мне уже не суждено носить... А эти славные доспехи некогда принадлежали мне. Когда случается встретить мне рыцаря, то он, как правило, вступает в разговор, надеясь обрести во мне либо союзника, либо соперника. Тогда я предлагаю ему кончиком копья поднять мне забрало. Убедившись, что в шлеме пусто, эти бедняги спешат ускакать куда-нибудь по-дальше. Вероятно, они полагают, что повстречали пресловутого Всадника Без Головы, легенды о котором ходят в любом народе. Я не стараюсь разубедить их. И здесь нет урона моей рыцарской чести — я ведь не оскверняю уста ложью. Еще раз хочу поблагодарить вас за помощь и предложить свои услуги — вижу, что вы утомлены... Куда вы направляйтесь?

— В город Плезир, дон Кабальо, — поклонился Тихон. — Наш отец, достойнейший и непобедимый...

Терентий ткнул брата в бок так, что сам охнулся.

— Да, батя наш, покойный купец Таскай, в кулачном бою был непобедимый, — сказал он. — Меня зовут Парфений, а брата — Леон.

— Купец? — удивился конь. — Никогда бы не подумал. Вы производите впечатление отпрысков знат-

ногого рода. Впрочем, я лишен сословных предрассудков и охотно взял бы вас в оруженосцы... Да и доспехи мои давно никто не чистил...

— Нашел холуев... — начал было Терентий, но на этот раз Тихон сунул братцу в бок кулаком и тоже охнулся.

— С великой радостью, — сказал он. — Но мы направляемся в Плезир для того, чтобы поступить в старейшую Академию Агенориды.

— В Плезир, — разочарованно сказал конь. — В холодный, рациональный Плезир... На земле Бонжурии перевелись настоящие маги, а эта их наука бессильна мне помочь. Но я с удовольствием отвезу вас туда — обычно я обхожу города стороной во избежание ненужных расспросов. Да и найдется в конце концов какой-нибудь смельчак, снимет с меня эту железнную скорлупу, сам сядет в седло и поедет искальвать подвигов. А я не вижу причины, чтобы одному благородному дону возить другого на горбе! Вы же, отважные Леон и Парфений, будете считаться как бы моими хозяевами, и тогда недоразумений не возникнет.

— Как же ты нас двоих повезешь? Тяжело! — сказал Терентий.

— О, я гораздо сильней, выносливей и долговечней обычной лошади, — сказал дон Кабальо. — Лишь поэтому и таскаю до сих пор копыта по белу свету.

— А почему вы, благородный дон, с одной стороны белый, а с другой — вороной? — спросил Тихон и снова поклонился.

— У вас, мой юный друг, отменные манеры! — похвалил конь. — Что же касается моей масти... Знаете что, дон Парфений и дон Леон, залезайте-ка мне

на спину. Оба, оба, не бойтесь. Это для меня не по зор, а оказание дружеской услуги. Надо поскорее покинуть сию мрачную сельву, покуда все здешние волки не объединились против нас. А по дороге я расскажу вам свою печальную повесть...

Глава 20,

в которой дон Кабальо не только рассказывает печальную повесть, но и поет не менее печальную песню

...При рождении нарекли меня Раймундо, и был я единственным наследником одной весьма знатной семьи в славном столичном городе Кособуокко. Родители мои, дон Сенильо и донна Бабуссия, были уже в летах, поэтому рождение мое сочли настоящим чудом и баловали меня, как ни одного ребенка в Неспании. К моим услугам были лучшие лакомства, редчайшие игрушки и мудрейшие наставники.

Увы, наставления их не пошли мне впрок! Выросши до совершенных лет, я начал делить свой досуг между занятиями алхимией, игрой в кости, выпивкой и волокитством. Я сорил золотом, надеясь впоследствии совершить Великое Делание и обрести этот металл в неограниченных количествах. .

Едва ли не каждый вечер приходилось мне участвовать в поединках из-за прекрасных глаз, едва ли не каждую ночь проводил я под балконом очередной неприступной сеньориты, а то и замужней дамы, распевая любовные песни собственного сочинения в сопровождении нанятых музыкантов. В девяти случаях из десяти наградой мне была сброшенная веревочная лестница...

(«Правильный мужик, — заметил Терентий на родном языке. — Знает в жизни толк. Вот только петь-то зачем?»)

...Иногда же и это живейшее из наших наслаждений мне надоедало, я удалялся на несколько недель в свою лабораторию, оснащенную по последнему слову алхимии. Там, склонившись над атанором, пытался я постичь связь элементов между собою, разделить неделимое и соединить несоединимое, там штудировал древние сарацинские рукописи, разгадывая туманные символы и улавливая самую суть тончайших иносказаний. Мне даже удалось повторить опыт великого Ал-Каши Бухани, после чего я три дня пролежал в беспамятстве и целую неделю мучился головной болью...

(«Вот дурак, — сказал Терентий. — Надо было опохмелиться — это у нас каждый мужик знает.»)

...Но и это благороднейшее занятие вскоре начинало меня тяготить, и тогда я устремлялся в таверны, где в компании таких же молодых повес трятил отцовские деньги на дорогие яства и вина, не гнушаясь при этом ласками девиц из низшего сословия...

(«Опять правильно, — одобрил Терентий. — Кто же на сословие смотрит? Поперек еще ни у одной не было. Надеюсь, что ему при этом хоть песен петь не приходилось...»)

...И надо же было тому случиться, что на празднике в Майский день судьба моя переменилась.

Как обычно, горожане, разделившись по сословиям и степеням знатности, прогуливались под королевским балконом. Первыми шли славнейшие из грандов, неся личные знамена и портреты членов королевской семьи. Потом следовали верхами благородные доны, овеянные боевой славой, — вместе с походными повозками и осадными орудиями. Купцы показывали и хвалили на ходу лучшие образцы своих товаров, ремесленники, разбившись по цехам,

катили громадные бочки и великанские башмаки на колесах, дабы обозначить плоды своего труда.

Король Транспаранд и королева Догорелла стояли на балконе, окруженные верными министрами, и громко приветствовали своих подданных, а те отвечали им раскатистым боевым кличем.

Особенно отличилась в тот раз колонна столичных магов и алхимиков, которую сопровождала самодвижущаяся платформа. На платформе стояла нарочито изготовленная стеклодувами реторта невероятных размеров, а в реторте танцевала прекраснейшая из девушек, наряженная в костюм Красного Льва.

Сердце мое забилось, как никогда раньше, и я поклялся себе, что девушка эта будет моей.

Я узнал потом, что ее звали Басурманда, и была она, на мою беду, дочерью знаменитого чародея и первого алхимика Неспании, известного повсюду своей супровостью дона Хулио Тебенадо...

(«Смотри-ка — ведь и у нас этого дона даже малые дети знают! — удивился Терентий».)

...Участь моя была решена. Я честь по чести послал к дону Хулио своих друзей (ибо любезные родители мои уже оставили этот мир) и попросил через них руки его дочери.

В успехе означенного предприятия я не сомневался — состояние мое превосходило все его доходы, а знатность нашего рода делала этому семейству великую честь.

Но проклятый старик вообразил, что я под видом женитьбы собираюсь выведать у него формулы Тайного огня и Молока непорочности!

Надо ли говорить, что очаровательная Басурманда тоже без памяти влюбилась в меня. Она бросилась

в ноги своему безжалостному отцу, умоляя его дать согласие на брак. Но мерзавец был непреклонен.

И тогда я решился дерзко похитить возлюбленную, надеясь, что высокоученое чудовище в конце концов смирится. Послав через верного слугу записку своей любимой, я дождался урочного времени и, облачившись в доспехи, которые сейчас трясутся в седле перед вами, сел на своего любимого трехлетнего карого жеребца и поехал по ночному городу. За плечами у меня развевался черно-белый плащ — то были цвета нашего рода, мужчины которого ни в чем не знали благоразумной середины.

Поместье дона Хулио находилось за городом и обнесено было высокой стеной. Но и эта мера была излишней: только безумец или невежда рискнул бы наведаться туда без разрешения обладателя столь грозного имени.

В тишине благоуханной неспанской ночи явственно доносился бой часов городской башни,озвеневший полночь.

Этот звон и был знаком для моей любимой.

Как я, сам алхимик, мог забыть, что всякий подлинный ученый ровно в полночь должен выходить из подвала, чтобы сверить ход своих опытов с движением звезд, иначе изо всех колб, реторт и мортилий может полезть такое, что потом его не загнать обратно никакими заклинаниями! Воистину влюбленные теряют разум!

Басурманда уже ждала меня возле условленной калитки. В своих нежных и тонких руках она держала трогательный узелок со своими нехитрыми ценностями — а ведь я мог ее окружить королевской роскошью!

— Стойте, безумные! — раздался грозный голос

отца. Дон Хулио Тебенадо стоял посреди двора, и широкая черная мантия его разевалась и билась в воздухе при совершенном отсутствии даже малейшего ветерка. Разгневанный отец так торопился, что даже забыл надеть на голову непременный высокий колпак.

— Оставь ее, проходимец! Дочь моя, вернись!

Опасаясь, что девушка может в последний миг одуматься, я склонился с седла и поднял ее к себе. Потом откинул забрало и крепко поцеловал — первый и последний раз в жизни.. Ибо, едва лишь мои уста с сожалением оторвались от ее пунцовых и сладких губ, я ощущил в руках своих совершенную пустоту.

Прекрасная Басурманда исчезла!

— Что ты наделал, несчастный! — воскликнул дон Хулио, подбегая ко мне. — Ведь несравненная Басурманда не рождена от мужчины и женщины, как мнил ты, дилетант и невежда! Долгие годы выращивал я ее в реторте, ибо гомункул есть непременный и обязательный этап для получения философского камня! Она была соткана из непрочных нитей эфира и в эфир же претворилась, когда ты осквернил ее своим грязным земным поцелуем! Она была для меня самым дорогим на свете, воистину бесценным сокровищем, потому что я уже договорился с ведущим саракинским адептом, Ал-Топчи Таракани, обменять ее на полведра одной из редчайших и драгоценнейших мышьяковистых солей и кувшин экстрагированной мочевины, столь необходимых для получения универсального растворителя, сиречь алкагеста! Теперь все труды моей жизни пошли прахом, и ты за это поплатишься!

С этими словами маг высоко воздел руки и заго-

ворил на языке древней Иксулапии, который понимают лишь избранные.

И с каждым словом, не воспроизводимым ни на одном из наречий земных, я чувствовал, что проваливаюсь куда-то вниз. Голова моя закружилась, разум помутился...

Когда я очнулся, я стал тем, на чем вы теперь сидите...

(Терентий прыснул.)

...Да, вот так же захотел и проклятый колдун, и смех его пронзил меня от кончиков ушей до копыт. Я открыл рот — может быть, уместней назвать его пастью? — и оттуда раздался совершенно чужой для меня голос. Я умолял колдуна вернуть мне прежний облик, сулил ему золото, обещал отдать в его распоряжение мою замечательную лабораторию, клялся засыпать его мышьяковистыми солями и утопить в экстрагированной мочевине.

Все было напрасно.

Дон Хулио насладился моим унижением и сказал с отвратительной усмешкой:

— Мое заклятие спадет тогда и только тогда, когда ты вступишь в битву с самым сильным из рожденных на земле магов. Могу добавить, что родился он именно сейчас, в эту самую минуту. Если маг сей будет побежден, в чем у меня есть великое сомнение, прекраснейшая девушка своего времени должна от всего сердца наградить тебя поцелуем. Твое счастье, что превратил я тебя не в отвратительное чудовище, как ты того заслуживаешь, а в благородное и сильное животное. Ступай же на поиски этого мага, и если успеешь найти его до скончания отпущенного тебе века, да еще и победить, то, возможно, и обретешь

прежний облик. Заодно ты спасешь мир от величайшей опасности, хотя до мира мне нет никакого дела...

Сказав это, старый шарлатан зевнул и, что-то бормоча себе под нос, удалился в свои покой...

С тех пор скитаюсь я по лесам, полям и горам Агенориды, тщетно расспрашивая людей — от имени седока, конечно, а тех, кто не испугается говорящего коня, то и от своего, — о чудесном ребенке, проявляющем магические свойства. И только однажды напал я было на след: прошел слух, что в Стрижании есть именно такой мальчик по имени Гарри Поттер. Я уже было приготовился переплыть пролив, отделяющий туманный остров от материка, и неизбежно утонул бы, но вовремя выяснил, что возраст этого Поттера не совпадает с возрастом предмета моих поисков. Мой маг должен быть примерно вавших лет, а стрижанский вундеркинд куда моложе.

Жизнь в конском облике трудна и опасна. Постоянно приходится отбиваться от хищных зверей и жадных людей. Поэтому и таскаю я на себе это никчесное железо. Иногда заезжаю в какой-нибудь замок и прошу владельца накормить моего коня, а от приглашения на пир отговариваюсь тем, что дал своей даме сердца обет никогда не покидать седла и не снимать лат. Одни принимают нас ласково, другие травят собаками.

Должен заметить, что земледельцы меньше дивятся говорящему коню, чем люди благородные или образованные, потому что они ближе к природе и сами частенько ведут беседы со своими четвероногими помощниками.

Но даже в таком состоянии стараюсь я оставаться подлинным кабальеро. Не гнушаюсь вспахать поле бедняка или забить копытами лесного разбойника.

Правда, жизнь прозаична, и мне частенько приходилось за мешок овса, бадью ячменя или даже клочок сена улучшать породу пейзанских лошадей. Хотя странная масть моя не передается потомству, зато остальные качества — вполне. А как-то раз одна немецкая баронесса, чей муж уехал воевать сарацин, наскучив одиночеством... Впрочем, этот рассказ не для юношеских ушей... Овес нынче дорог!

(Терентий обиженно скривился.)

...Не раз подумывал я покончить со своим тягостным существованием, бросившись с какой-нибудь окаянной кручи. Или, к примеру, взять в хозяева некоего благородного кабальеро, отправляющегося на корабле за золотом в далекую Хлестофорику. Тамошние жители никогда не видели лошадей и не осмеливаются причинять им вред, даже убив отправленной стрелой хозяина. Я бы не стал дожидаться гибели этого кабальеро — просто-напросто сбросил бы его и ускакал в изобильные травой луга, где бегает немало неспанских коней, потерявших своих седоков. Возглавил бы табун, одичал бы, звали бы меня мустангом... Но каждый раз слабая надежда на избавление удерживала меня. Да и человечество, судя по словам дона Хулио, вскоре ощутит острую нужду в спасении...

Юные мои друзья, не слышали ли вы о некоем чудесном младенце, родившемся в пятый день восьмого месяца в 1999 году от Восхода?

Тихон и Терентий изумленно переглянулись и лихорадочно стали загибать пальцы. Стремглав ввел в Посконии календарь еще до их появления на свет.

— Так это же мы! — хором воскликнули принцы.

— Только никакие мы не волшебники, — сказал Терентий.

— У нас даже василиск получился какой-то маленький... — ляпнул Тихон.

Дон Кабальо остановился так резко, что братья чуть не полетели через его голову, да помешал пустой рыцарь.

— Василиск?

— Ты не слушай его, дон Кабальо, — попытался исправить положение Терентий. — Он у нас в семье дурачок. Таскается до сих пор с детской игрушкой...

— Не лгите, дети. Я чувствую рядом присутствие чего-то живого и необычного...

— Ай, ладно, — сказал Терентий. — Не пешком же идти. Ну, есть у нас василиск, но он говорящий, под статью Великого Уговора Агенориды не подпадает...

— Да я и не думал доносить! — обиделся дон Кабальо. — Нет, мальчики, вы великие волшебники! Василисков удавалось вывести только Оскопену Сигизийскому, и то они у него помалкивали... Какой же способ вы применяли — осиновую смолу или зыбкий камень?

— Ни то ни другое, — сказал Тихон и поведал коню всю историю с петухами и жабами.

— Да, — сказал белый конь вороной, выслушав принца, — с кормлением вы маху дали. Нельзя василиска кормить человеческой пищей.

— Мало ли что! — возмутился Терентий. — Кабы не он, тебя бы волки на клочки порвали, а потом и нас... Только силы его хватает ненадолго...

— Вырасти он уже не вырастет, — рассуждал конь, — разве что продержать его пару сотен лет в подземелье и кормить одними только крысами. А вот силы ему прибавить можно. Когда доскачем мы до

такой полянки, чтобы травами изобиловала, я ему объясню, какие растения употреблять.

— Дяденька дон, — вдруг спохватился Тихон. — Так, выходит, кто-то из нас будет угрожать человечеству, а ты будешь его побеждать?

Дон Кабальо опустил голову.

— Выходит, так, — еле слышно сказал он.

— Ерунда! — сказал Терентий. — В этот день по всей земле сколько народу народилось — и все волшебники? Не было у бати в заводе колдовства, чурался он магии, а еще он нас учил, что против всего рода людского никакой герой не устоит. И к чему мир губить? Глупое занятие. Поубивать, конечно, многих нужно, только не всех же!

— Дон Кабальо, — сказал Тихон, — если бы хотели мы стать волшебниками и магами, так не поехали бы в Плезирскую Академию — ученые считают, что ушло время чудес, остались одни законы природы.

— Ясно одно, — заключил дон Кабальо. — Простых совпадений не бывает, и судьба свела нас не зря. Пусть вы даже и не маги. Но людей, рожденных под одними звездами, обязательно тянет друг к другу. Рано или поздно встретится он вам — а заодно и мне... Возможно, через неделю или через месяц... Эх, полетели, залетные! — скомандовал он самому себе и устремился по зарастающей дороге.

И даже песню запел:

Близко города Мадрида
Возле славной речки Эбро
Вдоль по берегу гуляет
Кабальеро молодой.

Вдруг он видит: сеньорита,
Что прекрасней алои розы,
Наклонившись над водою,
Плачет, бедная, навзрыд.

«Ах, о чём вы, сеньорита,
Так рыдаете жестоко?
Если кто-то вас обидел —
Я тотчас же отомщу».

Отвечает сеньорита,
Черной шалью утираясь:
«Ах, прекрасный кабальеро,
Не поможете вы мне!

Андалузская гитана
С местной фабрики табачной
За пятнадцать мараведи
Нагадала мне судьбу.

Нагадала жениха мне —
Черноусого красавца,
Смельчака и дузлянта, —
Словом сударь, вроде вас.

А еще она сказала,
Притворивши глаз недобрый,
Что, мол, в день моей же свадьбы
Суждено мне утонуть».

«Дорогая сеньорита, —
Кабальеро отвечает, —
Да не верьте вы гитанам,
Ибо все гитаны лгут.

Ничего они не знают,
И ни в чем они не смысят,
А одни лишь деньги тянут
С легковерных горожан.

Да еще детей воруют,
Да еще под бубны пляшут,
Да еще торгуют зельем
Посильнее, чем дурман.

Коль согласны, сеньорита,
Стать мне верною женою —
Я тотчас приготовленья
К свадьбе будущей начну.

И для вас я через Эбро
Вот на этом самом месте
Обязательно построю
Небывало крепкий мост.

И длиною мост тот будет —
От Севильи до Гренады,
Ширина его достигнет
Девяноста двух локтей!

Прикажу его устлать я
Мавританскими коврами.
Сам Антонио Бандерас
Будет шафером моим!»

Незаметно год проходит.
Небывалый мост построен.
День венчания назначен,
Гости съехались давно.

Поезд свадебный проходит
По коврам по мавританским.
Сам Антонио Бандерас
Всем автографы дает.

Но внезапно зашатались,
Затрещали все опоры,
Мост опасно накренился
И раздался женский крик.

То счастливая невеста
Вместе с платьем и фатою
И венком из флердоранжа
Так и рухнула с моста!

Знают все, что речку Эбро
(А особенно в июле)
Даже курица способна
Без ущерба пересечь.

Но гитана не ошиблась,
И невеста утонула,
Перед тем успев, конечно,
Всем приветы передать:

И родителям достойным,
И всему большому миру,
Хайме, Педро и Хуану,
И, конечно, жениху.

Безутешный кабальеро
Осмотрев крушенья место,
Убедился, что со стройки
Был украден весь цемент.

Он, тоскуя по любимой,
Дал команду альгасилам:
Субподрядчика повесить,
А подрядчика засечь.

Лиши Антонио Бандерас
Жениха сумел утешить:
Он беднягу с Вуппи Голдберг
Познакомить обещал!

Глава 21,

*в которой впервые рассказывается об еще одном герое
этого романа*

Мальчик помнил все.

Он помнил, как они приехали сюда, в Руины, — или, может быть, прилетели, потому что свистел ветер и звезды над головой превращались в длинные белые царапины. Он не мог помнить этого, но все равно помнил, поскольку был не простой мальчик.

Он помнил, как вначале они жили в Руинах втроем — он, мама и Наставник. Мама все время молчала, как молчит и сейчас, зато Наставник говорил, не переставая. Иногда он брал мальчика на руки и пел, но только не колыбельные песни, а такие, от которых камни складывались сами собой в очаг, и в очаге этом вспыхивал огонь, а на огне появлялся котел с похлебкой. Слова песен запоминались сами.

Похлебку мальчик не ел, потому что его кормила мама, но ей, для того чтобы кормить мальчика, нужно было есть похлебку. Из чего эту похлебку варили, знал лишь Наставник.

Иногда мальчик болел. Тогда Наставник пел над ним другие песни, и мальчик выздоравливал, а эти песни тоже запоминались.

Потом появились первые мутусы. Сначала это

были не мутусы, а люди, одетые в железные одежды, они сильно кричали и хотели что-то сделать с мамой — должно быть, снять у нее с шеи эту красивую игрушку из цветов. Но Наставник взял его на руки, пропел совсем новую песню — и люди в железе стали убивать друг друга железными палками и скоро убили совсем. Тогда Наставник снял с них железную одежду и по одному куда-то утащил. Вернулись они уже мутусами — молчали и выполняли то, что прикажет Наставник. Наставник приказывал им покидать Руины и приводить туда новых людей, которые тоже становились мутусами.

Вскоре мальчик узнал, что его зовут Тандараден. Сначала он думал, что это просто одно из слов в песнях Наставника, но Наставник наставил на него палец, несколько раз повторил это слово — и слово стало Именем.

В этот же день он научился ходить. Наставнику приходилось то и дело окликать его по имени, потому что на месте ему не сиделось. Мутусы следили за каждым шагом мальчика Тандарадена, ведь Руины — такое место, где очень легко сломать себе руку или ногу.

Но он все-таки сломал ногу, причем во время сна. Ему приснилось, что он падает откуда-то сверху, а потом стало больно, и он проснулся и закричал от боли. Наставник заскрипел зубами и показал кому-то дальнему и невидимому кулак. Мама гладила Тандарадена по голове, но не называла его Именем — наверное, она тоже была мутус, но с ней Наставник обращался совсем по-другому. Он ничего ей не приказывал, а называл королевой.

Нога зажила, и Наставник, проведя его по Руинам, показал ему все опасные места, самым опасным

из которых был колодец. Это был такой провал в земле, заполненный водой.

Сначала Тандараден думал, что он и сам мутус, только маленький, и поэтому может не слушаться, а когда вырастет, то сделается как все.

Наставник учил его речи — показывал какую-нибудь вещь и называл ее имя. Но в Руинах было слишком мало вещей, и Наставнику приходилось выводить его за пределы их владений. Там можно было увидеть Небо, Море, Деревья, Траву, Птицу и Белку. Все они назывались Вселенная.

Люди продолжали приходить в Руины. Наставник объяснял, что приходят они искать сокровища Чизбурга, но эти сокровища давным-давно разграблены войском короля Пистона Девятого, с которым еще предстоит посчитаться. Мутусы убивали этих людей, и сами искатели становились мутусами.

Руины, оказывается, назывались Чизбург, но Наставник велел не произносить больше это слово, потому что на самом деле Руины никакой не Чизбург, а крепость Эльфинор — последняя твердыня древнего племени.

Однажды Тандараден решил вместе с мутусами поймать человека, пришедшего в Руины с мешком и лопатой. Человек оказался опытный и проворный, он не давался, вот мальчик и решил помочь немотствующим слугам. «Человек! Эй, человек!» — кричал он. Кладоискатель обрадовался людской речи, побежал на детский крик — и оказался в кольце мутусов.

Тандараден так все и задумал, и это ему понравилось. Только он подошел к человеку слишком близко.

«Ах ты, выродок!» — закричал человек, схватил мальчика и швырнул в колодец. Тандараден еще не

умел плавать и не знал таких слов, чтобы не утонуть. Потом он их узнал.

Колодец был глубок, но все-таки его достали. При этом несколько мутусов утонули. Когда Тандараден очнулся, Наставник объяснил ему, что к человеку нельзя подходить слишком близко. Мама пла-кала и обнимала его, но все равно ничего не хотела сказать, хотя мальчик и пытался учить ее словам. Все-таки она была мутус, хоть и королева.

А утонувших мутусов, когда они всплыли, достали и снова заставили служить, и теперь они были уже не только мутусы, но и сурдусы, потому что после второго возвращения человек теряет не только речь, но и слух.

А того человека, то есть уже мутуса, который хотел утопить Тандарадена, в наказание убили еще дважды и снова заставили служить. После третьего возвращения он утратил зрение, и его послали стеречь подземелья Эльфинора.

Именно с этого дня Наставник начал по-настоящему учить мальчика. Отныне он называл его принцем.

Принц Тандараден рос, и стены Эльфинора сами собой росли вместе с ним.

Книги, которые давал мальчику Наставник, рассказывали о том, как мудро все устроено в природе и как бесполково живет никчемное человечество, лишенное единого руководства и напрасно истощающее силы свои в непрактичном самоистреблении. Все это нужно было исправить и привести в соответствие с требованиями здравого смысла.

Очень скоро принц понял: Наставник без него — ничто. Даже во младенческом возрасте Тандараден обладал силой, без присутствия которой любые за-

клинания не больше чем болтовня. И сюда, в Руины, они попали откуда-то именно благодаря этой силе...

Когда принц узнал из книг кое-что о жизни людей, он спросил у мамы (кивать-то она могла), не отец ли ему Наставник. И мама впервые в жизни не промолчала, а захотела — если смех можно считать речью. И он понял, что Наставник ему не отец, и еще он возненавидел Наставника, хотя тот никогда не делал мальчику ничего дурного. Просто он сам научил принца Тандарадена, что перед поставленной целью человек — ничто. Но пока он нужен. Без него трудно разобраться в книгах и формулах.

Если Наставник не является ему отцом, значит, принц Наставнику ничем и не обязан. Разве что знаниями, но знания — дым. Не тот, так другой сможет дать их.

Когда цель будет достигнута, можно отправить Наставника вслед за другими в котел Луга.

В новом мире говорить будет положено только принцу Тандарадену. Остальные должны выполнять сказанное.

Такой предстанет Новая Эльфийская Держава.

Пока без эльфов.

А там, глядишь, и они появятся.

Глава 22,

в которой принцам и дону Кабальо приходится решать финансовые проблемы

Разговоры о скупщиках мертвецов шли уже повсеместно. Правда, никто их не видел, потому что передвигались они преимущественно ночью. Запретить такую торговлю никто не мог, потому что нет закона, что нельзя продавать мертвецов. Вот надру-

гаться над ними, конечно, нельзя, но разве торговля — надругательство? Разве надругиваемся мы над хлебом или мясом, продавая их?

Кроме того, ни один, даже самый храбрый, стражник не осмелится заглянуть в повозку, полную мертвых тел: вдруг все они погибли от поветрия? Тогда и самому конец, и родным, и всей округе.

А толки про чуму тоже ходили в изрядных количествах, создавая необходимые условия для скупщиков мертвых тел.

Так было и в Паньше, и в Немчурии — должно быть, в Бонжурии тоже. До границ ее оставалось немного.

А вот денег совсем не оставалось. Наследство Нормана Бейтса убывало с огромной скоростью. На постоянных дворах с братьев драли в тридорога: коли могут себе позволить такого славного жеребца — стало быть, небедные.

Самого дона Кабальо тоже прокормить было нелегко. Не станешь ведь покупать для него прошлогоднюю солому!

Можно было, конечно, продать латы. Хорошие были латы, дорогие. Но дон Кабальо об этом как-то не заикался, а братьям, даже Терентию, было отчего-то неудобно. Да и на здешних дорогах, кишевших, не в пример Посконии, лихими людьми, грозный всадник ой как пригождался!

Ведь ехал рыцарь с оруженосцами, а не купеческий обоз с наемными вояками, которые в случае настоящей опасности разбегутся кто куда.

А ежели попадался навстречу столь же благородный собрат, желавший переведаться с черным рыцарем, оруженосцы ему вежливо сообщали, что дон Раймундо изволили на ближайшем постоялом

дворе малость перебрать и сейчас мало что соображают. Ну, это было святое в любой стране.

На рубежах малых немчурийских княжеств не-пременно требовали порубежный сбор, причем немалый, да еще осматривали у всех уши — искали эльфийских шпионов. А какие у черного рыцаря уши? Приходилось врать, что вот, мол, везут погибшего в сарацинском походе барона, он-де у себя в доспехах усох в пустынной жаре, вот головы и не видать. За вранье тоже приходилось приплачивать.

— Тех денег, что у нас отобрали разбойники, нам бы и до половины пути не хватило, — вздыхал Терентий. — Все-таки жмот у нас батя! Одно слово — сын шорника...

— С тех пор как он путешествовал, цены-то поднялись! — застонался Тихон за отца.

А особенно обидно стало, когда дошли до порубежного с Бонжурией села, в котором бушевала ярмарка. Все-таки королевичи были еще мальчишки.

— Продайте меня какому-нибудь богатому пейзанину, — вздохнув, сказал дон Кабальо. — А потом я сбегу и догоню вас, хоть это и будет недостойным поступком...

— Нет, мы себя этим не оскверним! — воскликнул Тихон.

— Оно бы можно и осквернить, — рассудил Терентий, — но только в Посконии — она большая, потом ищи-свищи! А тут страны маленькие, враз поймают, бить будут...

К дону Кабальо, кстати сказать, приценивались всю дорогу и деньги сулили немалые.

— Эх, — сказал Терентий. — Сколько здесь вкусного продают: и сахарную икру, и говяжьи леденцы, и медовые сосиски! Никогда таких не едал!

— А сколько интересного! — подхватил Тихон. — «Палатка тихой смерти», «Упали и отожмись», «Цыганка с секретом», «Бородатые дети», «Поцелуй принцессу»...

— Что? — оживился Терентий. — Кого там поцелуй?

— Принцессу, — сказал Тихон. — Только за деньги.

— А добром ее нельзя уговорить?

— Не знаю, не видел...

Но поцеловать принцессу можно было, только войдя в шатер, а шатер охраняли как раз бородатые дети, которые тоже не позволяли на себя бесплатно плятиться.

— Горе, горе мне! — приговаривал дон Кабальо. — Я как будто собственных сыновей привел на праздник и не могу их ничем потешить! О, теперь я знаю, что чувствуют бедняки! Когда я... То есть если я верну себе прежний облик, то, клянусь, раздам все свое имущество обездоленным...

— И будешь своих сыновей вот так же, без гроша, на ярмарку водить, — ядовито заметил Терентий.

— Да ведь имущество мое давно разворовано, — сказал дон Кабальо. — Все это так, слова... Слова... У меня идея, мои юные идальго! Конь, складывающий буквы в слова, — чем не зрешище? Разве не стоит оно лицезрения бородатых детей?

Зазывалы из королевичей получились никакие.

— Миленькие, подойдите, пожалуйста! Тут у нас сейчас тоже интересно будет! — уговаривал зрителей Тихон.

— Эй, народишко, нечего плятиться на всяющую дрянь! Сюда валите, деньги платите! — кричал Терентий.

Но таких крикунов тут и так было навалом.

— Юноши, позвольте мне, — вмешался наконец опытный дон Кабальо. — Кстати, поднимите черному рыцарю правую руку...

Конская глотка мигом перекрыла весь ярмарочный шум.

— Только у нас! — заревел дон Кабальо. — Проездом из Урюк-Чурека в Рио-де-Оро! Под личным патронажем султана Салоеддина! Барон фон дер Блюменфельд и его ученый жеребец Сигизмунд! Рекомендации лучших домов Морковии и Ковырры! Никакой магии — чистый феномен! Сигизмунд умеет писать, считать, сочинять романсеро на заданную тему! Владеет приемами высшей алгебры и оверквотинга! Плата как деньгами, так и продуктами! Детям с двумя родителями и ветеранам осады Чизбурга вообще бесплатно!

— Где это он нахватался? — удивился Тихон.

— То ли это для него первая ярмарка? — ответил брат.

Окружившие дона Кабальо люди начали сокрушаться — надо же, барон, а вынужден зарабатывать на жизнь балаганными чудесами!

Народ подобрался хозяйственный, и первым делом кто-то поинтересовался, нельзя ли приспособить чудесного жеребца Сигизмунда под плуг.

— Дурак он, что ли, землю пахать? — вместо коня ответил Терентий.

Пейзане, кивая друг другу, согласились с таким резоном. Те, что пограмотнее, заказывали какие-нибудь буквы или слова, и дон Кабальо копытом чертил в пыли назначеннное. Потом какая-то девица пожелала романсеро — появилось и оно, правда, коротенькое. Тихон едва успевал стирать написанное для

новых достижений жеребца Сигизмунда, а Терентий едва успевал собирать деньги, вслух восхищаясь:

— Ну народ! Ну что таким-то не править!

Наконец дон Кабальо объявил:

— Высокоученый жеребец Сигизмунд устал от штудий. Впрочем, за дополнительную плату он поможет любому желающему воспроизвести столь же смышленых жеребят... Деньги отдайте моим оружносцам.

Дона Кабальо увели воспроизводить, а братья стали считать деньги, и вышло больше, чем взяли у коварного гостинника.

— Ну что, к принцессе? — спросил Терентий.

— А куда же еще? — сказал Тихон.

Глава 23,

*в которой Тихон и Терентий влюбляются,
а бородатые дети получают по заслугам*

Как уже было сказано, попасть в балаган «Поцелуй принцессу» можно было, только заплатив сперва за аттракцион «Бородатые дети». Бороды действительно имелись, и немалые, да и вообще из кудлатых волос этих деток едва выглядывали носы и поблескивали глазки.

— Вы, что ли, дети? — не поверил Терентий.

— То ли сам не видишь, чудило деревенское, — ответил самый рослый из деток. Голос у него был еще пониже, чем у дона Кабальо. — Вот гляди, сопляк, и убеждайся...

С этими словами рослый ребенок запрыгал на одной ножке, да так неловко, что упал.

— Не ушибся, миленький? — ласково спросил Тихон.

После этого чудесный ребенок заревел, но как-то неубедительно, будто не вовремя разбуженный медведь.

Остальные бородатые дети мрачно водили хоровод и пели какую-то не совсем детскую песенку:

Хей-хо, хей-хо,
Ты думаешь, легко
Кайлом алмазы добывать,
Природа-мать?

Хей-хо, хей-хо,
Не очень-то легко
Четыре плана выполнять,
Природа-мать!

Хей-хо, хей-хо,
Мы дышим глубоко,
А ты слыхал про силикоз
Иль нет, барбос?

Хей-хо, хей-хо,
За вредность молоко
Нам полагается давать,
Природа-мать!

Терентий ухмыльнулся и сказал, что хотел бы прослушать песенку ну хотя бы про маленькую елочку или про сказочный остров Чунга-Чанга, но бородатые дети — мал мала меньше — так на него глянули, что принц понял: еще немного, так будут ему и Чунга, и Чанга, и все сорок четыре удовольствия.

— Ладно, — сказал он. — Где у вас тут принцесса, пусть выходит — целоваться будем.

— Хлеб за брюхом не ходит, — ответил старший бородатый ребенок. — Сам в шатер зайди, небось, не принц...

Терентий послушно зашел под своды, побыл там некоторое время...

— Обман народа! — заорал он. — Кого там целовать? Она под стеклом!

— Правильно, — сказал старший бородатый ребенок. — А как же иначе? Иначе неинтересно. Иначе любой дурак ее поцелует, разбудит и полцарства получит. Ты только сравни входную плату — и полцарства.

— Уберите стекло, я жаловаться буду! — не унимался Терентий.

— Вот сам и разбей, — зевнул старший. — Как у нас на шахте говорили: «В случае чего — разбей стекло, нажми кнопку».

Терентий ринулся назад в шатер.

— Э нет, — сказал старший. — Второй подход. Плати по новой.

И заплатил Терентий, и вошел Терентий к принцессе, и звуки ударов донеслись из шатра.

— Это, брат, тебе не бычий пузырь, — мечтательно сказало бородатое дитя и подмигнуло Тихону. — Это, брат, горный хрусталь. Настоящий. На совесть делали...

Тихон тем временем смотрел на свой опухающий кулак и кривился от боли.

. — Ну, я вам, дети, со временем устрою счастливое детство, — пообещал Терентий, выйдя из шатра. — Дайте срок, дам и я вам срок...

В ответ бородатые дети посоветовали Терентию не пугать весну цветами, а девку — отдельными частями, в то время как она, девка, наблюдала явление в целом.

— Она красивая, братец? — подбежал Тихон.

— Да там не сильно рассмотришь. Лежит. Вроде женщина. Вроде молодая. Только деньги зря потратили. Ты лучше не ходи, только расстроишься.

Но пошел Тихон, и расстроился Тихон еще пуще Терентия.

— Ой, Тереша, она красивая. Я таких красивых не видел.

— Да как же ты ее рассмотрел? Стекло-то все в царапинах...

— Я ее, Тереша, сердцем рассмотрел. Жалко ее. Все люди живут, а она лежит одна-одинешенька...

— Это верно, — согласился Терентий. — Когда красивая девка лежит одна-одинешенька — это явный непорядок и вызов самой природе. Только она, может, мертвая?

— Тогда бы запах шел...

— А они, может, там банки со ждановской жидкостью расставили?

— Да и продали бы ее скупщикам мертвых тел...

— Ну конечно! Эти продадут! Они за день-то знаешь сколько на ней замолачивают? Ведь никто не сознается, что в дураках остался. И мы не сознаемся. Ладно, пора дона искать да в дорогу собираться...

— Нет, братец. Никуда я не пойду, здесь останусь. Наймусь к кому-нибудь батраком, деньги зарабатывать. Выкуплю ее у этих бородатых. Пусть через десять лет, через двадцать — она-то молодая останется под стеклом!

— Не дури, Тишка!

— Нет, и не уговаривай!

Тут Терентий и понял, что наступил коренной перелом в братских отношениях. Он такого перелома ждал, только не думал, что все случится так скоро.

— Пойдем, а потом, бате напишешь, он ее для тебя выкупит... Ведь полцарства дают, не бесприданница какая...

— Не пойду! Хоть режь!

И действительно сел рядом с балаганом, да так крепко, что сразу видно — конем не сдвинуть.

Терентий почесал малиновый гребень и пошел на конный двор искать дона Кабальо.

Дон Кабальо, хоть и несколько подустал от жеребячей работы, выслушал Терентия очень внимательно.

— Признаться, не ждал я от вас, дон Парфенио, столь крепкой братской любви. Но теперь вижу, что грубость ваша была показной и, по вашему мнению, выглядела мужественностью. А влюбленность дона Леонсио мне и подавно понятна! Когда же и влюбляться, если не в этом возрасте!

— Что будем делать? — Терентий был явно смущен. Не оставлять же размазню здесь, где с ним может случиться все, что угодно?

Дон Кабальо фыркнул.

— Как всякий алхимик, я разбираюсь и в ремесле стеклодува, — сказал он. — Каким бы крепким ни казалось стекло, на нем всегда имеется одна особая точка. Достаточно легонько щелкнуть по ней — и все. Иногда стекло буквально рассыпается в пыль...

— Найди же такую точку, дяденька конь! — взмолился Терентий.

— Изволь, — сказал дон Кабальо, и принц под уздцы повел его к балагану «Поцелуй принцессу».

— С конями и собаками не велено! — вразнобой заорали бородатые детки, пытаясь остановить обоих.

— Дорогу барону фон дер Блюменфельду! — прогудел дон Кабальо.

— За коня двойную плату! — запоздало крикнул старшой.

Дон Кабальо, очутившись в шатре, внимательно оглядел гроб, что-то прикинул большим конским глазом, а потом и шарахнул по стеклу передним ко-

пытом. Хорошо еще, что искомая точка не пришлась против лица спящей красавицы.

Стекло ахнуло и рассыпалось.

Терентий немедленно припал к губам спящей девушки.

Она не дрогнула.

— Ее, наверное, не целовать надо, а что покрепче, — проворчал принц и, забыв о конспирации, зарорал: — Тихон! Тихон! Где тебя носит?

Дон Кабальо тем временем молча отгонял от гроба бородатых детей. Самого младшего он просто-напросто смел хвостом. Конских копыт странные дети явно боялись.

Бедный Тихон уже ходил вокруг балагана с метлой и ведерком: ушлые детки мигом захомутали его в работу — за еду и за возможность время от времени лицезреть любимую.

Терентий потащил его за руку к открытому гробу.

— Целуй, пока не проснется!

— Братец, мне страшно! — сказал Тихон. — Я ведь еще никогда...

— Вот именно! — воскликнул дон Кабальо. — Именно такой юноша и должен ее поцеловать! Я вспомнил, я читал!

Тихон осторожно, едва-едва коснулся губ спящей и сразу же отпрянул: глаза девушки открылись!

И столько гнева и негодования было в этих глазах!

Ну, первой красавицей ее назвать было трудно, но в любой толпе глаз понимающего мужчины отметил бы именно ее. Столько в ней огня было, словно вся жизнь, что скопилась за годы, проведенные в хрустальном гробу, запросилась в дело.

Платье неопределенного цвета от первого же дви-

жения немедленно поползло по швам. Тихон стыдливо отвернулся, а Терентий радостно выпялился.

Девушка, не обращая внимания на некоторый беспорядок в одежде, ловко покинула гроб, подбоченилась и вопросительно поглядела на притихших бородатых детей. Темные волосы ее при этом рассыпались и скрыли многочисленные прорехи на платье.

— Ну, чего смотришь? — спросил, наконец, старший ребенок. — Ну, истощился наш рудник, а жить-то надо? Ты одна, а нам семерым прокорм нужен, одежда, то-се...

— Не в том дело, Себастьян, — очень мягко сказала девушка, но братьям показалось, что зашипела змея. — Дело-то не в том. Приходил ли ко гробу мой нареченный жених — принц Кавтирант Белолицый?

Тихон и Терентий свистнули, а дон Кабальо удивленно заржал.

За то время, покуда принцесса спала в своем хрустальном гробу, Кавтирант из Белолицего успел стать Багрянорожим, из принца — императором Эбистоса, помереть, не оставив наследников, а сама империя успела распасться на множество государств, образующих нынешнюю Агенориду.

Словом, прошло лет четыреста, если не больше.

— Приходил, — кое-как выдавил старшой, ковыряя башмаком осколки стекла.

— И что?

— Как все... Поколотился-поколотился, плюнул да и прочь пошел — некогда мне, говорит, из-за полуцарства здесь время терять, когда меня большие дела ждут...

— И вы, значит...

— Нет! — запротестовал старшой. — Первые лет триста мы честно выдерживали условие злой мачехи.

— Надеюсь, она тоже мертва? — поинтересовалась девушка.

Старшой отвел глаза.

— Как же, помрет она, — сказал он. — Рассыпается на ходу, но власть держит крепко...

— Погоди-ка, — сказала принцесса. — Ты говоришь, триста лет? Я спала триста лет?

— Чуть побольше, — деликатно молвил старшой.

— Четыреста пятьдесят шесть, — уточнил ученый дон Кабальо.

Он ожидал, что принцесса, услышав страшное известие, тут же грохнется в обморок, и придется бежать к аптекарю. Но принцесса сказала:

— Милый рыцарь... э-э, как ваше имя?

Дон Кабальо замялся.

— Это не рыцарь, — сказал честный Тихон.

Тут только принцесса заметила братьев в их привлекательных, хоть и попорченных дорогой и разбойническими одеждами.

— А это что за чучела? Уж не вы ли меня разбудили?

— Это он, — показал на Тихона честный на данный момент Терентий.

— Да? — страшным голосом спросила принцесса. — Значит, вот он каков, мой суженый? Веди же меня под венец, о юный герой! Я вся твоя!

И протянула Тихону руку.

— Бери, бери, пока дают! — зашипел Терентий.

Тихон, содрогаясь, коснулся пальцами тонкой руки. Но едва лишь принцесса сделала шаг, как ее платье, честно служившее четыре с лишним века, разом ушло в отставку и осыпалось на пол мелкими клочками.

Тихон мгновенно развернулся и раскинул руки,

чтобы закрыть принцессу от чужих взоров. Она рассмеялась.

— Как, однако, целомудрен ваш век, юные кавалеры! А вот мы на Майский день...

— Ваше высочество, — сказал старшой. — Есть у нас, что накинуть. Мы время от времени покупали как раз для такого случая... Обновляли гардероб...

— Раз в сто лет, — сказала принцесса. — Ну, тащи.

...Потом она гоняла старшого принесенным платьем по всему балагану.

— Да такого даже пьяная троллиха носить не станет! Разве это цвет? Разве такое носят?

Бедный Себастьян пытался ей объяснить, что сейчас как раз такое и носят, а братья и даже перетрудившийся дон Кабальо с восхищением следили за скандалом.

Тихон от восхищения и смущаться забыл — так прекрасна была принцесса во гневе. Но гнев мигом перекинулся на всю честную компанию.

— Чего выставились? Лучше найдите девушке приличную одежду!

Но пойти за новым платьем никто не рискнул.

— Вот у нас тут мужское есть, — предложил Тихон. — Рубаха там, штаны... Покойник невелик был ростом!

Замечания насчет покойника принцесса не изволила заметить.

— Я всегда была чертовски хороша в мужской одежде, — сказала она, взяла поданное Тихоном и скрылась в складках шатра.

Братья переглянулись.

— Батюшке она бы понравилась, — робко предположил Тихон.

— Да она мне и самому нравится, — сказал Ти-

рентий. — А только жениться... Ой-ой! Не завидую я ее злой мачехе!

— А я бы взял ее в жены, — сказал Тихон и возмечтал о грядущей семейной жизни.

— Ага! Не хочу учиться, а хочу жениться! — поддел его брат. — Не ожидал, не ожидал...

— Не спорьте, мои юные друзья, — вступил в разговор дон Кабальо. — Когда... То есть если я верну себе прежний облик, вопрос решится сам собой...

— Уздечку тебе конскую! — внезапно озлился Терентий.

Потом все трое спорили, какого цвета у принцессы глаза — карие или зеленые. Дон Кабальо утверждал, что серые, но лошади воспринимают цвета по-своему, и к его мнению не прислушались.

Провинившиеся бородатые дети в отсутствие своей госпожи осмелели и тихонько стали требовать возмещения: за гроб из чистого горного хрусталя, за многочисленные платья, за упущенную выгоду — ведь принцессу можно было возить по ярмаркам еще лет пятьсот.

Но принцесса, оказывается, не только одевалась и прихорашивалась — она все прекрасно слышала.

В белой рубашке, черных брюках и высоких сапогах Нормана Бейтса она и вправду была чертовски хороша.

— Вуала — Изора, принцесса Мезантийская! — воскликнула она, раскинув руки в широких рукавах.

— Тереша, скажи, что мы тоже... — пискнул Тихон, да брат вовремя заткнул ему рот.

Но принцессе Изоре сперва надо было разобраться с бородатой семеркой.

— Как ты опустился, Себастьян, — сказала она. — Как вы все опустились, ребята. Из артели честных

тружеников вы превратились в банду мошенников. Вспомните, как вы возвращались из забоя, распевая вашу песенку, а я уже ждала вас за накрытым столом, где дымилась гороховая похлебка, чтобы вы, негодяи, не вздумали сесть за стол с немытыми лапами! Вспомните, как весело танцевали вы под луной с белками и барсуками, а я играла вам на челесте!

Маленькие бородачи захлюпали носами.

— В общем, свое убежище, мои маленькие друзья, я вам с лихвой отработала, — трезво заключила принцесса Изора. — А теперь я из-за вас в дурацком положении. За кого мне, бесприданнице, вы теперь прикажете выходить замуж?

— Насколько я знаю, вы и вправду бесприданница, — вмешался дон Кабальо. — Ибо никакого великого герцогства Мезантийского больше не существует, равно как и вашей злой мачехи, дорогая сеньорита Изора. Там теперь сплошная Бонжурия, а я сомневаюсь, чтобы у вас остались какие-нибудь верительные грамоты...

— Да какие грамоты! — в сердцах воскликнула Изора. — Когда лесничий уводил меня в лес, неужели бы я догадалась взять с собой документы? Я-то думала, он меня с благородными намерениями уводит, а он меня там, в чаще, просто-напросто бросил! И кто я теперь? Смазливая пейзанка?

— О нет! — пламенно вскричал Тихон. — Вы будете, непременно будете королевой!

— Бедный мальчик, — улыбнулась принцесса сквозь слезы. — Все вы горазды обещать нам королевские троны... А все-таки жаль, что старая стерва подохла. Уж я бы заставила ее поплясать на раскаленном железном листе!

Тут даже Терентия передернуло.

— Таковы были жестокие нравы того времени! — назидательно пояснил дон Кабальо. — Но, сеньорита, не можем же мы вас тут бросить! Вы отстали от жизни, вам необходимо постепенно приспособливаться...

— Это вам, мужикам, нужно приспосабливаться, — пренебрежительно бросила Изора. — А женщина — всегда женщина!

И она мечтательно потянулась.

— Кажется, еще то сокровище нам досталось, — задумчиво молвил Терентий.

— Как верно сказал ты, брат! Сокровище! — воскликнул Тихон.

Между тем маленькие бородатые проходимцы прощались с прежней жизнью и готовились к новой: сворачивали убранство балагана, меняли детские костюмчики на суровое рабочее платье, доставали из сундуков заржавевшие обушки и шахтерские лампы, в которых давным-давно высохло масло.

— И куда же мы направляемся? — спросила принцесса, словно все было уже решено.

— В Плезир, мадам! — галантно сказал Терентий.

— В Плезир? — скривилась Изора. — Чего я не видела в этой убогой бонжурской деревушке?

— О нет, прекрасная сеньорита! — воскликнул дон Кабальо. — Нынче Плезир — блестящая столица Бонжурии. Там есть все, что необходимо женщине, — портнихи, куаферы, поэты, музыканты, неотразимые кавалеры и, конечно же, его величество Пистон Девятый, галантнейший из владык земных!

— А не врешь? — спросила принцесса. Время ее, видно, и вправду было посуроевей нынешнего. Да и говорящие кони тогда были, надо полагать, обычным явлением.

— Как можно! Я и сам туда направляюсь, сопровождая моих молодых друзей, которые хотят поступить в Академию...

— В Академию... Кушать хочу! — капризно воскликнула Изора.

Наскоро расцеловав прощенных ею рыдающих бородачей, Изора вприпрыжку покинула полуразобраный балаган. Братья и даже дон Кабальо едва за ней поспевали.

Дону Кабальо купили мешок овса и оставили во дворе ближайшего трактира, а сами пошли внутрь.

Все мужские взгляды уставились на Изору. Все, кроме одного. Он устремлен был на посконских принцев.

Обладатель взгляда, средних лет мужчина, высокий и стройный, проезжая границу, записался как посконский граф Пихто.

Глава 24,

*в которой излагается (к счастью, в сильно сжатом виде)
история Плезирской Академии*

Не было в мире ни одного учебного заведения, хоть сколько-нибудь похожего на Плезирскую Академию.

Возникла она вроде бы не так уж и давно (в королевстве готовились отметить ее четырехсотлетие), а о том, как и почему она возникла, никаких достоверных сведений не сохранилось.

Некоторые говорят, что дело было так: с разных сторон в городишко Плезир, который и столицей-то еще не был, вошли два мудреца, Бабрий и Фесон. Самые грамотные могут возразить, что Бабрий и Фесон жили и работали гораздо раньше, еще до Темных

веков, но теория Хомы Хронологца не оставляет камня на камне от этих придиорок.

«Не следует множить число исторических личностей сверх необходимого», — учит он. Так что предполагаемые некоторыми дерзещами фигуры мэтра Дискредите и мэтра Пульманона можно смело отбросить. Проще ведь запомнить имена двух ученых, чем целой кучи или, как они любят сами себя называть, плеяды.

Так вот, встретившись прямо среди улицы, высказанные мудрецы, даже не поприветствовав друг друга, начали яростно обсуждать основной вопрос философии: кто кого сборет — слон или кит?

Философы спорили дотемна, а утром пораженные горожане увидели, что мудрецы и не уходили на покой. Так прошел еще один день и еще одна ночь.

Зеваки подходили и внимали хитро закрученным апориям, простым, но доходчивым зевгмам, примитивным аргументам, изящным тавтологиям, безумным гипотезам, просто тезам и антitezам и даже обыкновенным словесным оскорблением.

На третий день какой-то сердобольный торговец (имени которого неблагодарная история не сохранила) соорудил над спорщиками небольшой навес, поскольку намечался дождь.

Именно в этот день к Бабрию и Фесону присоединился третий философ, Семулянд. Он бесстрашно ввел в ткань дискуссии так называемую «фигуру третьего лишнего», предложив отдать пальму первенства в воображаемой борьбе слона с китом — жирафу.

Спорщики мигом заключили временное перемирие и набросились на несчастного с кулаками, вследствие чего избитый мудрец угодил в больницу.

Только тогда диспутанты опомнились, навестили пострадавшего от них же коллегу и над его постелью поклялись считать основной вопрос философии на века неразрешимым.

Но проблема уже проникла глубоко в народное сознание. Плезирские дворяне и купцы разделились на две партии, поспорили на очень крупную сумму и снарядили проверочную экспедицию, в результате которой один пойманный слон был утоплен ударом китового хвоста, а один пойманный кит был растоптан удачливым слоном. Жирафа, к счастью для последнего, поймать не удалось.

Только тогда до невежд-эмпириков дошла вся глубина теоретической науки, и они, устыдившись, постановили все собранные деньги отдать на строительство Академии, чтобы никто больше не повторил их трагической ошибки. Всем было жалко погибших кита и слона, все дружно презирали жирафа-дезертира.

«Наука суть лабиринт проблем!» — сказал, умирая, избитый Семулянд. Поэтому Академию в Плезире и построили в виде лабиринта. В этом лабиринте не было ни обширных аудиторий, ни уютных кабинетов, ни мрачных лабораторий, ни подземных карцеров для наказания нерадивых.

Не было даже крыши. Предполагалось, что подлинная истина может родиться только так: встоячку и под открытым небом, как в случае Бабрия и Фесона.

Студент волен был гулять по этому лабиринту совершенно свободно, мог задержаться возле того или иного лектора, чтобы напитаться мудрости, и немедля перейти к следующему. Мог и вообще заблудиться в дебрях знания навсегда. Останки его в таком

случае служили суровым предупреждением для легкомысленных новичков.

Да и сами преподаватели то и дело меняли места: сегодня вот в этом закутке ты слушал лекцию по толстологии, а завтра там же другой ученый муж объяснял тебе все прелести четвероневтики.

Вести какие-либо записи считалось предосудительным, но, увы, многие преподаватели, увлекшись, испещряли побеленные стены с помощью угля различными формулами, графиками, диаграммами. А за ночь служители наглоу забеливали все написанное известкой.

Самые ретивые и сильные из профессоров брали с собой зубило и высекали плоды своих раздумий на твердом камне. В таком случае истины эти считались незыблемыми и оставались на века. Кто знает, сколько их, ложных, увековечено в граните и сколько их, подлинных, скрыто под бесчисленными слоями известки? Но такова уж самая суть науки.

Студент Академии должен был быть, во-первых, богат, а во-вторых, здоров. На содержание преподавателей и служителей уходила куча денег — отсюда и внушительный взнос для вновь поступающего. А здоров — ну, это понятно: попробуй-ка поучись, ни разу не присев, и в зной, и в дождь, и в снег, который иногда выпадал-таки в Плезире. Лекторам, кстати, полагался зонтик, но на том их привилегии и кончались.

Зато и экзамены в Плезирской Академии весьма отличались от таковых же в других заведениях Агенориды.

Логично, что по окончании курса наук профессора задают студентам различные вопросы и оценива-

ют их знания по глубине и полноте *правильных* ответов.

Не то в Плезире. Там студент, пришедший на конечное испытание, *сам* должен был задавать вопросы своим наставникам. И, если это были *правильные* вопросы, ему присваивалось звание бакалавра всех наук — ибо Плезирская Академия гнушалась мелочным делением на факультеты.

Новоиспеченный бакалавр мог либо идти на все четыре стороны, чтобы найти там применение полученным знаниям, либо остаться в качестве преподавателя. Вакансии всегда имелись, поскольку смертность среди лекторов была ужасающая. Выжившие имели шанс стать докторами всех наук (тогда к зонтику прилагались плащ и теплая шуба), членами-корреспондентами или даже полными академиками.

Привилегия членов-корреспондентов заключалась в том, что им официально было разрешено вести любые записи — но только без помощи рук, ног или зубов.

Полные академики уже не стояли по углам в лабиринте, а заседали в особом здании, где зимой было тепло, а летом — прохладно.

Но для этого сперва следовало пройти тяжкое испытание шарами. Шары были белые и черные. Черные отливались из чугуна, а белые представляли собой мешочки с ватой. Соискатель становился перед аудиторией полных академиков и склонял голову перед своей участью. Побеждал тот, кто получал меньше черных шаров, хотя при определенной меткости и одного бывало достаточно.

Да, суровые были времена. Ныне же правила смягчены и шары тайно опускают в опечатываемый

мешок. Вообще многое изменилось в связи с требованиями времени.

Произошло, наконец, и разделение наук — то, чего так опасались мудрецы прежних веков. Правда, поделили науки всего на две категории — на чистые и на конкретные. И вот уж для конкретных понадобились и лаборатории, и мастерские, и справочники...

Таково было место, где Тихону и Терентию предстояло провести долгих семь лет.

Глава 25,

в которой проходит первый день студенческой жизни посконских принцев, а Терентий извлекает из того немалую пользу

Принцесса Изора провожала братьев на учебу, как на войну.

За дорогу она успела привязаться к обоим, а Тихон и Терентий пылали взаимной ревностью.

Стоило Терентию на привале погладить девушку по крутому бедру, Тихон немедля показывал кинжалчик и шептал:

— Заколюсь, ты меня знаешь!
— Так сам бери, не зевай! — шепотом же злился Терентий.

Но Тихон не смел.

— Бедная я, несчастная, — жаловалась Изора дону Кабальо. — Я совершенно запуталась в своих чувствах. Леон искренен и чист, но совершенно лишен страсти. Парфений дерзок и решителен, но ему недостает галантности... Вот если бы соединить их качества да прибавить еще несколько ума...

— Терпение, моя прекрасная сеньорита, — отве-

чал конь. — Стоит мне одолеть злого волшебника и заслужить ваш поцелуй — тогда сами увидите, чего стоят дон Леонсио и дон Парфенио по сравнению с истинным кабальеро! Вы на них и взглянуть не захотите!

— Да? Пока вы найдете своего волшебника, пока мальчики станут бакалаврами — я уже буду старой девой, и никто из вас не захочет взглянуть на меня!

— В Плезире множество знатных молодых людей сочтут за честь...

— Ах нет! — воскликнула Изора. — Я, конечно, старомодна, но буду принадлежать лишь тому, кто причастен к моему чудесному пробуждению. Если уж я подвела вас с приданым, то в остальном не обману...

— Уж вы не обманите, сеньорита... — вздыхал дон Кабальо.

В Плезире, как ни странно, их как будто ждали.

Расторопный паренек из посконского посольства проводил всю компанию в гостиницу, где дону Кабальо отвели роскошное стойло (vasилиска он захватил с собой и спрятал в сено), а братьям и принцессе — комнаты.

На все расспросы паренек отвечал:

— Распоряжение было... За все уплачено...

А больше ничего не отвечал.

Мало того: осматривая свои покои, Тихон и Терентий обнаружили под подушками свои мечи — те самые, что были отняты легкомысленно освобожденными злодеями.

— Вот видишь, братец, какие люди миленькие: их совесть замучила, они и вернули наше добро! А ты еще в людей не верил! — укоризненно сказал Тихон.

— Если их кто и замучил, то палаch, — сурово ска-

зал Терентий. — Стыдно-то как перед батей! Оружие потеряли! Ладно, хоть нас тут никто не знает... Но как наши мечи вперед нас поспели?

Тут в комнату братьев залетела, не постучав, принцесса Изора:

— Мальчики, я здесь с одним графом познакомилась — обалдеть! Правда, он уже в годах... Только вы не думайте, я не такая, я верная! Я его за нос повожу, пусть потратится на женщину — не стану же я разорять вас, бедных студентов!

Что правда, то правда. Студенты Академии, не взирая на имущественное положение, были бедные во всех смыслах.

Фрейлина Чумазея приврала: плезирские студенты, в отличие от золотой местной молодежи, вовсе не одевались по моде. Им предписана была единообразная форма одежды: простая рубаха, штаны в обтяжку с гульфиком (Изора немало посмеялась, обучая братьев обращению с этим нехитрым устройством), широкий плащ-накидка (под которым хорошо было прятать украденные продукты, до поросенка включительно), на ногах — деревянные башмаки.

Мало того, жестокий цирюльник в Академии на чисто снял с головы Тихона патлы, а с головы Терентия — гребень. Вместо причесок им отныне полагались довольно дурацкие шапочки.

— Вас теперь и не отличить! — хотела Изора. — Но я уже решила: буду принадлежать тому, кто станет первым в учении!

Когда братья рано утром уходили, как на казнь, в Академию, она из окна махала им вслед платком. На принцессе уже было новое платье. Рядом с ней стоял какой-то мужчина — должно быть, водимый за нос граф.

...Перед каменными стенами Лабиринта толпились новички. Их покуда не пускали. Бывалые студенты, проходя прямо в двери, отпускали издевательские замечания:

- В первый день из Лабиринта выходит лишь каждый десятый!
- И то — если его находят!
- А клубочки вы с собой захватили — обратную дорогу искать?
- В Лабиринте много страшного водится — чего приснилось нашим мудрецам! Сон разума — он сами знаете, кого рождает!
- А ночью выжившим будет посвящение в студенты!

Не прибавило радости новобранцам и напутственное слово ректора мэтра Забульдона. Мэтр походил на большого облезлого филина в очках, а голос у него был вороний.

— Голова юноши, — говорил он, — напоминает сосуд, наполненный всякой дрянью. Прежде чем оросятся его стенки живительной влагой мудрости, надлежит вначале освободить его от кислоты скептицизма, щелочи предвзятости, окислов глупости и солей легкомыслия. В науке нет королевских путей (с этими словами он почему-то строго глянул из-под очков на Тихона и Терентия — они испуганно прижались друг к другу)! Вся она есть сплошное страдание. Поэтому я не обещаю вам скорого приобщения к сонму избранных — нет, я могу обещать вам только кровь, пот и сопли. Поэтому не спрашивайте, что наука может сделать для вас, — спросите, что вы можете сделать для науки. Не вздумайте также спросить, сукины дети, по ком звонит колокол — он звонит в основном по вам. Отныне ваш девиз будет: «Не

верь, не бойся, не проси» — он одинаково хорош при всех жизненных обстоятельствах.

Недаром ведь даже в простонародье говорят: «Не учи ученого — поешь стекла толченого!», «Ученье — свет, да подлинных ученых нет», «Век живи, век учись — вот и кончилась вся жись», «Корень учения горек, да голод не тетка», «У науки — длинные руки», «У науки — глупые внуки», «У науки — частые глюки». Да, подлинному ученому приходится иногда наступать на грабли собственной песне!

Помните также, что лишь чистые науки живут по законам — конкретные же обходятся понятиями. Все вы отныне поставлены на счетчик Высшего Разума, и каждому в конце концов придется ответить за умственный базар, царящий в его голове.

Потом он повторил свою краткую речь на Мертвом Языке, отчего стало еще страшнее.

— Брат, мы, кажется, опять куда-то не туда попали, — растерянно сказал Терентий.

Голос его прозвучал достаточно громко — остальные новички либо молчали, либо обменивались знаками на пальцах.

— Немтыри? — одними губами спросил Тихон.

— Нет, — прошептал Терентий. — Я узнавал — это у студентов такой специальный язык, сурдик называется. Это теперь модно. Эльфийский стиль. Чтобы подсказывать друг другу... Надо бы и нам его выучить...

Мэтр Забульдон свирепо глянул на болтунов и приказал впустить неофитов в храм знаний:

Оказалось, что зря пугали и бывалые, и ректор: по случаю первого дня новичков сопровождали служители. Они не давали подолгу задерживаться около

лекторов, поэтому до принцев и всех остальных доносились только обрывки Высшего Знания.

— ...математически и стратегически доказано, что между числами «один» и «два» существует, по крайней мере, еще пара чисел — «раз» и «ать», что может подтвердить всякий, кто занимался строевой подготовкой. Эти-то числа и следует считать иррациональными, как и все, что связано с военной службой...

— ...так называемое неспанское золото, якобы вывозимое из-за океана, вовсе не доказывает существования там какого-либо материка. Логичнее допустить, что каравеллы короля Транспаранда оборудованы мощными алхимическими лабораториями, и драгоценный металл добывается непосредственно из морской воды...

— ...на этом основании можно предположить, что существует множество миров, схожих с нашим, но отличающихся одной-единственной особенностью. Представьте себе кошмарный мир, где религия победила магию и где жрецы отправляют волшебников на костер, а не наоборот. Там развитие науки было бы вообще невозможным, тогда как в нашем мире магия, подобно заботливой матери, выпестовала науку, относящуюся к ней с дочерним почтением...

...И сладкозвучные строки песнопевца Промокла:

Дядюшка мой, муж весьма благородных понятий,
Лютой болезнью сражен, долго не мешкал отнюдь:
Способ нашел он простой, дабы разом снискать уваженье,
Лучшего способа нет, сами проверьте, друзья!

— ...древняя философия Буддистана делит всю Вселенную на две части — «тутас» и «тамас». Сущность же человеческая, согласно учению о Трех пу-

тях, расчленяется, в свою очередь, на три категории — «трахман», «бляхман» и «зусман»...

— ...и птица эта опускается на морское дно, и находит там раковину с жемчужиной, и достает эту жемчужину, и жемчугом устилает свое гнездо...

— ...теперь рассмотрим переход кисти руки из хватательной стадии в ударительную...

— ...миллионов лет наше Солнце тоже погаснет. Поэтому имеет смысл уже сейчас покупать свечи и факелы в неограниченных количествах...

— ...гипотеза о существовании так называемых динозавров выгодна прежде всего фабрикантам игрушек. Гигантские же кости и яйца, иногда находимые строителями, свидетельствуют прежде всего о том, что наши далекие предки лучше питались и активнее размножались...

— ...жители острова владеют, по меньшей мере, пятью языками, но говорить не могут вовсе, потому что пяти языкам очень тесно во рту...

...Когда восьмой по счету новичок грохнулся в обморок, служители сжалились и вывели неофитов из стен Лабиринта.

Правда, на этом экскурсия не окончилась: их еще быстренько провели по лабораториям и мастерским. Там было темно и дымно, что-то лязгало, скрипело и взрывалось...

— Гляди, брат, чего я прихватил! — похвастался Терентий на пути к гостинице и достал из-под плаща большую темного стекла бутыль с притертой пробкой.

— Что это, Тереша? Зачем ты это украл? Нас же теперь выгонят!

— Один я, что ли, там был? На нас никто и не по-

думает. Прочти-ка лучше, что здесь написано. Может, вино?

Наклейка на бутыли гласила Мертвым Языком:

«АЛХИМИЧЕСКАЯ СВАДЬБА».

— Значит, не вино, — с сожалением сказал Терентий и приоткрыл пробку. Сперва он поднес к горлышку нос, а потом и ухо.

Из бутылки слышались разнообразные звуки: музыка, пение, топот пляски и даже крики «Горько!».

— Не вино, а пригодится, — загадочно сказал Терентий и тщательно притер пробку. — Мало ли как жизнь повернется... Надо только спрятать ее получше.

— Пойдем на конюшню, проведаем дона с Васильком!

Дон Кабальо и василиск устроились совсем не худо: Василек своим видом отпугивал от кормушки других лошадей, и они с доном лопали овес от пуза.

— Вам хорошо, — сказал Терентий. — А нам вот еще посвящение предстоит... Или не ходить?

— Как не ходить? — возмутился дон Кабальо. — Это позор! Вас товарищи и за студентов тогда считать не будут!

— А посвящать — это больно? — спросил Тихон.

— Смотря чем, — сказал конь. — Если деревянным башмаком — еще терпимо...

— А чем еще могут? — встревожился Терентий и даже ухватился за место, обреченное посвящению.

— Жестяной кружкой, — предположил дон Кабальо, и как в воду глядел.

Глава 26,

*в которой вся честная компания
идет на представление, а попадает в конце концов...
Что же вы хотите — два раза по тринадцать!*

— Мальчики, мы идем в театр! Граф достал билеты! На представлении будет сам король!

Мальчики лежали в своих постелях на животах.

— Больно много твой граф хлопочет, — сказал Терентий. — И схлопочет-таки.

— Ну как вам не стыдно! — сказала принцесса. — Он бы мог на вас и не покупать. Я его, во всяком случае, не просила...

— Вот и идите сами, — сказал Тихон.

— Какая прелесть! — воскликнула Изора. — Ты ревнуешь! Но должна же я хоть где-то появиться в новом платье! Пока дождешься приглашения на дворцовый бал! И вообще — вы хоть раз были в театре?

— А что это такое? — спросил Тихон.

— Мон блин, кто из нас проспал четыреста лет? Театр — это когда на сцену выходят актеры и начинают изображать разных людей — принцев, злодеев, красавиц, шутов...

— А чего их изображать-то? — не понял Терентий. — Разве в жизни этого добра мало?

— Потому что это те-а-атр, глупенький! К тому же самый модный — театр «Примус» из Челдона, тот самый, знаменитый. Правда, там все по-стрижански, но граф Пихто обещал мне перевести. И пьеса самого Генри Твистлэнса, новая — «Крестополк и Декламира». Вы сами себе потом не простите, что не пошли, детям своим будете рассказывать...

— Вот ты сама *нашим* детям потом и расскажешь, — не растерялся Терентий.

Изора вдруг разозлилась, словно давеча на своих рудокопов:

— Что это такое? Дама к ним входит, а они к ней, можно сказать, спинами повернулись?

— Мы не нарочно, — сказал Тихон, перевернулся и взвыл. А Терентий взвыл, даже не переворачиваясь.

— Нам банки били, — пояснил он причину воя.

— Всем новичкам били, — сказала Изора. — Однако все они уже толкуются возле театра, надеясь попасть внутрь. Что-то вы у меня сильно чувствительные!

— Нам вдвойне досталось, — сказал Тихон, но от объяснений удержался.

Пришлось подниматься — не отпускать же любимую девушку с каким-то подозрительным графом!

Граф Пихто оказался на удивление милым человеком, совершенно простым в обращении с сыновьями какого-то купчишки, к тому же покойного. Он с ходу поведал землякам несколько последних столенградских придворных сплетен, но принцы себя не выдали.

— Это все не нашего ума дело, — сказал Терентий. — Графья там, бароны... Бездельники они, кровь только нашу горазды пить!

— Народ угнетают! — поддакнул и Тихон. — Свободу замылили!

— Вижу, друзья, что всего за день успели вы нахвататься вольного бонжурского духа, — сказал граф Пихто. — Что ж, это неизбежные издержки просвещения... Кстати, молодые люди, на местах, заказанных мной, вас ждут пуховые подушки...

Братья с неодобрением посмотрели на принцессы, а она лишь пожала плечами. На ней было розово-

го шелка платье, украшенное цветами шиповника из граната — видно, недешевое.

— Конечно, граф с мужиков семь шкур дерет — что такие платья не покупать! — ворчал Терентий, когда они с братом плелись за графом и принцессой. — Да и не бывает в Посконии такого графа — Пихто... И сроду не было... Я бы знал...

— Не порть нам настроение! — бросила через плечо Изора, а граф даже не соизволил обернуться на такие возмутительные речи.

Студентам Академии положено повсюду ходить в форменной одежде, так что королевичи едва не затерялись в толпе себе подобных — школяров у театра собралось куда больше, чем придворных.

Театр устроили по всем правилам, как в городе Челдоне. Там пахло свежим деревом и маслом, горевшим в плошках. Пистон Девятый не пожалел денег для потехи своих подданных, да и терять лицо перед какой-то там Стрижанией ему не хотелось.

Сперва пускали зрителей поблагородней (королевичам пришлось прямо-таки цепляться за Изору и графа), а потом уж хлынули, сметая проверяющих, горожане и студенты.

Королевская ложа располагалась справа от сцены, там стояло кресло с высокой спинкой, охраняемое двумя стражниками.

— Стесняется мымру свою на люди вытаскивать, — злословили зрители всех сословий. — Кресло-то одно!

На пустой сцене тут и там были развесаны таблички: «Дворец», «Темный лес», «Чистое поле», «Вражий стан», «Глубокая река», «Военная академия».

Богатые дворяне из тех, что не знали стрижанского, пришли со своими переводчиками. Младшие

школьяры надеялись на старших. Да и просто поглазеть на действие — тоже хлеб.

— Не волнуйтесь, добрые люди! — раздался чей-то громкий и хриплый голос. Голос принадлежал крепкому одноглазому мужику в синей морской робе и с костылем. Сивая борода у мужика торчала во все стороны, как у тролля. — Старый боцман Бен Баррахлоу обскажет вам все в лучшем виде и на самом что ни на есть изысканном бонжурском. Должны же бедные плезирцы познакомиться с творениями величайшего гения Стрижании, славного Генри Твистлэнса! Вы тут успеете ракушками обрасти, пока в Бонжурии появится свой первый драматург. Я не пропускаю ни одного представления пьес сэра Генри на родине, да и здесь не собираюсь... Господ немых прошу простить — языку их не обучен! Но игра актеров и так все скажет без слов!

Неизвестно, сколько бы старый боцман еще занимался пропагандой стрижанской драматургии, если бы зрители не завопили дружно:

— Ейжеей! Ейжеей!

В ложе появился король Пистон Девятый.

— Смотри, совсем как батюшка сказывал... — начал было Тихон, Терентий же наступил ему на ногу. Граф Пихто с интересом посмотрел на юных соперников.

Можно было начинать.

Сперва на сцене появился человек в белом плаще и заявил, что он — Пролог, после чего взял да и рассказал вкратце все содержание будущего спектакля.

— Морду надо бить за такие вещи, — заметил Терентий, но никто его не поддержал. Видимо, в театре так полагалось.

После этого под табличкой «Дворец» появилось

двоих актеров — один с большими накладными усами, другой совсем юный, оба в странных каракулевых шлемах.

Это были полководец Крестополк и его оруженосец Хребтарий.

Между ними состоялся разговор.

Хребтарий:

Гляжу на вас, милорд, и удивляюсь.
Какая мошь, способности какие!
Никак сего мой разум не вместит.
Вы прямо древний Кавтирант-воитель!

Крестополк:

Не льсти, Хребтарий, много я пожиже.
Не льсти напрасно: я ведь человек
Совсем простой, как ты; коль нет сраженья —
Ты приходи ко мне хоть в ночь- полночь.
Увидишь, пью я джин — и ты садись.
Овсянку ль ем — разделим и овсянку,
Ростбиф окровавленный, пунш и эль...
Но коли трубы к бою призывают —
Тогда — того! И у меня — ни-ни!

Хребтарий:

А что «того» и что «ни-ни», милорд?

Крестополк:

Постой же, объясню тебе наглядно,
В чем именно искусство полководца
Заключено; допустим, эта миска
Пусть означает Дунсинанский холм,
А эти клубни земляные — войско.
Вот — полководец. Где он должен быть,
Когда придет о приступе известье?

Хребтарий:

По-моему, ему бы на холме
Не худо б отсидеться, право слово...

Крестополк:

Нет, впереди и на лихом коне!
Чтоб видели и ведали солдаты,
Что с ними вождь и дух его высок!
Но вот начался бой. Где быть вождю?

Хребтарий:

Да впереди же, как вы и сказали!

Крестополк:

Нет, вот теперь как раз ему и время
Взойти на холм, чтоб поле обозреть,
Увидеть битву разом; там ввести
Пехоту для прорыва иль послать
Для подкрепления конные отряды.
Но вот играет музыка победы.
Враг, поражен, бежит, бежит, бежит!
Где место полководца?

Хребтарий:

На холме!
Чай, без него погоня обойдется!

Крестополк:

Нет, впереди и на лихом коне!
И на плечах врага — в его столицу!

Хребтарий:

О горе! Не понять мне никогда
Науки побеждать; недаром я
Уж столько лет — а все оруженосец.

Пойду слегка утешусь: леди Анна
Давно меня настойчиво просила,
Чтоб я подробно объяснил устройство
Орудия неслыханного свойства...

Дальнейшие слова потонули в хохоте и аплодисментах. Придворные при этом внимательно следили, смеется ли король и долго ли он аплодирует.

— И все, что ли? — скривился Терентий.
— Да нет же, глупенький, сейчас будет интермадия.

— А это как?
— Очень просто — выйдет шут или два, начнут смешить публику...

Действительно, на сцене появились два актера весьма глупого вида. У одного на голову был натянут сапог, у другого — кастрюля. Они и обуты были каждый на одну ногу. Оба вооружены были дубинками, что предвещало хорошую драку.

— Я — Тихон, принц Посконии! — провозгласил тот, что с сапогом. Голос у него был визгливый. — В безветренный день я еще способен отличить кукушку от ястреба, но, когда дует норд-норд-ост, мой разум обостряется с особенной силой. И тогда горе тому, кто встанет у меня на пути! Будь это даже мой собственный брат, премудрый Терентий!

Актер с кастрюлей, изображавший Терентия, отвечал еще более гнусным голосом:

— Тихон, а Тихон!
— Ась?
— У меня умерла теща! Ха-ха-ха!
— Как умерла?
— Грибков поела!

— Какое горе! Ха-ха-ха! Но у тебя же нет тещи!

— Значит, это была воображаемая теща, зато грибки настоящие! Ха-ха-ха! Тихон, а знаешь, почему мы такие умные?

— Не знаю, Терентий! Ха-ха-ха! Наверное, потому, что ты отравил свою тещу грибами!

— Нет, потому, что наш батюшка прижил нас от болотной ведьмы! А она как нас родила, так и утопилась с горя! Ха-ха-ха! Вот поэтому у нас мозги из ушей лезут... А знаешь, почему у нас в державе вместо герба один хрен?

Ни Тихон, ни граф Пихто, ни тем более Изора не успели ничего сделать. Терентий сорвался со скамьи и прямо через ряды устремился к сцене с ревом:

— Ну, гниды балабонские, держитесь! Поползете сейчас у меня до Челдона раком!

Зрители хотели еще пуще, полагая, что это есть неотъемлемая часть представления.

Терентий одним прыжком вскочил на сцену и сгреб актера с кастрюлей за ворот. Он уже приподнял гнусного паяца над помостом, как вдруг услышал какой-то сдавленный крик из королевской ложи.

Королевич бросил шута так, что доски задрожали. И застыл, пораженный.

Его брат Тихон находился уже не на сцене, а в королевской ложе и кинжалом своим замахнулся на Пистона Девятого.

— Брат, не делай этого! — крикнул Терентий.

А Тихон тем временем со своей скамьи с ужасом увидел, что брат его Терентий уже не на сцене, а в королевской ложе замахивается кинжалом на Пистона Девятого.

— Брат, не делай этого! — крикнул Тихон.

Оба вопля слились в один.

Актер-Тихон ударил сзади Терентия дубиной по голове. Терентий упал. Упал и Тихон в зале. Упал и тот, кто злоумышлял в ложе на короля Бонжурии. Одет покушавшийся был в такую же студенческую форму и так же наголо побрит.

Опомнившаяся стража скрутила нападавшего. В зал со всех сторон устремились солдаты. «Эльфийские шпионы, эльфийские шпионы!» — кричали тут и там. Ворвавшийся ветер погасил огонь в плошках.

Изора попробовала приподнять Тихона, но чьи-то руки выхватили его. Она услышала только голос:

— Немедля везите его высочество домой!

Другой голос возразил:

— Но ведь это же...

— Везите, я сказал!

— Граф, граф Пихто! — кричала принцесса. — Леона похитили!

Но граф Пихто не мог прийти ей на помощь — ему самому скрутили руки и потащили к выходу.

Глава 27,

*в которой старый пират и бывший горбун
вспоминают осаду Чизбурга*

Весть о том, что эльфийские агенты готовили переворот и пытались убить государя во время представления, мгновенно облетела вечерний Плезир. Одни говорили, что убийца переоделся студентом; другие утверждали, что он и не переодевался, а просто принимают в Академию кого попало, вот и дождались. Третья утверждали, что злодей заворожил королевских телохранителей, вот они и сплоховали. Впрочем, утверждали это в основном друзья и родственники самих телохранителей.

Стражники схватили всех, кто был в зале. Дам, впрочем, с извинениями отпустили, зато студентов, дворян и подозрительных иностранцев сгребли немедленно. Мало того, арестовали и всю труппу театра «Примус», что грозило международными осложнениями.

Плезирский тюремный замок за большие размеры и обширные камеры назывался Вместилия; аресты пошли по городу и шли до тех пор, пока не были заполнены все казематы. С рыцарских времен характер у Пистона Девятого сильно изменился. «Берите всех — суд установит виновных!» — произнес бонжурский monarch ставшие историческими слова.

Только ведь и дело было более серьезным, чем полагали обыватели. Некоторые из студентов оказались вооружены, дрались необычайно умело и на несли солдатам существенный урон. Да и никакие это были не студенты — взрослые мужики, не отвечавшие ни на один вопрос немедля начатого следствия.

Следствию пришлось туговато, поскольку покушавшегося по горячке сложили в общую кучу оглушенных и притоптанных, и теперь еще предстояло его найти.

А остальным, случайным и невиновным, предстояло сидеть неведомо как долго.

... — Тихон! — негромко сказал граф Пихто. — Принц Тихон! Ваше высочество!

Тихон не отзывался.

— Пусть парень поспит, — раздался знакомый недавним зрителям голос. — Может, на допросах ему и вовсе не дадут спать... А он что, ваш знакомый, сэр... э-э?

— Граф Пихто, — сказал граф. — Скорее, земляк...

— Позвольте представиться — Бенджамен Баррахлоу, бывший боцман корабля ее величества «Вирджиния слим». Поверьте, ваша светлость, я-то знаю толк в тюремных порядках. Если уж это проклятое бонжурское правосудие вцепится в человека, то не выпустит из своих когтей. Нет, милорд, не выпустит. Тем более такое серьезное дело. Честно говоря, я бы тоже отдал этого парня с кинжалом под суд, но не за покушение на никчемную жизнь здешнего королишки, а за то, что он сорвал спектакль, и несчастные бонжурцы не смогли в полной мере насладиться гением великого Твистлэнса...

— Однако для простого боцмана вы большой театрал, — сказал граф Пихто.

— Я патриот, сэр! И для меня свято все стрижанское!

— Что же вы делаете вдали от родины? Сбились с курса?

— Вы шутник, ваша светлость. Каюсь, старушка «Вирджиния» не всегда ходила под королевским флагом — точнее, ходила только в первые годы. Проклятье, я опять ударился о потолок — факнутые лягушатники навряд ли принесут нам свечку. Сколько же нас в этой камере?

— Десятка два, пожалуй... В основном ребятня... Так вы, как я понял, любезный боцман, скрываетесь от стрижанского правосудия?

— От стрижанского в том числе. Хотя перед родиной я чист — мы грабили только неспанские суда.

— Но на королевском корабле, — уточнил граф.

— Не на плоту же было нам ходить! — сказал боцман. — Мы принесли Стрижании больше пользы,

чем все адмиралтейство. Мы пустили на дно «Хулио Иглесиас» — вы представляете?! Мы сожгли «Ла Марадону»! Мы разорили Пуэрто-Борхес и Пуэрто-Кортасар! Этому надутому индюку, адмиралу Бульбультону, и не снились такие победы! И за все хорошее старику Бену Баррахлоу вместо пенсии и тихого домика в деревне теперь полагается петля во дворе Факсфордской тюрьмы! Вот говорят: нет пророка в своем отечестве, а я вам больше скажу, милорд, — нет и героя в своем отечестве!

— Брюки драные, — посочувствовал граф Пихто.

— Золотые ваши слова, сэр! А здесь у меня в филиале банка Кувырканти есть небольшие сбережения... Совсем небольшие, но и ими готов я поделиться со здешним комендантом...

— Вряд ли получится, — вздохнул граф. — Если бы дело было уголовное...

— Вот в чем и беда. Теперь из нас начнут лепить эльфийских шпионов. Надписи на моей старой деревяшке сочтут эльфийскими рунами. Как будто хоть один нормальный человек видел живого эльфа! Я был и на Берегу Черной Кости, и в Чекуланде, и в Камерале. Нигде нет никаких эльфов! Вот говорят, моряки врут; согласен, милорд, есть маленько, а только даже самый брехливый юнга не станет вам заливать насчет эльфов, потому что знает, что сейчас же получит по голове бутылкой, хотя бы она — я разумею, конечно, бутылку, сэр, — была еще полнешенька. Эльфы остались только в комедиях мистера Твистлэнса — и больше нигде...

— В свое время я знал девушку, выдававшую себя за эльфийскую принцессу, — сказал граф Пихто.

— Выдававшую-то и я видел, — сказал боцман. — Даже на руках носил. Вот сказать, чтоб знаком был,

не скажу. И даже вспоминать страшновато. Страшней любого абордажа. Страшней петли в тюремном дворе. Как увижу перед собой эту голову... К таким делам даже случайно прикасаться не стоит. Я когда услышал от здешних моряков, что Чизбургская крепость воздвиглась на прежнем месте... Короче, я с великим трудом взял власть над своим телом, милорд.

— А при чем тут Чизбург? Я стоял на его дымящихся развалинах со своими товарищами, мы пили скверное тамошнее вино за здравие уцелевших и за упокой павших...

— Так вы солдат, милорд, а не придворный шаркун? Это хорошо, умелый солдат да старый моряк — это уже сила. Мы непременно что-нибудь придумаем... Так вот, когда вы пили действительно скверное вино на дымящихся развалинах, далеко-далеко, на самом горизонте, виднелись паруса. Это старушка «Вирджиния слим» спешила убраться от проклятого города. А на ее борту находился ваш покорный слуга. Правда, капитану Сдохли пришлось пожалеть, что он взял меня в команду. Нет, мы его посадили в шлюпку с припасами — все честь по чести. За потерю корабля королева хотела было его повесить, но сжалась. Теперь его, я слышал, законопатили по-слом в какую-то дыру на востоке.

— Я даже знаком с данным джентльменом, поскольку проживаю в этой самой восточной дыре, — сказал граф Пихто. — Действительно, свинья редкостная. Даже для стрижанца.

— Простите, сэр. Простите, ваша светлость. Я не хотел оскорбить ни вас, ни ваше отечество. Вы уели меня, милорд, вы поставили старика Баррахлоу на место. Теперь я вижу, что вы настоящий командир.

— В таком случае, боцман, продолжайте ваш рассказ о Чизбурге и его ужасах. И не отвлекайтесь ни на что иное.

— Слушаюсь, сэр. Так вот, началось все это с того, что я списался в Чизбургской бухте с «Партагас». Мы привезли в Чизбург уголь и еще какую-то дрянь. Возить по морю уголь — представьте себе! Паруса стали серыми от угольной пыли, а парусам, милорд, должно быть белыми... Ну, в особых случаях — черными. Словом, надоели они мне. Кормежка — дрянь, жалованье — гроши... Думаю, посижу-ка я здесь и подожду порядочного корабля. Крепость неприступна, море чистое — бонжурского флота и близко не видно, боялись они нас, да и сейчас побаиваются.

Сижу. Жду. На горизонте ни паруса. Деньги кончаются, осаде и конца нет. Потом этот знаменитый приступ был, когда все гремело... Врать не стану, не видел, проспал в одном веселом доме. Чизбургцы празднуют победу, там поднесут стаканчик, там кружечку... Но это же не дело! Надо найти хоть какой-нибудь заработок! А в Чизбурге с этим туго. Там тогда этот колдун был главным, Примордиаль пресловутый. Он много чего придумал, чтобы людям труд облегчить, оттого и безработица там была. Облегчил, называется... Поверите ли, милорд, я даже отхожие места соглашался чистить — не надо, говорят, они у нас сами водой омываются. Комендант этот еще отвратительный, Кренотен, ко мне присматриваться начал — не стрижанский ли я шпион. Всюду одно и то же.

И я, милорд, дошел до крайней степени падения: согласился стать помощником палача... Может, вам неинтересно, ваша светлость?

— Продолжай, — приказал граф Пихто. — Сейчас как раз самое интересное и начинается...

— Палач у них погиб со всей свитой во время вылазки — они убитых бонжурцев ходили обдирать. Но, на мое счастье, пришел доброволец — под маской, как положено. А то бы мне самому пришлось меч в руки брать — вот до какой крайности дошел!

Я с этим палачом попробовал разговориться, только он оказался неразговорчивый — подай, принеси, наточи, помалкивай.

Я на море смотрю, жду паруса — может, думаю, и пронесет, не успею опробовать новое ремесло.

Не пронесло. Назначили казнь. Ну, мы, то есть мастер с командой, не знаем — кого будут казнить, за что, да и не положено нам этого знать.

Казнь была какая-то... ну, скромная, что ли. Народу не нагнали, так, кое-кто толпится. Ждем, когда приведут казнимого. Комендант тут же стоит. И выводят девушку в ярко-алом платье. Будто ее не из каземата вытащили, а сама она вышла с бала на свежий воздух — отышатся. Улыбается, словно невеста, и такая у ней ясная улыбка была, что я после того целый год на портовых шлюх даже не глядел, видеть не мог ихних физиономий.

Палача моего словно паралич разбил. Комендант же, морда вся в бородавках, спрашивает: «О чем задумались, мастер?» А тот отвечает: «О любви и смерти, мэтр Кренотен, о любви и смерти».

Девушка как это услышала, бросилась палачу на шею и что-то шепчет ему на ухо — должно быть, просит, чтобы вернее ударил или вообще отказался, а пока нового заплечника найдут...

И вдруг я понимаю, милорд, что это все под-

строено. И что не будет никакой казни. И что мастер-палач с этой девушкой знакомы, и что мэтр Кренотен с ней в заговоре, и не придется мне сквернить себя проклятым ремеслом. Радостно мне стало, но ненадолго.

Комендант читает приговор: девицу Алатиэль, выдающую себя за эльфийскую принцессу, казнить как бонжурскую шпионку.

Палач мне показывает — связывай, мол, руки. Вязать-то я умею, стараюсь, чтобы не было больно. Все равно же это все сейчас кончится. Ей даже волосы не остригли.

Но он, гляжу, берет ее за шею, становится на колени и прижимает голову к плахе. Волосы небрежно так в сторону сгреб. Комендант от смеха давится. И говорит: «Кончайте комедию, капитан Ларусс». Я хорошо это имя запомнил, милорд.

И тут свистнул меч! Это не палаческий был удар — солдатский! Уж я-то знаю!

Отрубленную голову полагается показать народу, только показывать-то уж было некому: комендант Кренотен сорвался с места и побежал, как будто за ним морские собаки погнались. И стражи, видя это дело, подхватила алебарды — и прочь. И народ, какой был, в страхе разбежался. Не такого они все ждали конца.

Я осторожно взял голову — ни одного волоска не срезано, вот уж удар! Положил в корзину на опилки. Тело, как полагается, выпрямил, положил рядом. Смотрю — на площади только мы двое и остались. Он сел прямо на окровавленную плаху, положил подбородок на рукоять меча и застыл.

Я спрашиваю: может, вина, мастер? А он гово-

рит — нет, раздобудь-ка мне факел, да пару свечей, да огниво, да трут и еще проверь — хорошо ли горит...

Пока я бегал по лавкам, наступил уже и вечер. Возвращаюсь — он как сидел, так и сидит. Принял мои покупки, дал мне золотой и пошел прочь. А что с телом делать, спрашиваю так осторожно. А что хочешь, отвечает. Тело казненного есть собственность палача. В случае отказа — его помощника. Недаром из-за этого в палачи идут всякие сквернавцы, но я-то — моряк!

И вот сижу я, милорд, на его месте и чего-то жду. Может, того, что похоронная команда сама придет. Или суждено мне этот золотой на погребение истрасти...

Вдруг слышу голос: «Молодой человек, тельце не уступите? Я хорошо заплачу!» Смотрю — а это мэтр Примордиаль собственной персоной, Глава города. Он бы мог меня и не спрашивать, а вышибить пинком да и забрать, что ему надо. Но нет — блюдет старые обычай, тело положено выкупать.

Он пришел один, без охраны, только ему охрана и ни к чему, его страх людской охраняет. И меня страх взял, сэр, и я только об одном думаю — возьму деньги, найду в бухте хоть самый паршивый ялик — и подальше, подальше от этого Чизбурга! Ну и говорю — забирайте, ваше. Не станет же, думаю, старишка над ним глумиться. Мудрец все-таки.

А донести не поможете, спрашивает, я еще приплачу! Ну, старому человеку как не помочь. Он голову взял, я все остальное на плечо закинул. Я, милорд, не боюсь покойников с детства. Как-то рано я сообразил, что труп — это всего лишь оболочка, ракови-

на без жемчужины, особой ценности не имеющая. И повел меня куда-то мудрый Примордиаль. Спустились мы с ним в подвал, а коридор уходит все ниже и ниже. Под Чизбургом целый город расположен, даже больше, чем наверху.

И вот приходим мы в пещеру — точь-в-точь восточная сказка про разбойников, все освещено неземным таким голубоватым светом, только вместо груд золота и драгоценных камней полным-полно всякой вонючей алхимической дряни, а посреди пещеры стоит огромный закопченный котел — побольше того, в котором варят похлебку для команды целой королевской галеры. И никакого огня, милорд, под этим котлом я не вижу, а вода в нем все равно как бы слегка бурлит, тихонько побулькивает.

«Опускайте туда тело», — командует старый колдун, и я, не смея противиться, команду его выполняю. А он отправляет в котел таким же манером и голову.

Мне бы сразу отойти или хотя бы зажмуриться, но всякий моряк любопытен, иначе он сидел бы себе скромненько на берегу и носа не совал в синее море.

Словом, сэр, я не утерпел и поглядел.

Голова открыла глаза, а тело задвигало руками. Нет, не оттого, что там пузырьки бурлили. Само задвигало.

Этого, сэр, я уже не вынес. Про расчет, правда, не забыл, сгреб кошель и побежал прочь, не попрощавшись. Да мэтру и не до того было.

Не знаю, сколько я бегал по этим подземным коридорам, но только к утру нашел оттуда выход. И этим же утром вошла в бухту «Вирджиния слим». Я ей бросился навстречу — вплавь! Не помню, чего уж я там

врал капитану Сдохли, а только предпочел он отойти от скалы на пару кабельтовых. И вовремя. Потому что наверху как раз и бахахнуло, да так, что скала пошла трещинами, и посыпались оттуда камни.

Ни о какой высадке уже и речи быть не могло. Команда бы взбунтовалась.

Она в конце концов и взбунтовалась — правда, уже при моей помощи. Не мог я после таких ужасных чудес оставаться честным матросом ее величества — поймите меня правильно, милорд. Пережив такое, любой нормальный человек непременно захочет поднять на мачте «Печального Джека» и отправиться под ним куда-нибудь подальше в южные моря, чтобы его, на худой конец, акулы съели. Лучше акулье брюхо, чем этот котел. От акул я, правда, отдался только ногой. Глаз же мне выбили...

— Довольно, — сказал граф Пихто. — Мой дорогой боцман, один человек уже заплатил мне жизнью за ничтожную часть этой тайны. Правда, это был куда больший мерзавец, чем вы. Поэтому жизнь я вам оставлю — пока. Но при двух условиях. Во-первых, вы никогда и никому больше не расскажете эту историю. Во-вторых, если меня уволокут отсюда на допрос или пытку, вы присмотрите за этими двумя парнями, что лежат без памяти. Да, это братья. Вот этого, с разрисованными щеками, зовут Терентий, а другого — Тихон. Только что-то он у меня бледный совсем стал, словно всю жизнь солнца не видел...

— Должно быть, малярия, сэр, — сказал боцман. — Когда очнется, дам ему хинной настойки, и будет как новенький. Слово моряка!

Глава 28,
*в которой принца Тихона принимают
за совсем другого принца*

Тихон очнулся и открыл глаза. Он понял, что находится не дома и не в гостинице. Дома вокруг было светлое дерево, в гостинице — грязная штукатурка. Здесь же был камень. Свод из камня, стены из камня, ложе, на котором он покоился под огромной меховой шубой...

Над ним склонилась женщина, и Тихон сразу ее узнал. Это была мама, которая снилась им с братом едва ли не каждую ночь. Но на этот раз она не превратилась в какое-нибудь чудовище, чем кончались обычно такие сны. Она гладила Тихона по стриженоей голове, целовала его в глаза и говорила что-то без голоса, и королевич все равно понимал, что она говорит все те слова, которых ему не хватало всю жизнь.

— Мама, миленькая, ты нашла меня! — воскликнул Тихон, и женщина зарыдала. — Не плачь, мама, мы теперь всегда будем вместе, вот только найдем еще Терентия. Ты не смотри, что он злой, — он на самом деле добрый, только притворяется. И мы все вернемся к батюшке... Мама! Что с тобой? Эй, есть здесь кто-нибудь?

Сразу же в комнате оказался не кто-нибудь, а десяток слуг в черных ливреях. Они молча вынули из Тихоновых объятий обеспамятевшую женщину и куда-то понесли. Остался только один. Он вытянулся у ложа, словно бы ожидая приказаний.

— Королеве стало плохо, ваше высочество, — сказал он. — Сейчас ее осмотрит лекарь. А как вы себя чувствуете?

— Кто ты, добный человек? — спросил Тихон.

— Ваше высочество, да я же ваш камердинер Мор-Милат! — воскликнул незнакомец. Его морщинистое лицо выражало крайнее удивление.

— А где же Терентий? — спросил принц.

— Какой Терентий?

— Мой брат Терентий!

— Ваше высочество, — мягко сказал камердинер. — Наставник не зря отговаривал вас от поездки в Бонжурию. Эту носатую скотину мог прикончить любой опытный мутус, а вы вбили себе в голову, что должны все сделать собственоручно! Мне даже страшно подумать, чтосталось бы с вами, не оказалась в зале наших агентов! Ваше высочество, у вас нет и быть не может никаких братьев. Вы единственный законный наследник эльфийского престола, принц Тандараден. Ваша память пострадала от предательского удара там, в Плезире. Ничего, скоро вернется ваш Наставник, мэтр Кренотен, и вы все вспомните... Вспомнили же вы вашу матушку, королеву Алатиэль!

— Довольно выдумывать, миленький, — сказал Тихон. — Наша матушка покоится в фамильном склепе, а эта добрая женщина просто-напросто мне привиделась...

— Но вы же назвали ее мамой, принц, да так ласково, как никогда! Обычно вы холодны с ней, как и со всеми остальными... Никогда не слышал ваш верный камердинер от вас таких нелепых слов, как «добрый» и тем более «миленький». Вряд ли мэтр Кренотен одобрит такое обращение к слугам — а я всего лишь ваш покорный слуга, принц. Придите в себя! Вы в полной безопасности за стенами вашего замка Эльфинор... Осталось дождаться только мэтра Кре-

нотена с известиями о победе. Скоро вся Агенорида будет у ваших ног!

— Меня зовут Тихон, — сказал Тихон. — И я действительно принц, только не эльфийский, а человеческий. И у меня есть брат, принц Терентий. И у меня есть отец — славный король Стремглав...

— Опомнитесь, принц Тандараден! Ваш «славный король Стремглав» — главный враг эльфийского дела! Наши бессмертные войска сейчас, должно быть, стирают в порошок его наспех набранное ополчение.

— Значит, я сошел с ума, — безнадежно сказал Тихон.

— Временное помрачение, ваше высочество! Удар по голове возбудил в вас комплекс неполноценности, вот вы и вообразили себя пресловутым посконским дурачком... Вы, сильнейший ум Агенориды! Вы, превзошедший всех мудрецов своего времени! Ничего, дома и стены помогают. Скоро вы придетете в себя. Как и ваша венценосная матушка. Ведь еще столько дел! И столько тел дожидаются, когда их отправят в котел Луга!

— К-куда? — с ужасом спросил Тихон. Ему сейчас очень не хватало Терентия. Тот со своей хитростью живо бы разобрался, что к чему...

— В котел Луга, ваше высочество, — терпеливо повторил камердинер Мор-Милат. — Для повторного рождения на верное служение вам и всему эльфийскому делу...

— А вы сами-то эльф? — спросил Тихон, успев придержать при себе «миленького».

— Куда уж мне, ваше высочество, — вздохнул камердинер.

«Буду вести себя, как Терентий», — решил Тихон.

— Ты, шишка пихтовая, — сказал он. — Чучело прямоходящее. Ну, отшибло мне маленько память. Со всяkim может статься. Так ты мне помогай, объясняй все, как маленькому, добрый... охломон, вот!

— Ваше высочество, — сказал камердинер. — Эльфийский принц не опускается до оскорблений слуг...

— Ну извини, не сдержался, — поправился Тихон.

— Не опускается он и до извинений, — сказал Мор-Милат. — Эльфийский принц только отдает распоряжения, а мы их выполняем... Что делать с телами?

— С какими телами?

— Да с мертвыми же, ваше высочество!

— А что с ними делать? Похоронить честь по чести...

— Но они же предназначены для котла!

— Да вы их варите, что ли? — возмутился Тихон.

— Воскрешаем, ваше высочество. Даём новую жизнь и вечную службу...

— А, — махнул рукой Тихон. — А есть тут кто потолковей тебя, чтобы все мне объяснил?

— Из говорящих остался только я, мой принц. Остальные в походе с мэтром Кренотеном, командуют мутусами и сурдусами.

— Это хорошо, — сказал Тихон. — А против кого воюем?

— Так против короля Стремглава, ваше высочество! — воскликнул Мор-Милат.

— Это плохо, — вздохнул Тихон. — Разобьет их ба... балабон этот посконский!

— Ну уж нет, — ухмыльнулся камердинер.

Тихон мучительно припоминал, как вели себя в

подобных обстоятельствах любимые герои Коган-Варвар и Хаим Бонд. Коган, ясное дело, сперва покрошил бы всех мечом, а уж потом начал разбираться, что к чему. А вот Хаим Бонд сначала все разведал бы... Да еще под чужим именем... Может, и со службу службу батюшке...

— Веди, — решительно сказал он. — Веди меня, верный Мор-Милат, по моему родовому замку, показывай все достопримечательности. Чувствую, что вот-вот — и вернется ко мне истинная память, а ложная развеется, подобно туману.

— Сперва оденьтесь, ваше высочество...

Вместо опостылевшей всего-то за пару дней студенческой одежки немые слуги облачили Тихона в тонкие черные обтягивающие штаны, в такую же рубашку и в зеленый камзол. Вместо деревянных башмаков подали высокие сапоги с раструбами.

«Видел бы меня Терентий — обзавидовался бы!» — решил Тихон.

Да, замок Эльфинор был не чета батюшкому терему. Таких теремов сюда вместились бы, наверное, сотня. Недаром под сводчатыми потолками даже кружили птицы, поэтому над головой принца камердинер услужливо раскрыл зонтик.

Первой достопримечательностью замка была огромная картина, изображавшая Тихона с давешней ласковой женщиной. Картинный Тихон почтительно поддерживал даму под руку. Их головы были увенчаны коронами из золотых листьев. Ноги венценосцев попирали карту Агенориды. Крылатые гении по бокам трубили им славу. Немые слуги, скользя мимо, отдавали честь не только настоящему Тихону, но и нарисованному...

— Мы выкупили тело великого дона Мольберто,

скончавшегося от белой горячки, — с гордостью сказал камердинер. — Страшно сказать, сколько золота на это ушло. Зато теперь у нас есть свой придворный художник...

— А что это я здесь бледненький такой? — встревоженно спросил Тихон.

— Оттого, что допрежь вы редко бывали на воздухе, мой принц, — сказал Мор-Милат. — Но нет худа без добра. Ваша безумная вылазка в каком-то смысле пошла вам на пользу — вы загорели, порозовели... А в здоровое тело непременно вернется и здравый дух!

— Вернется, вернется, — пообещал Тихон. — Куда он денется!

В замке Эльфинор было намного интереснее, чем в Лабиринте Академии. К тому же никто не бубнил про науку. Факелы здесь не чадили по стенам, но было светло, как днем. Неизвестно откуда доносились тихая музыка. От гранитных стен вовсе не веяло холодом, зато пахло лесом.

— Мы пока не в силах придать замку его прежний вид, — оправдывался Мор-Милат. — Говорят, при эльфах тут деревья росли прямо из стен... Но так будет, так обязательно будет! А потом мы вырастим вокруг замка настоящий эльфийский лес...

— Неплохо, неплохо, — рассеянно кивал Тихон. — Уж вы старайтесь, миленькие, без награды не останетесь...

— Не награды ради служим, — вытянулся камердинер. — Но во имя возрождения эльфийской державы... Вернется на землю древняя Правда! — страшно выкрикнул он. — К нам стекутся все обиженные владыками земными! Они и станут вашими подданными. Наши лекари уже научились надстав-

лять уши, — он приподнял седую прядь, и принц увидел настоящее живое эльфийское остроконечное ухо, — научатся они и продлевать век. А род человеческий постигнет наконец-то заслуженное возмездие!

До сих пор Тихону приходилось видеть лишь печенюшки, которые так и назывались — «эльфийские ушки». Пекли их обычно на Майский день.

— Тогда почему же у меня обычные уши? — спросил он.

Камердинер смутился.

— Вы все же наполовину человек, ваше высочество, — вымолвил он наконец. — Но для вас, будущего короля эльфов, форма ушей и не должна иметь значения! Король выше каких-то там внешних признаков!

— Разумно, — сказал Тихон. — Ну, веди меня, показывай этот самый котел Луга...

Котел Луга помещался в большом зале и высотой был в полтора человеческих роста. С одного бока к нему приложены были деревянные ступени.

— Надставлять пришлось котел, — объяснял камердинер. — Чтобы не по одному, а сразу десятком.

Потом он рассказал Тихону, откуда взялся этот котел и кому раньше принадлежал, но эта история не имеет к нашей ни малейшего отношения. Мало кто теперь вспомнит имя древнего бога Луга, тем более что был он никакой не бог, а просто очень сильный маг, которого считали богом исключительно в силу отсталости и неразвитости тогдашнего человечества.

— ...а после третьей купели выходят такие, что не говорят, не слышат и не видят, — объяснял Мор-

Милат. — Они самые страшные бойцы в подземельях и во время ночных вылазок.

— Скучно с такими, — сказал Тихон. — Да и нет у меня сейчас настроения кого-нибудь воскрешать.

— Как хотите, ваше высочество, но мэтр Кренотен...

— А кто у нас тут главный, миленький? — последнее слово в устах доброго Тихона прозвучало весьма зловеще.

— Вы, мой принц, но...

— Никаких «но», — сказал Тихон. — Я есть хочу, и нечего мне покойниками аппетит отбивать...

Тут к Мор-Милату подбежал слуга во всем черном и начал что-то объяснять на пальцах.

— Ваша матушка требует вас к себе, — сказал камердинер. — Там и отобедать изволите.

— Матушка... — вздохнул Тихон. — Надо идти.

Глава 29,

в которой узники Вместилии пытаются развлечь друг друга рассказами о своей жизни

— Надо идти, — вздохнул граф Пихто. — Не дожидаться же, пока поволокут силой. По-человечески прошу, боцман, присмотри за мальчишками. Если выйдем из этой передряги — не пожалеешь.

— Присмотрю, ваша светлость, — сказал Бен Баррахлоу. — И без всякой корысти, только из уважения.

Стражники увеличили графа Пихто, но окошко в двери закрывать не стали, отчего в камере слегка посветлело.

Арестованные студенты пока помалкивали — должно быть, с великого перепугу. Их вообще-то в Пле-

зире никто не осмеливался тронуть — в Академии была своя полиция, правда, весьма снисходительная, так как ей кое-чего перепадало после студенческих набегов на городские лавки и рынки. А тут тебе сразу страшная Вместилия...

— Очнулись, что ли? — заботливо спросил боцман. Видимо, громкий скрип запираемой двери разбудил его подопечных.

Тот, что с татуировкой на щеках, обвел камеру цепким взглядом, а другой, бледный, глядел безучастно в одну точку.

— Где мы? — спросил татуированный Терентий.

— В тюрьме, мой бедный маленький друг, — сказал Бен Баррахлоу. — В тюрьме, как и полагается всякому приличному человеку в этой беззаконной Бонжурии.

— Да я... Да батюшка... — проскрипел зубами Терентий. — Да он же их всех...

— Батюшку — или кто он вам — уже на допрос увели, — мрачно сказал боцман.

— Это не батюшка. Это граф Пихто. Он нам никто, просто знакомый, — сказал Терентий.

— Знакомый, знакомый, — проворчал боцман. — Сразу от него и отказываешься... Ненадежный ты, гляжу, парень. Если чего, не возьму тебя и поваренком; не то что юнгою...

— Да я не отказываюсь, — махнул рукой Терентий. — За что нас сюда-то?

— За покушение на августейшую особу.

— Не ждал я такого от Тихона, — сказал Терентий. — Эй, Тишка, ты тогда в театре спятил, что ли?

Обличенный Тихон побледнел еще сильнее, но промолчал.

— Ты что, родной язык забыл? Так я напомню, —

угрожающе сказал Терентий и полез к брату, сгреб его за грудки, приблизил к себе и... — Это не Тихон, — вдруг сказал он. — У Тихона глаза не такие. То есть цветом, конечно, такие, но добрые, а у этого — как хрусталь колючий...

— Кто же это тогда, по-твоему? — озадачился Бен Баррахлоу.

— Да вроде как призрак Тихона... — прошептал Терентий.

— Вероятно, его околдовали, — сказал боцман. — Вот, помнится, на островах Зеленого Змия именно таких колдуны поднимают из могилы и заставляют все делать по своей воле...

— Да не был он ни в какой могиле, — досадливо сказал Терентий. — Его и котенка убить не заставишь, даже под страхом смерти...

Тем временем Тихон-бледный начал производить руками какие-то пассы и шептать непонятные слова.

— Вот видишь: он и сам колдун, братец твой, — сказал боцман. — А ты мне тут травишь... Вот он сейчас обратит нас в мелких пташечек, и полетим на волю...

Но колдовство у Тихона-бледного, видно, не получалось. Он весь затрясся и злобно посмотрел на Терентия.

— Ты мне мешаешь, — прошипел он по-бонжурски. — Тебя не должно быть. Ты отнимаешь силу. Ты лишний. Убей его! — приказал он боцману.

— Сейчас, — сказал Бен Баррахлоу. — Сейчас, только гюйс обрасоплю. Еще я детей не убивал по приказу других детей. Интересные вы братцы, как я погляжу, юные сквайры!

— Я же говорю — это не Тихон, — сказал Терентий. — Тихона подменили. Я сейчас из него прав-

ду-то повыколочу. Я на пыточном дворе много чего насмотрелся...

Бледный брат смотрел на него совершенно безумным взглядом.

— Тебя не бывает, — сказал он. — Тебя не может быть.

— Ну, Тишка, — сказал Терентий, — пусть я и сам пострадаю, но тебя сейчас ка-ак...

Старый боцман мгновенно пересел, чтобы разделить двух братьев.

— Отставить, — сказал он. — Его светлость велел мне присматривать за вами, и уж я присмотрю. Правда, здесь нет добрых морских кошек или хотя бы линьков, но мне случалось гонять гардемаринов по палубе даже моей старой деревяшкой.

— Господа, господа, — раздался веселый молодой голос. — Да парень просто свихнулся. У него еще нет привычки к тюрьме. Там чего только не насмотришься, не наслушаешься...

— Кто это у нас такой опытный? — поинтересовался боцман.

— Брат Брателло из славного неталийского города Сан-Середино, — из темноты показалось румяное чернокудрое лицико, увенчанное небольшими усами. — Неужели не слышали обо мне и моем Братстве Братанов?

— Не доводилось, — сказал боцман.

— Тогда, может быть, попадалась книжка «Браточки славного нашего мэссера Брателло»? — не унимался неталиец.

— Молодой человек, — сказал Бен Баррахлоу. — Если вы можете представить себе старого боцмана с книжечкой в руках при переходе вокруг Мокрого Мыса в сезон дождей — у вас поистине воображение

сарацинского поэта. Потому что даже великий Твистлэнс до такого еще не додумался. Грамота дается людям для того, чтобы заполнять вахтенный журнал да читать морские лоции, а не дурацкие книжечки.

— А я-то думал... — обиженно сказал брат Брателло.

— Значит, ваша слава еще впереди, — сказал боцман. — Вот сходите пару раз на Черный Берег или к Габо-Маркесу, вернетесь живой и с добычей — тогда и слава придет. Без всяких книжечек. В любой таверне любая собака...

— Не вся добыча, что в море, синьор марино, — весело возразил неталиец. — Иначе мы все ходили бы с плавниками и жабрами. На суще тоже есть немало приятных и дорогих вещей.

— Расскажите-ка подробнее, юный сквайр. В тюрьме рассказы отвлекают от дурных мыслей. Да и эти сумасшедшие близнецы угомонятся на какое-то время — если рассказ хорош, я разумею.

— Ну, насколько он хорош, судить вам. Зато правдив, и тут уж, к сожалению, судить тем, кто в мантлях.

Жил в славном городе Сан-Середино храбрый и пригожий юноша (я не хвалюсь, так в книжке написано) по имени Брателло. Происходил он от богатых родителей и проводил дни свои с такими же молодыми бездельниками в залах для гимнастики и звездодромах, обретая силу и ловкость в обращении не только с гимнастическими снарядами.

Однажды во время игры в звездобол с такими же юношами из соседнего городка Сан-Половино в голову ему угодил сине-зеленый Уран с подачи из потока Леонид.

Когда юноша очнулся, он осознал вдруг, что все

на свете есть братья или, в худшем случае, сестры. И, стало быть, всем следует со всеми делиться.

«Браточки! — воскликнул он, приподнявшись с больничной кровати. — Для чего расточаем мы силы в бессмысленных играх и упражнениях вместо того, чтобы распространять по всему миру идеи братства и дележа? Объединимся же во имя справедливости и учредим великое Братство Братанов!»

И все его товарищи — и брат Отарио, и брат Глобус, и брат Сильвестро — закричали: «Слава брату нашему Брателло за его золотые слова! Давно пора!» А брат Джузеппе даже запел от восторга про то, что ни одно мгновение не должно проходить зря.

«Братаны! — продолжал меж тем юный Брателло. — Тут вот братья наши купцы жалуются, что обижают их братья наши разбойники. Надо защитить братьев наших купцов. За умеренную плату. Таким же образом надо защитить братьев наших лавочников, братьев наших сапожников, портных, цирюльников, ювелиров, банкиров, кузнецов, рудокопов, гробовщиков (они нам уже скоро пригодятся), скорняков, мебельщиков, каретников, а также и сестер наших — девиц нестрогого поведения. Тем временем братья наши сборщики налогов, братья прокуроры и братья судьи да отдохнут малость от своего тяжелейшего труда...»

И снова все закричали: «Да! Да! Делиться надо! Даешь банду!» А брат Джузеппе даже запел от восторга про сестру нашу Мурку.

«Нет, братья, — возразил мессер Брателло («мессер» по-немчурийски значит ножик). — Не будет у нас никаких банд, поскольку слово это не по сердцу придется братьям нашим обывателям, а будут у нас фонды. Смысл тот же, а звучит приятней. Мы станем

подогревать своим душевным теплом братьев наших арестантов по тюрьмам. Мы возьмем под свое покровительство сестер и братьев наших — вдов и сирот...»

«Откуда же взяться стольким вдовам и сиротам без войны?» — спроста спросил брат Отарио.

«Будут!» — пообещал мессер Брателло и слово свое сдержал с лихвой.

И к следующей неделе все на свете стали братья и сестры. Даже те, кто и вовсе не относился к роду человеческому — брат Кабан, брат Слон, брат Хорек, брат Муфлон, брат Двапрочента, брат Гусь, брат Лебедь, брат Береза... Одного только Петуха никто не назвал братом по вполне понятным причинам, да еще тамбовский Волк заявил, что он может быть не братом, а лишь товарищем — и то не вся кому.

Даже самые мелкие частицы оказались втянутыми в Братство Братанов. «Брат наш атом, поделись электрончиком!» — говорил, бывало, мессер Брателло — и брат атом делился, потому что деться было некуда.

И настала жизнь весьма хорошая и прекрасная. Брат Джузеппе продолжал петь, не умолкая ни на минуту. Недовольны были только братья наши обычаватели, но они всегда чем-нибудь недовольны.

Но на все хорошее найдется недобрый глаз. Поэтому вскоре в славном городе Сан-Середино стали происходить злые чудеса. Вышел как-то брат Отарио из бани, где имел обыкновение мыться, — и вдруг во лбу его образовалось отверстие, и он упал и перестал жить.

«Перестанем же лучше мыться!» — решило братство, и более никто возле бани не погиб.

Потом брат Сильвестро, выходя из трактира, подвергся такому же нападению и тоже перестал жить.

«Будем пировать по домам», — постановили братаны и возле трактиров не показывались.

Потом брат Глобус, покидая игорный дом, также оказался поражен неведомой силой в самый лоб, перестав жить...

Брат Джузеппе над могилами пел печальную песню про братьев наших журавлей...

На этом месте брат Брателло не выдержал и зарыдал.

— Ну, вот, — недовольно сказал боцман. — Я-то думал, ваш рассказ поддержит моих подопечных, а вы и сами, сэр, расклеились. Это не годится. Неужели никто из присутствующих не может рассказать историю с хорошим концом?

— Я могу, бвана моряк! — раздался низкий голос из тьмы.

— Кто там такой?

— Да я же!

Боцман внимательно вгляделся в темноту, но ничего не увидел до тех пор, пока говорящий сам не показался на свет.

— Арап! — воскликнул Бен Баррахлоу.

— Афробонжурец, с вашего позволения, — поправил его говоривший. — Мбулу Пропаданга из Камерала. Второй курс Академии.

— Ну и дела, — сказал боцман. — Да я и слыхом не слыхивал, чтобы кто-нибудь из ваших...

— Это и есть хороший конец, бвана, — сказал арап. — Потому что начало было совсем невеселое...

...Раньше мое племя еле-еле было сильным и многочисленным. Оно владело стадами и землями, охот-

ничими угодьями и рыбными озерами. Все у нас было. Раньше вообще все было.

А потом в эти благодатные места пришли, гонимые голодом, другие племена: или-или, тока-тока, многа-многа и даже презренная орда пигмеев чуть-чуть.

Почти всех победило мое славное племя еле-еле, но при этом погибло множество славных воинов. А от племени многа-многа тоже осталась лишь горстка людей.

Наш вождь Напузи, чьи кулу-кулу звенели при ходьбе, и предводитель врагов Хирамба встретились на излучине реки и постановили решить дело поединком. Таково было мнение старейшин обоих племен.

Этот Хирамба был подобен слону Гуамбо во время гона, а вождь Напузи походил на слона одними лишь своими кулу-кулу, что, как известно, только мешает и в танце, и в битве.

Но колдун племени еле-еле, которого звали Кио-Кио, нашел выход из положения и поговорил с людьми по душам их предков.

И тогда пришел к вождю прославленный охотник Мцыри-Мцыри, который голыми руками задавил сразу двух леопардов.

— О Напузи! — воскликнул он. — Я не пожалею жизни своей ради родного племени. Съешь мою печень — и к тебе придет мое охотничье умение подкрадываться незаметно.

И вождь Напузи съел печень отважного Мцыри-Мцыри, и к нему пришло охотничье умение, но этого было слишком мало для такого важного поединка.

И тогда вышел вперед могучий Камазу, который мог перенести на плечах восемь крокодилов зараз.

— О Напузи! — воскликнул он. — Я тоже рад пострадать за свой народ. Съешь мою печень — и ты сам сможешь нести по восемь, а то и по десять крокодилов зараз.

И вождь Напузи съел печень могучего Камазу и получил силу, достаточную для несения восьми и даже десяти крокодилов зараз; но этого все равно было недостаточно — слишком уж ответственный предстоял поединок.

И тогда поднялся с места опытнейший полководец Жюки-Жюки, славившийся умением топить врага в крови своих воинов.

— О Напузи! — воскликнул он. — Жить мне все равно осталось недолго, так уж и я пострадаю. Съешь мою печень — и сам обретешь великое полководческое искусство!

И вождь Напузи съел печень великого Жюки-Жюки, но это было уж и вовсе ни к чему — ведь предстоял-то поединок, а не битва тысячи против сотни.

Тогда пришел к вождю юноша Данко-Данко, чье сердце было преисполнено любви к людям.

— О Напузи! — сказал он. — Съешь мое сердце, и любовь к родному племени уверенно направит твою руку в поединке!

— Нет, — возразил колдун Кио-Кио. — Не делай этого, о Напузи, ибо любовь к своему народу есть не сила вождя, а его слабость. Лучше убей коварного Данко-Данко и съешь его печень просто так — для удовольствия.

И вот уже съедены были вождем все хоть чего-то

стоящие печени мужей племени еле-еле, а уверенностии в победе не было.

Тогда колдун Кио-Кио предложил:

— О Напузи! Твой племянник Мбулу Пропаданга славится своей хитростью, хотя и говорят, что ему дает советы мудрый паучок Ананси. Съешь его печень — и ты обманом победишь любого врага!

Тогда Мбулу Пропаданга послушал, что скажет спрятанный в его ухе паучок Ананси, вышел вперед и сказал:

— Я еще молод, и вся хитрость моя наперед будет известна врагу. А вот если я познаю все науки и все уловки белых людей да если печень моя преисполнится неведомой врагу мудрости — тогда побежит прочь проклятый Хирамба, даже не приняв боя. Дай мне, о Напузи, мешок с золотым песком, и вскоре я вернусь, чтобы и свою молодую жизнь принести в жертву племени еле-еле. А до тех пор довольствуйся печенью колдуна Кио-Кио — там столько хитрости, что она у нас уже в горле стоит.

— И верно! — сказал мудрый Напузи и потряс в знак согласия своими кулу-кулу, и они зазвенели громче обычного, что было добрым предзнаменованием.

И Мбулу Пропаданга взял золото, и пошел, и шел долго-долго, покуда не оказался в славном городе Плезире перед стенами Академии...

— Поучительная история, — сказал Бен Баррахлоу, когда низкий голос арапа отзвучал под сводами темницы. — Только я не понял — возвращаться-то ты думаешь?

— Бвана моряк, — сказал Пропаданга. — Среди черных людей, способных вернуться в такой ситуа-

ции, столько же дураков, сколько среди белых людей, задающих подобные вопросы. У меня в Плезире невеста, дочь старосты ювелирного цеха, за ней дом дают, хоть мои кулу-кулу и не звенят, как у наших и ваших вождей.

— Ты что, отец, — сказал Терентий. — Он хоть и черный, но не темный же... Слушай, а жучок этот — он что, до сих пор с тобой?

Мбулу Пропаданга ткнул себя в ухо:

— Конечно. И он уже усвоил достаточно белых премудростей, а поначалу от него толку не было... На всех экзаменах выручает, на все вопросы отвечает...

— Спроси у него, кто этот парень, похожий на моего брата? — сказал Терентий.

Пропаданга повернулся ухом в сторону Тихона-бледного. Из черной глубины показалась какая-то алая крупинка.

— Не соврал черномазый, — удивился боцман.

Тихон-бледный шарахнулся в угол.

— Не любит, — пояснил афробонжурец. — Ананси говорит, это сильный-сильный мганга-колдун. Настоящий колдун. Может быть, самый сильный в мире. И он твой брат, твой родной брат. У вас один отец и одна мать. Только где же еще один брат, спрашивает Ананси? Вас должно быть трое...

— Сроду нас не было трое, — насупился Терентий. — Эй, ты, чучело перепелесое, признавайся, кто ты есть, откуда взялся?

— Я принц... — сказал Тихон-бледный.

— Ха, принц! Да я ведь тоже... хм... не на помойке найден. Чей ты принц?

— Не имеет смысла лгать, — сказал Тихон-бледный. — Я Тандараден, принц всех эльфов Агенориды.

— О! — обрадовался боцман. — Вот и настоящий эльфийский шпион! Кричи часового — мы его сейчас сдадим и выйдем на волю...

— Нет! — воскликнул молчавший дотоле Брателло. — Это не по понятиям! Пусть брат наш часовой ничего не знает!

— Ну ты, дядя! — одернул боцмана и Терентий. — А еще пират называется! Может, он и шпион, а может, и действительно мой брат. Да хотя бы и шпион! Братьев не сдают. Только куда же Тихон-то подевался, не знаешь?

— Не знаю никакого Тихона, — сказал бледный. — Ты мне мешаешь. Отнимаешь силу. Ты не нужен. Ты лишний. Хватит одного меня.

Терентий закатал рукав, приоровился было тяпнуть себя за руку — но вдруг передумал проверять кровную связь. На всякий случай.

— А как маму нашу зовут? — внезапно спросил он.

— Королева Алатиэль, — ответил бледный.

Тут побледнел и сам Терентий, и даже боцман. А если бы Мбулу Пропаданга был причастен к этой истории, то, несомненно, побледнел бы тоже.

Но Терентий быстро пришел в себя.

— Ладно, — сказал он. — Брат там, сват... Вон парень дело говорит — один хрэн все братья... Все равно отсюда надо как-то выбираться. Я этому носатому в ножки падать не буду. Арап-арап, а насчет побега твой паучок чего думает? А вы помалкивайте! — пригрозил он кулаком бонжурцам-студентам, которые и без того сидели тихо.

Пропаданга прислушался.

— Помощь идет, — сказал он, помолчав.

И действительно, сквозь оконную решетку, отку-

да начал скучно сочиться рассвет, кто-то протискивался.

— Помоги, — велел Терентий своему бледному двойнику, который всех ближе сидел к окну.

Бледный подчинился, и тотчас на плечо к нему уселась маленькая такая старушка с крылышками.

— Я злая фея Альсидора, — представилась старушка, не дожидаясь неизбежно идиотских вопросов. — Меня прислала принцесса Изора. Я поступила с ней не по справедливости, позволила злой мачехе усыпить ее. Не воображайте, что вы мне так уж симпатичны. Разве что этот, — она потрепала бледного по щеке. — Чем-то он мне старые добрые эльфийские времена напоминает... Короче. Как принцесса и дон Кабальо могут вам помочь? Время пошло...

— Там у меня под подушкой такая бутылка... — начал было Терентий, но его перебил мессер Брателло.

— Братья мои арестанты, у меня большой опыт покидания тюрем и застенков. Расскажите, чем располагаете вы на воле, и я представлю вам наилучший план побега, который только можно вообразить...

Глава 30,

в которой встречаются старые знакомые, а советник бонжурского короля говорит страшные слова

— Должен отметить, что ваш бонжурский пре-восходен, граф, — сказал Пистон Девятый. — Но что-то не припомню вас среди посконских студентов Академии — или вы обучались в другом месте?

— В другом, ваше величество, — сказал Ироня. — Это было давным-давно на берегу Вороньего фьорда... И учителем моим были вы, сир!

Бонжурский король прищурился — не помогло.

— Зрение никуда, — сказал он. — А очки... Король в очках — это зрелище не для слабодушных. Но вот на память я не жалуюсь и прекрасно помню дни своей бурной молодости. На берегу Вороньего фьорда мы подобрали жалкого мальчишку-горбуня.. У него была еще одна примета — он хохотал, когда смотрел в огонь.

— Время все правит, ваше величество, — сказал Ироня. — И горбы, и болезни, и судьбы. Все верно. Просто посконская медицина намного опередила бонжурсскую, — приврал он.

— Мон блин, сходство несомненное, — сказал Пистон Девятый. — Но каким же образом...

— Самым чудесным, сир, — сказал Ироня. — Наука выросла из древней магии, но не отменила ее. Это я, я собственной персоной, и я передаю вам самый горячий привет от капитана Ларусса. Я прислан им сюда инкогнито, чтобы приглядывать за принцами.

— За принцами? — удивился король. — Да ведь Кадрильяк доложил мне, что сыновья Стремглава Первого отправились куда-то в Буддистан! Мон блин, что это я о делах? Вина!

Он подошел поближе и обнял Ироню. Теперь Пистон едва доставал бывшему горбуну до плеча.

— Мессир Гофре, старина, вы узнаете нашего маленького Эйрона?

Мессир Гофре находился уже в таком возрасте, когда узнают всех — или не узнают никого.

— Только вот, к сожалению, наш старый друг изволил прибыть сюда как шпион, под чужим именем, — пожаловался король.

— Повесить, — беззаботно посоветовал мессир Гофре.

— Это всегда успеется, — сказал Пистон. — Но принцы? Где принцы? Где ребята моего доброго Ларусса?

— В тюрьме, — сказал Ироня. — Вместе с остальными студентами Академии.

— А что делать?! — рявкнул король Бонжурии. — Ведь на меня полез с ножом именно студент! Во всяком случае, на нем была студенческая мантия. И посконские принцы, конечно, тоже инкогнито?

— Конечно, ваше величество, — сказал Ироня и пояснил насчет выпоротого Хомы Хроноложца.

— Я, право, надеялся, что хотя бы в Посконии этого проходимца прикончат, — вздохнул Пистон и снова заорал: — И это в то время, когда город кишит эльфийскими шпионами! Когда мертвые встают из могил и нахально вербуют других мертвецов! Когда по всей Агенориде шастают огромные армии немых воинов! Вы! И сыновья моего лучшего друга! Инкогнито! Как шпионы! Мон блин, неужели в этом мире не осталось хотя бы капли доверия? Боевого, солдатского, братского? Или короли уже не солдаты?

— Вестимо, солдаты, сир, — поклонился Ироня. — Только ссучившиеся. Посол Кадрильяк, к примеру, никаких подобных сведений не доводил до моего государя.

— Еще бы он доводил! Это же секретные сведения... А где были глаза у ваших разведчиков?

— Наши разведчики присматривали за живыми, сир.

— Вот и доприсматривались! Знаете, кто командует этими безмолвными черными ратями? Каналья Кренотен, вот кто! И при нем еще какой-то молодой колдун — исчадие руин Чизбурга! Впрочем, никаких

руин там уже нет. Проклятый Чизбург стоит, словно мы его и не штурмовали...

— Никто не мог ожидать, что так окрепнет старая магия, ваше величество, — проскрипел мессир Гоффре. — Мы больше следили за наукой...

— За наукой... Будь она проклята, ваша наука! Что она дала человечеству? Водку она ему дала, полный рот словесной белиберды она ему дала да еще несбыточные надежды! Теперь хорошего мага днем с огнем не сыщешь — и, заметьте, без всяких костров! Перевелись! Обзвелись учеными степенями! Работать разучились! Обыкновенного приворотного зелья ваша наука не в состоянии изготовить — разве что одноразового действия.

— Вы же сами утверждали, ваше величество, что наступили новые времена, — заступился за старого советника Ирона. — Что рыцарству конец и все такое...

— Утверждал, — сказал король. — Молод был и глуп, хотел казаться хитрым и коварным. Ах, надо было держаться за рыцарские идеалы руками и зубами! Тогда хоть что-нибудь да осталось бы. Теперь же любой подлец может прямо у себя на гербе так и написать: «Подлец» — и разъезжать с этим гербом повсюду, и повсюду будут его принимать... У меня наследник растет — того и гляди, что сам зарежет, материнская школа, неталийские интриги... О, как бездарно растратил я все эти годы! Надеюсь, у моего друга сыновья хотя бы не злоумышляют противу отца?

— Да нет, они славные парни, — сказал Ирон. — Умишка бы им еще...

— А может, и не надо никакого умишка, — сказал король и осушил кубок. — Пока не было в нас умишка, были мы люди и герои, а нынче... — И сплюнул.

— Вот оно, разлагающее посконское влияние, — не удержался Ироня.

— Разлагающее? — страшным шепотом спросил Пистон Девятый и зашвырнул кубок в угол. — А ты знаешь, что учудил твой король, пока ты по театрам да по тюрьмам прохлаждаешься? Ты слышал?

— Откуда, ваше величество? — Ироня даже весь внутренний смех потерял. — Я ведь все эти дни в дороге...

— Он тоже в дороге, — сказал Пистон Девятый. — Точнее, в походе. А еще точнее — мой венценосный брат и друг Стремглав Первый решил единолично избавить Агенориду от нагрянувшей беды. Да! Ему мало учиться на ошибках бонжурского дурака — ему свои ошибки подавай! Решил меня опередить! Вместо того чтобы договориться и ударить разом! В этом весь наш дорогой капитан Ларусс. Теперь посмотрим, что из этого вышло. Мон блин, магические средства связи нынче вышли из моды, а наука пока что не предложила взамен ничего, кроме дурацких сигнальных башен с деревянными руками! Мессир Гофре! Велите принести хрустальный шар и попробуйте тряхнуть стариной...

— Он не сказал мне ни единого слова, — прошептал Ироня. — Даже намека не было.

— Правильно, — сказал король. — Военная тайна соблюдена полностью. Я узнал о продвижении дружин короля Стремглава, только лишь когда они достигли немчурийских болот. Блестящий марш-бросок, ничего не скажешь — моя школа. И капитан Ларусс в ней — лучший ученик. Но даже я не успел бы за это время... Впрочем, подождем, что покажет нам эта штука. Она столько лет пылилась в чулане, и не

знаю, осталась ли в ней хоть капля старой магии...
На наше счастье... Или несчастье...

Магии в хрустальном шаре оказалось предостаточно. Более того, она словно бы накопилась за годы бездействия: изображение было четким, словно собеседники сидели где-нибудь на облачке, медленно проплывавшем над землей. Можно было разглядеть даже знамена с гербами враждующих сторон: белый хрен в конопляном поле и розетка из трех цветков бессмертника.

...Сперва, как водится, из дружины Стремглава выскочили закоперщики-ругатели и стали выкрикивать всякие обидные для врага слова. Слов, конечно, слышно не было, но Йроня очень хорошо представлял, что именно они выкрикивают, поскольку самолично составлял устав закоперщиков.

— ...в грудную клетку, в курицыну детскую, в саму наседку, в нашу соседку, в сосновую ветку, в енькину летку, в первую пятилетку, в прохладную беседку, в звездобольную сетку, в сарацинскую профурсетку, в клюв чижа, в хвост стрижа, в туловище ежа, в ухо моржа, в ворота гаража, в жало ужа, в разгар балдежа, в вождя мятежа, в творительного падежа, в королевского пажа, в прием багажа, в укус сенажа, в исход грабежа, просто для куражка... — машинально проговаривал он не слышимое никем.

Но вражеское войско, казалось, тоже ничего не слышало — воины в черных одеяниях (даже не доспехах) стояли спокойно, ртов не разевали. Да они, пожалуй, и вправду не слышали, потому что командиры подавали им знаки руками.

Молчание врага, как и опасался Йоня, подействовало на посكونичей угнетающе. С таким противником они встречались впервые. Обычно супостаты,

едва заслышав знаменитые посконские запевы «в кости, в гости, в страсти, в снасти, в вести, в челюсти», начинали разбегаться. Много лет этот способ действовал безотказно...

Дружины у Стремглава была не так уж велика, зато обучена отменно и вооружена соответственно. А у врага даже конницы не водилось, и воины его были кто с косой, кто с топором, кто просто с дрыном.

— Сейчас кавалерия их разрежет для начала, — сказал Ироня, — а уж потом начнется потеха...

Но потеха началась гораздо раньше, когда посконские кони, не довезя своих седоков до противника, стали шарахаться в стороны, становиться на дыбы, разворачиваться и скакать прочь, роняя пену. Скакать назад, давя собственную пехоту.

— Что это с ними? — в ужасе спросил Ироня.

— Это же мертвецы, — просто сказал бонжурский король. — Даже дети знают, что лошади боятся покойников. Впрочем, задним умом мы все крепки... Я, пожалуй, опозорился бы точно таким же образом...

Потоптанная посконская пехота все же нашла в себе силы перейти в наступление. Впереди, размахивая мечом, бежал Стремглав Первый.

— Безумец, — сказал Пистон. — У него что, генералов нет?

— У нас воеводы есть, — вздохнул Ироня. — Только они все уже в годах и бегать не горазды... Но ничего, в рукопашной наши себя окажут...

Посконичи в рукопашной действительно были страшны. Для живого противника. Мертвые же немые полки шли вперед и вперед, не обращая внимания на молодецкие удары мечами, на тяжкую работу

боевых топоров, на отсеченные конечности и даже головы.

— Вон тот, на носилках — каналья Кренотен, — сказал бонжурский король. — Ах, мон блин, все следует делать своими руками и не передоверять случайным людям! Ну что мне стоило тогда самому...

— Нет, ваше величество, — сказал Ироня. — Лучник Жеан был боец получше вас на ту пору. А вот куда этот гад подевался при взятии Чизбурга?

— Искали, — сказал Пистон. — Я даже награду объявили. Нашли какого-то раздавленного камнями в его плаще. Помнится, мерзавец бастард Полироль его и нашел, и денежки заграбастал... Что он делает, Эйрон? Он в своем уме?

А там, в хрустальном шаре, король Стремглэв в одиночку пробивался к носилкам с вражеским вождем.

Посконичи не отступили, нет. Они остались верны своему павшему в грязь знамени. Они просто кончились. Их оказалось слишком мало для силы, вставшей против.

Ироня стоял, закрыв лицо руками.

— Они взяли его в плен, мой друг, — сказал Пистон. — Он жив. Я немедленно начну переговоры...

— С кем? — хрипло спросил Ироня. — С Кренотеном?

— В самом деле, — сказал Пистон. — Но все равно придется поднимать армию...

— Бессмысленно, — сказал вдруг мессир Гофре. — Бессмысленно поднимать армию.

— Почему? — возмутился король.

— Мертвые всегда будут побеждать живых, потому что мертвых всегда будет больше...

Глава 31,

*в которой с великим трудом выясняются
возмутительные подробности
дерзкого побега из королевской тюрьмы*

Коменданта Вместилии сперва повесили для острастки, но сразу же вынули из петли для допроса.

Но и нескольких смертных мгновений хватило коменданту, чтобы повредиться умом, потому что понес он такое...

— Ваше величество, это все из-за свадьбы!

— Оломнитесь, де Мидюк, я вас уже помиловал. Придите в себя и толком расскажите, что именно произошло. Мне нужно только знать, кто именно сбежал и куда. И можете не вставать...

Багроволицый коменданта Вместилии сидел у стены и только всхлипывал:

— Свадьба... Проклятая свадьба...

Пистон Девятый обвел взглядом тюремный гарнизон, состоящий в основном из инвалидов.

— Комбатанты! — воскликнул он. — Неужели ни в ком из вас не найдется смелости рассказать своему королю, как было дело?

Комбатанты ежились под королевским взором. Наконец один насмелился — во всяком случае, прокашлялся.

— А, это ты, старина Пилот? Я так и думал, что участник штурма Чизбурга не должен подвести. Только не вздумай тоже городить про свадьбу!

— Пусть говорит что хочет, сир, — подсказал Ироня. — Там разберемся...

— Так что, ваше величество, — сказал однорукий седоусец с нашивками сержанта, — имело место нарушение как дисциплины, так и режима внутренней службы.

— Уже хорошо, — сказал король. — Уже обнадеживает.

— К тюремным воротам приехала принцесса Изора Мезантийская на телеге, запряженной белым вороным конём...

— И этот тронулся, — вздохнул король. — Кто же это вас так напугал, бесстрашные мои? Ведь Изора Мезантийская жила еще при Косматых королях, точнее — при Бибире Сокрашенном... А добрая фея Деррида, случаем, не прилетала?

— Никак нет, ваше величество! Прилетала злая фея Альсидора — так она, во всяком случае, доложилась. Так вот, эта принцесса Изора, что на белом вороном коне, привезла передачку узникам из четвертого каземата — решила, видно, подогреть их...

— Это какое-то новое оружие, — решил Пистон. — Навели умопомешательство на всех и убежали...

— Да вы слушайте, слушайте, сир, — сказал Ироня. — Изора Мезантийская полна жизни — уж вы мне поверьте.

— А конь? — спросил король.

— Что — конь? — спросил Ироня.

— Какой масти конь? Белый или вороной?

— Это был диалектический конь, сир. С одной стороны он и вправду белый, зато с другой — вполне вороной, — сказал Ироня.

— Спасибо, ваше сиятельство! — воодушевился сержант. — Но на коне сидел рыцарь в черных латах и без головы...

— Рыцарь тоже диалектический? — безнадежно спросил бонжурский король.

— Вздор, пустые латы, я проверял, — сказал Ироня. — Пусть сержант продолжает.

Ободренный сержант подкрутил усы единственной рукой и сказал:

— Привезла, значит, принцесса Мезантийская Изора узелок. Ну, мы проверили. Хлебушко, маслице, рыбка копченая... А еще в узелке была какая-то игрушка навроде дракончика — ну как живой! Мы прямо засмотрелись на него и обо всем забыли... Как есть из памяти вылетело... А она в это время, должно быть, засов и открыла...

— Игрушечный дракончик, — с сомнением сказал король. — Может, он у вас еще и говорящий был?

— Как есть говорящий, ваше величество! Только не по-нашему.

Пистон с надеждой посмотрел на Иронию.

— Все так. Потом объясню, — сказал граф Пихто.

— ...И еще была там бутылочка, ваше величество, — сконфуженно сказал сержант Пилот.

— Вот с бутылочки и надо было начинать! — воскликнул король. — От нее, проклятой, все беды Бонжурии!

— Добрая бутылочка, вместительная, — продолжал сержант. — Темного стекла и со стеклянной же пробкой. И написано опять же не по-нашему...

— Ну не тяни, — сказал король.

— Мы порядок знаем, — с достоинством заявил сержант. — Нужно же попробовать — вдруг заговорщики решили отравить узников, чтобы не сболтнули лишнего? Мы такие бутылочки всегда проверяем досконально...

— Не сомневаюсь, — сказал король.

— И только я эту пробочку отыкнул, — сказал сержант, — как все и началось...

— Что началось? — взревел король в нетерпении.

— Так свадьба же, ваше величество... — пискнул сержант.

— Опять свадьба?! — от королевского вопля даже вековые стены крепости задрожали.

В ответ на королевский взгляд Ироня пожал плечами:

— До сих пор он не врал, сир...

— Свадьба, ваше величество, самая настоящая свадьба! То ли я на свадьбах не гулял? Да нас, ветеранов, туда едва ли не силком тащат! Принято так теперь! Свадьба, да еще какая богатая, веселая! Столы накрыты, гости пьяны, музыканты играют фламбетты и лариоли, на одном конце поют «Где ты, Франсуазушка, ночку ночевала?», на другом «Плезир — славный городок, Столенграда уголок». Нас сажают за столы, мы молодых поздравляем... За это время, ваше величество, вся тюрьма уйти могла — а ушло только несколько человек из четвертого каземата...

— Куда же вы смотрели? — устало спросил король, заранее смиряясь с любым бредом.

— Так мы спохватились! — не без гордости сообщил однорукий Пилот. — Еще как спохватились! Да поздно опомнились: арестанты все в телегу попрыгали и мешковиной сверху накрылись...

— Постой, — сказал Ироня. — Ты приметлив, сержант, так скажи — кто из узников бежал? Ты запомнил?

— Конечно, запомнил — побег-то ведь на моей памяти первый! Двое студентов бежали — один по сконич, другой арап, потом еще бандит этот кучерявый... Да одноглазый моряк на деревяшке... Ну и принцесса, понятное дело. Чего же ей оставаться...

— Значит, двое студентов бежали?

— Двое, ваша светлость. Они уж третьего, блед-

ногого такого, уговаривали, уговаривали: братец, братец... А он надулся, завернулся в мантию и стоит посреди двора...

— И где же он теперь? — продолжал допрос Ирона, так как король находился в полуобморочном состоянии.

— Только телега скрылась — а помчала она по Северному тракту, — с великим жаром продолжал сержант, — как этот бледненький захотел, вскинул руки кверху — и сгинул.

— Плохо дело, — ахнул Ирона. — Значит, и вправду это не он... То есть он...

— А свадьба? — совершенно пьяным голосом спросил бонжурский король.

— Какая свадьба? — удивился сержант.

— Да та, которой вы мне голову морочите с первого слова! — прорычал Пистон Девятый.

— Ах, свадьба-то? Так она ненастоящая оказалась, обманная...

— Да я понимаю, что обманная, — сказал Пистон таким голосом, что Ирона вчуже пожалел старого знакомца. — Это даже такой дурак, как ваш король, понимает. Где жених, невеста, родня, гости — надеюсь, под арестом?

— Как же — арестуешь их! Я, конечно, кинулся к невесте, хвать ее за... ну, вы понимаете, ваше величество: А в руке у меня только пригоршня ртути... Вон лужица, извольте сами убедиться. А прощелыге Гастону повезло больше, он ловил жениха, достался же ему кусочек золота... Не прячь, скотина, выкладывай!

Постепенно выяснилось, что вместо гостей на свадьбе (мы-то помним, что она была алхимическая!) гуляли всякие случайные для несведущего человека элементы — медь, серебро, сурьма, ярь-мединка, же-

лезо, свинец, винный камень, множество кислот и щелочей («Все камзолы в дырках, смотрите, ваше величество!») да еще кучка какой-то дряни, в которой дон Кабальо без труда определил бы экстрагированную мочевину — видно, это добро и впрямь было редкостным у алхимиков.

— Плохо дело, — повторил Ироня. — Я знаю, куда они поехали. Они поехали в Чизбург выручать Тихона. Настоящего принца Тихона...

— Послушайте, друг мой, я не понимаю...

— Объясню потом, ваше величество. Если вернусь. Потому что моего короля тоже неизбежно привезут туда же, если уже не привезли...

Пистон Девятый старательно распинал по углам преступные элементы и составы земные, отряс голову от чародейной муты и негромко сказал безмолвному адъютанту:

— Мою гвардейскую роту. В полной боевой. Больше никого. Оставляю Плезир на вас, мой добный Гофе.

— Но, ваше величество...

— Никаких «но». На этот раз победа мне не светит, но зато ни одна собака в Агенориде не скажет, что король Бонжурии способен бросить в беде старого друга. Лучше пасть в бою, чем дожидаться этих мертвяков здесь. Нам с капитаном Ларуссом везло, когда мы дрались вместе, — мон блин, не повезет ли и на этот раз?

Ироня воспринял слова Пистона Девятого как должное.

— И поспешиш, сир! Быть может, беглецов уже задержали на какой-нибудь заставе...

— На это не надейтесь, — сказал король. — Конечно, бонжурский солдат — самый храбрый в мире, кто бы спорил, но при слове «чума»...

Глава 32,

в которой приходит к завершению рассказ о мужицком короле и эльфийской королеве

Во всякой истории — правдивой или сказочной, — если рассказывать ее по-честному, развязка приходит внезапно. Как бы ни были отважны герои, какими бы чудесными приспособлениями ни пользовались, за какие бы невероятные случайности ни цеплялся недобросовестный сочинитель, а финала ему не избежать. Это как кирпич на голову.

Да, телега с беглецами благополучно миновала все заставы и добралась до Чизбурга.

Да, король Пистон и его гвардейцы в компании с Ироней почти догнали телегу у городских ворот.

Нет, принцу Тихону не удалось ничего предпринять, используя сходство с принцем Тандараденом, потому что принц Тандараден прямо из тюремного двора очутился в крепости и сразу же все встало на место. Да ведь и любой читатель, у которого есть знакомые близнецы, наверняка прекрасно их отличает друг от друга, а вымышленным персонажам все не обязательно быть глупее живых людей.

Нет, беглецам не удалось тайно проникнуть в город под видом покойников, потому что принц Терентий, выглянув из-под мешковины, увидел отца, закованного в цепи, и полез его выручать.

Мессир Гоффре был прав: мертвецы всегда побеждают живых — во всяком случае, могут взять их в плен.

Неудавшийся лекарь, неверный ученик великого Примордиала, мэтр Кренотен мог теперь торжествовать. Из мелкого заговорщика, исполнителя чужой воли, он превратился теперь во владыку Агенориды. Достаточно было и того, что самые могущественные

короли континента — Пистон Девятый и Стремглав. Первый — стояли перед ним в оковах.

Огромный зал, так поразивший принца Тихона, был теперь полон народу. Пленники стояли перед помостом, ведущим в котел Луга.

— Увы, теперь и смерть ничего не значит, — вздохнул Пистон Девятый. — Мон блин, лучше было бы броситься в плавильную печь придворного алхимика...

— Ты не поместился бы в эту печь, старая ты рухлядь, — проворчал король Стремглав. — Совсем себя распустил.

— Зато вы пойдете в котел в великолепной форме, капитан Ларусс, — откликнулся король Бонжурии. — Все равно люди назовут нас идиотами, и будут правы. Мы сами, по доброй воле пришли на бойню!

— Хорошо держитесь, государи мои, — похвалил монархов Ироня. — Но вы не пришли на бойню. Вы просто первыми решили испытать будущую судьбу всего мира. Но, увы, изменить ее вы не в силах...

— Мальчишек вот только жаль, — сказал Стремглав. — Даже этого... выродка... И откуда он взялся?

— Может быть, попробуем напоследок что-нибудь выкинуть? — сказал Пистон. — А то стоим, ждем неведомо чего... Пусть, например, каждый из нас задушит цепями по одному стражнику...

— Да, и их воскресят вместе с нами, — подхватил Ироня. — Похоже на то, дяденьки короли, что в этой жизни нет никакого места подвигу.

— Ироня, — сказал Стремглав, — тебе-то зачем с нами пропадать? При всяком дворе нужен шут.

— А горбы? — сказал Ироня. — Кто мне вернет мои старые, добрые горбики? Да и поглядел я на это-

го третьего принца в тюрьме. Не нужен ему шут, это уж точно.

— Меня уже один раз пробовали сварить в котле, — сказал старый пират Бен Баррахлоу. — Черномазые на Берегу Семи Черепов. Кстати, а где наш арап?

— Он, верно, уже далеко, брат мой синьор марино, — отозвался мессер Брателло. — Его паучок подсказал ему весьма дальную мысль... Я вот думаю, не увлечь ли мне эльфийского принца идеями братства и дележа? Я, собственно, за этим сюда и потащился: перетереть с братом моим эльфийским принцем на счет всего мира.

— Интересно, нас сначала убьют или бросят в котел живыми? — спросил Тихон.

— Не будет он нас убивать, — сказал Терентий. — Сам подумай — он же такой, как мы. Нет, он нас, шакал семипалатинский, беречь будет...

— Терешечка, батюшку жалко...

— Представь себе, и мне жалко, — сказал Терентий. — Ну что бы мне пролежать, промолчать — глядишь, чего-нибудь да и придумали бы...

— Нет, — сказал Тихон. — Тут живого мигом вычислят, я уж присмотрелся... А Василька ты хотя бы догадался отпустить на волю?

— Нет, — растерялся Терентий. — Он же у Изоры был...

— Здесь я, мальчики, — откликнулась Изора. — Нет у меня вашего василиска. Он умнее людей оказался.

— Я гляжу, тут все умней людей оказались, — сказал Терентий.

— Я-то, мальчики, привыкла за столько лет в

гробу, — сказала принцесса Мезантийская. — А вам это, конечно, внове...

— Ну, а если бы все иначе обернулось, — сказал Терентий, — так кого бы ты выбрала?

— Третьего, конечно, — сказала Изора. — Женщина всегда выбирает победителя. И если вы в меня влюбились, то и он, несомненно, должен... Как он на меня смотрел там, на тюремном дворе!

— Вот, — сказал Терентий. — Говорил я тебе, Тишка, все они одинаковые...

— А зачем же ты помогла нам бежать? — спросил Тихон.

— А я загадочна и непредсказуема, — сказала Изора и надулась.

— Помолчи, красавица, — сказал король Стремглав, обернувшись к сыновьям. — Простите меня, дети мои, что родил вас на беду и вам, и всему белому свету. Сбылась моя мечта стать мужицким королем, да лучше бы ей и не сбываться...

— У тебя хоть одна мечта сбылась, — сказал Пистон Девятый. — С такими сыновьями и умирать не страшно...

— Нет, — сказал Стремглав. — С третьим — страшно.

— Тиша, — негромко спросил Терентий, — а ты бате сказал, что мать жива?

— Нет, — сказал Тихон. — А почему — не знаю...

— Вот и не говори.

— Почему?

— Не знаю...

И тут зазвенели невидимые трубы, загудели незримые струны, и люди узнали эльфийский напев, потому что музыка эльфов надолго пережила самих эльфов.

Принц Тандараден вышел прямо из гранитной стены, а мэтр Кренотен выскочил из какого-то постайного хода, потому что не умел ходить сквозь камень.

Принц Тандараден, в отличие от своих безмолвных подданных, одет был во все зеленое, даже мех на опушке плаща был от какого-то зеленого зверя. Голову его венчала корона из золотых кленовых листьев.

Глядя на него, Тихон и Терентий с запоздалым сожалением поняли, какие они были, в сущности, шикарные парни. Принцесса Изора глубоко вздохнула.

— День пришел! — визгливо вскричал мэтр Кренотен. — Никто не ждал его, но он пришел! Отныне будет на всей земле одна держава и одна воля — эльфийская держава и воля владыки ее, наследного принца эльфийского Тандарадена!

Снова запели трубы, и принц вышел вперед.

— Радуйтесь! — обратился он к пленникам. — Вы ожидали казни — а я вас награжу. Вы ожидали возмездия — а я дам вам бессмертие, как дал его уже многим и многим тысячам. И неважно, кем были вы в прежней жизни — солдатами, бандитами, королями, студентами... Неважно, какой национальности вы были и на каком говорили языке. Среди вас есть даже мои так называемые родственники — так называемый отец и так называемые братья. И даже это неважно.

После того как вы пройдете через котел Луга, вы не умрете, но вы изменитесь.

В сердцах ваших исчезнет рознь, но будет одно лишь единение в любви к тому, кто даровал вам жизнь вечную.

Я возрождаю древнюю эльфийскую державу, но уже на новых основаниях.

Вы утратите дар речи — но лишь для того, чтобы все народы мира могли общаться между собой с помощью простого и понятного языка жестов. Перестанут возникать разрушительные идеи, перестанут плестись заговоры, сойдут на нет любые разногласия — все то, что погубило эльфов седой древности. Их место займете вы — сначала избранные, а потом и все ныне живущие на свете.

Древние эльфы не мстят людям за то, что люди их уничтожили, — эльфы принимают людей в свои ряды.

Воцарится благодатная тишина, прерываемая лишь пением птиц и шумом лесов, которые поднимутся на месте ваших безобразных замусоренных поселений. Вы будете жить в разумном единении с природой. А чувства ваши можете выражать музыкой, которая подходит для этого лучше всякой речи. И тогда навеки забудутся страсти, насилие, кровь.

Все вы сейчас как бы уснете, а проснувшись — не узнаете себя...

Принц Тандараден хотел взмахнуть руками, но не получилось: ведь Тихон и Терентий находились рядом и были в тесных оковах.

Тандараден дернул плечом и прошептал что-то на ухо Кренотену. Братьев тотчас же расковали, но зато приставили к каждому по двое стражников.

— Ни хрена у тебя без нас не получится, — громко сказал Терентий, но Тандараден не знал посكونского.

Он все же попытался вернуться к прежнему высоконемому тону:

— Вы утратите имена — не жалейте об этом! Имя

лишь звук, всуе будоражащий воздух. Отныне имя ваше — ветер в камышах, звон ручья на камнях, эхо далекого горного обвала... Наставник! Они мне мешают! Убей их!

И указал на Тихона с Терентием.

— Никак нельзя, ваше высочество, — зашептал Кренотен. — Вы ведь тогда...

— Тогда он и сам сдохнет! — крикнул Терентий.

— Ты уж побереги себя, братец! — поддержал его Тихон.

Принц эльфийский понемногу успокоился.

— Что ж, так называемых братьев придется держать в золотой клетке, — сказал он. — Но судеб мира это ни в коей степени не должно касаться. Это все наши королевские дела. Не кричит же бонжурский король на всех углах о том, что его наследник — во все не его... Кстати, решим заодно и прочие земные дела. Вон та девушка — да-да, принцесса, я имею в виду именно вас — Изора Мезантийская. Вы будете моей женой. У вас прекрасная наследственность. Вы познали существование в гробу между бытием и не-бытием — лучшей спутницы жизни нельзя и желать...

— Мальчики, — шепнула Изора. — Я отправлю его в первую же ночь — знаете ведь мой перстень? А уж тогда не зевайте...

— А он с тобой без нас все равно ничего сделать не сможет, — ехидно сказал Терентий. — Мы же будем с Тишкой по ночам в шахматы играть со всем хладнокровием и сосредоточенностью. Вот уж он, бедняга, поколотится!

Вряд ли Изора что-нибудь поняла — и, наверное, к счастью.

— Что ж, начнем с так называемого отца — пала-ча и убийцы Стремглава Первого! — воскликнул

принц Тандараден. — Велико его преступление и так ужасно, что говорить о нем я не стану. И тем не менее он будет жить, это чудовище...

— Батю — не трожь! — заорал Терентий.

— Помилуй батюшку, — сказал Тихон, но как-то очень решительно.

По знаку Кренотена стражники схватили их за руки, приставили копья к груди...

— Понял, брат? — спросил Терентий, указав подбородком на грудь.

— Понял, брат! — откликнулся Тихон, но броситься на острое железо не смог, потому что не смог пошевелиться вообще.

И никто в зале не смог. Все в оцепенении слушали грохот копыт по камню.

Василиск Василек сидел на шлеме черного всадника и поводил своей маленькой головкой туда-сюда.

Дон Кабальо обхехал застывшего в каком-то магическом пассе принца Тандарадена и так поддал его задними копытами, что владыка эльфийской державы взлетел в воздух и хлюпнулся прямо в котел Луга.

Тут силы Василька иссякли, он и сам упал со шлема куда-то под котел.

— Спасайте... — крикнул было мэтр Кренотен, а кого спасать, осталось неизвестным, поскольку черный рыцарь точным ударом давно заржавевшего меча снес ему голову и одарил всех присутствующих белоснежной улыбкой.

На поверхности котла показались голова и руки эльфийского принца. Он снова пробовал чего-то колдовать.

— Утопим его, шавку криворожскую! — скомандовал Терентий, и они с Тихоном побежали к помосту. — Коня поцелуй, дура! — успел крикнуть Терентий.

Принцесса Изора не привыкла к такому обращению и поэтому немедленно побежала к дону Кабальо.

Немые черные стражники никому не мешали, поскольку не знали, кому подчиняться. Да и вообще движения их как-то замедлились, по залу пополз трупный запах...

Котел Луга раскачивался из стороны в сторону. Король Стремглав взбежал на помост, за ним устремился Пистон Девятый, а уж за Пистоном — его верная и в плену гвардия.

Помост не выдержал такого количества спасателей и рухнул.

Котел закрутился на месте. Его стенки выгибались, словно распираемые чем-то изнутри. Спасатели разбежались, чтобы их не придавило.

Мбулу Пропаданга очень удивился, когда красивая белая девушка, подбежав, поцеловала вовсе не доблестного черного рыцаря, а конскую морду.

Мбулу Пропаданга удивился еще больше, обнаружив, что сидит уже не на коне, а на шее у белого мужчины средних лет с длиннющими, ниже пояса, шевелюрой и бородой.

Но дальше ему удивляться было уже некогда, поскольку паучок Ананси наконец-то втемяшил афро-бонжурцу, что нужно опрокинуть котел.

Один да два — будет три? Ах нет.

Упали в колдовской котел трое, а вышли — двое.

Это были на вид все те же Тихон и Терентий — румяные, загорелые, — но только куда покрупнее прежних близнецов: и ростом повыше, и в плечах пошире, так что вся одежда их разлезлась по швам.

— Батюшка, ты жив? — грянули братья в две глотки.

Но Стремглав не глядел на них, потому что в зале появилась королева Алатиэль.

Пистон Девятый, Ироня и еще пара старых бонжурских гвардейцев могли бы поклясться, что Алатиэль нисколько не изменилась с того дня, как объявила капитана Ларусса своим рыцарем. Только не было тогда на ней такого нарядного зеленого платья, не было и ожерелья в виде цветов бессмертника.

Они долго-долго смотрели друг на друга.

Так долго, что все черные немые служители замка Эльфинор успели обездвижиться, упасть и истлеть с большим запозданием.

Так долго, что цепи, в которые закованы были пленники, успели заржаветь и рассыпаться в рыжую пыль.

Так долго, что гранитные глыбы, из которых был сложен замок, начали крошиться от древности и падать по камешку на трескающиеся плиты пола.

Так долго, что даже и самое верное сердце устало бы стучать.

Наконец мужицкий король радостно улыбнулся, сделал шаг вперед к своей эльфийской королеве — и упал.

В те дни поэты не говорили — «он умер». В те дни поэты говорили — «он узнал тайну жизни».

Король Стремглав узнал тайну жизни: он умер.

Подбежавшие сыновья поняли это сразу, потому что не были уже прежними Тихоном и Терентием — они уже все знали, все понимали и ничему не удивлялись.

И они посмотрели на ту, которая дала им жизнь — им и тому третьему, что будет теперь всегда в них присутствовать, — с пониманием и сожалением. И они поняли, что мать их не узнает и никогда не узнает.

И Алатиэль это поняла, и достала трехгранный кинжал, и последовала за своим супругом, как и должно поступать эльфийской королеве.

Глава 33,

*в которой юнцы занимаются государственными делами,
а зрелые мужи приближаются к осуществлению
чисто юношеской мечты*

— Ну вот, я надеялся, что повезет, — сказал Пистон Девятый. — И повезло... Еще одна убийственно сбывающаяся мечта. Еще одна загадочная история любви.

— Отчего же загадочная? — сказал Ироня. — Все части этой загадки у меня, да только нет ни малейшего желания их складывать... Пусть уж люди сами...

К собеседникам подковылял боцман Баррахлоу.

— Ваша светлость, я узнал! Я ее узнал!

— Вот видите, сир, — сказал Ироня. — Еще один... Боцман, я велел вам держать язык за зубами?

— Так точно, ваша светлость.

— Вот и держите. А еще лучше — убирайтесь подальше от континента, куда-нибудь на теплые острова. Не то в следующий раз я вас все-таки повешу.

— За что вы так беднягу? — спросил бонжурский король, когда испуганный пират со всей возможной скоростью удалился от них.

— Он нарушил слово, которое дал совсем недавно...

— Вы в самом деле считаете, что мы правильно поступили, похоронив наших несчастных друзей именно здесь?

— Такова была воля сыновей. И спорить я не смог. Я не знаю этих парней, и я их, признаться, боюсь. Во всяком случае, побаиваюсь. Их природная натура отныне отравлена разумом, и остается лишь уповать на лучшее.

Бонжурский король и посконский шут стояли на склоне у развалин Чизбурга, на том самом месте, где когда-то отчаянные рыцари собирали цветы, выросшие на крови.

Колдовство кончилось, и руины снова стали руинами. Люди вовремя успели покинуть их.

— Знаете что, Эйрон, — сказал Пистон Девятый. — То, что говорил там эльфийский выродок, — чистая правда. Я был бы рад избавиться от nominalного наследника и усыновить одного из наших сироток. Ведь они еще несовершеннолетние! Вы можете объявить себя их опекуном...

— Вы еще скажите — регентом, сир. Эти сиротки сами кого хочешь усыновят...

К ним подошла рыдающая принцесса Изора.

— В чем дело, дитя мое? — бонжурский король в любых обстоятельствах не мог не утешить красивую девушку.

— Они... Не хотят...

— Чего не хотят? — изумился король.

— Не хотят жениться... Говорят, что уже умные...

Что я отсталая... Что бесприданница...

— Что делать, дитя? — беспомощно развел руками Пистон Девятый, и его виконт дю Шнобелле уныло повис. — Недаром же пела старая ведьма: «Жениться по любви не может ни один король». Впрочем, я могу вернуть вам великое герцогство Мезантийское, восстановить его в прежних границах...

— Спасибо, ваше величество, — сказала принцесса. — Это после того, как меня почти пятьсот лет по ярмаркам таскали? С такой репутацией?

— В Посконии о вас слыхом не слыхивали, — сказал Ироня. — Вы можете поехать со мной. Я одинок и не стеснен в средствах...

— Ага, и каждый день видеть этих... Этих... — И принцесса опять заревела в голос. — Они были такие... Один такой хороший... Другой такой плохой... А эти... эти... Они **НИКАКИЕ!**

— Ну а дон Ка... то есть дон Раймундо — чем он плох? Красив, умен, учен, утив, отважен, находчив... Тем более вы его расколдовали, он будет вам благодарен по гроб жизни... — сказал Ироня.

— Да? И по гроб жизни плодить нищету, дожидаясь, покуда он получит свое алхимическое золото? Вы бы мне еще этого неталийского братана присоветовали. «Сестра наша Изора, не сходить ли тебе на панель ради подогрева братьев наших узников?» Спасибо. Черный мальчик, конечно, неплох, но он уже помолвлен с какой-то там дочерью ювелира. Ее, разумеется, можно отравить, но осадок-то останется! И вообще, я их, арапов, знаю: чуть что по нему — задушит...

— И съест, — добавил Ироня, надеясь развеселить Изору, но она не поняла.

— И съе-ест... — Повторяя это, она пошла прочь по склону.

— Подумать только — сказал Пистон Девятый. — Кажется, совсем недавно вот здесь, в павшем Чизбурге, я держал в руках судьбы целого континента, а сейчас не могу решить судьбу одной-единственной девчонки, пусть в ней даже полно древних предрасудков.

— Мы уже ничего не решаем, — сказал Ироня. — И Стремглав, мир его памяти, уже ничего бы не решал, уверяю вас. Вы заметили, сир, как грамотно эти ребята все организовали — от похорон до связи? И в Плезир, и в Столенград уже отправлены курьеры с соответствующими распоряжениями. Обе армии войдут в Немчурию, усмиряя поднявших голову герцогов. Боюсь, что новые Тихон и Терентий скорей найдут общий язык с вашим наследником, сир, нежели с вами.

— Тогда мне конец, Эйрон. Тогда я и дня не проживу. Но... формально ведь все было сделано от моего имени?

— Молодежь не любит формальностей, мой добродушный Пистон... Боюсь, мне тоже не найдется места в новой Посконии. Пожалуй, зря я был так резок с боцманом.

Снова подбежала принцесса Изора — уже веселая.

— Ура! Дедушка-пират повезет меня на остров, где зарыто много-много золота!

— Ну-ка, зови сюда своего дедушку...

Бен Баррахлоу вернулся не один. С ним были и дон Раймундо, бывший конь, и мессир Брателло, и даже афробонжурец Мбулу Пропаданга.

— Бен, — сказал Ироня. — Мы тут с их величеством псовещались и решили плонуть на старую Агенориду с ее жуткими тайнами. Что вы, старый моряк, можете нам посоветовать?

Боцман задумался.

— Вот тут у меня на деревяшке вырезана одна старая карта, но очень приблизительная, — сказал он. — Золота на этом острове больше, чем у Кавтиранта Багрянорожего и у султана Салоеддина, вместе взятых...

— Я с вами, — сказал дон Раймундо, и человеческий голос у него был совсем другой. — В родном городе мне места нет. Я буду считаться там бродягой-неудачником. А где сокровища, там и древние рукописи. Я еще совершу свое собственное Великое Дело и посчитаюсь с доном Хулио Тебенадо в астральных сферах.

— Я с вами, — сказал Мбулу Пропаданга. — Оказывается, в этой проклятой Бонжурии — пардон, ваше величество, — можно иметь только одну жену.

Да и ту бе-елую, как мертвец. И зимы у вас холодные...

— Я с вами, — сказал мессир Брателло. — Фонд наш разворован, лучшие из братьев погибли, брат Джузеппе поет под окнами богатеев ради нескольких сольди. Да и едва ли кто лучше меня сможет поделить найденное сокровище по совести, братья мои!

— Хм, — сказал Пистон Девятый, король Бонжурии. — Я еще не стар, прекрасно владею мечом, умею строить осадные машины и поднимать людей в атаку. Дома меня ждут злобы, интриги, скорая смерть. Так чего я там забыл? Я знаю, боцман, что стрижанцы невысокого мнения о бонжурском флоте, но все же какой корабль вы бы предпочли? Покуда печать еще со мной, я немедленно подпишу королевский указ о пиратском захвате этого судна.

Ироня расхохотался.

— Над чем смеетесь, граф? — спросила принцесса Изора, уже воображавшая себя пиратской королевой.

— Над тем, дорогая, что из одной истории неизбежно вырастает другая, и так без конца, хотя все они об одном и том же...

— Странно, граф, но ведь все истории — разные!

— Нет, моя милая, все истории об одном и том же.

— Так о чем все-таки?!

— О любви и смерти, прекрасная Изора, о любви и смерти — о чем же еще?

ЭПИЛОГ

Это были неплохие люди — веселые, смелые, красивые.

Но они забыли о том, кто спасал их не раз и спас в последний раз.

...Маленький Василек очнулся под развалинами Чизбурга. Левое крылышко придавило тяжелым камнем.

Он попробовал кричать, но скоро понял, что на верху уже никого нет.

— Эх, что же вы... Василиска забыли... — запла-
кал он.

После долгих усилий крылышко удалось освобо-
дить. В луже оказалась вода из колдовского котла,
она быстро помогла восстановить силы.

Василек огляделся. Здесь можно жить. Дон Каба-
льо говорил, что настоящему василиску и нужно
жить в таком месте. И питаться крысами, чтобы вы-
расти большим и сильным.

Ловить крыс будет легко. Они сами приползут на
его жалобный писк. А отползти уже не смогут.

Он будет есть крыс. Он будет расти. Пройдет год,
два, двести, пятьсот лет — пока Василек наконец не
почувствует, что настала пора напомнить о себе не-
благодарным людям.

О нет, он не будет злобным и мстительным. Он
выше этого.

Он не станет своим дыханием превращать в ог-
ненные шары полицейские вертолеты, не будет тер-
зать когтями роскошные тела кинозвезд, не станет
сшибать могучим хвостом небоскребы. Он не такой.
Он добрый.

Человечество ждет счастливый конец.

*Красноярск—Санкт-Петербург,
1999—2001 гг.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

МУЖИЦКИЙ КОРОЛЬ И ЭЛЬФИЙСКАЯ КОРОЛЕВА

ГЛАВА 1, которая стоит не на своем месте исключительно с целью заинтриговать читателя	5
Пролог	6
ГЛАВА 2, в которой рассказывается, что такое царские знаки (и автор советует читателю поискать таковые на себе)	10
ГЛАВА 3, в которой сын шорника слышит предсказанное старцем Килостратом слово	16
ГЛАВА 4, в которой рассказывается о несомненной пользе ночных бдений и разговоров	24
ГЛАВА 5, в которой Стремглав становится свидетелем королевского суда	30
ГЛАВА 6, в которой объясняется, кто такие есть боляре, чем они болеют и как лечатся	39
ГЛАВА 7, которую автор вполне мог бы развернуть до размера полноценной скандинавской саги, но пожалел читателя	49
ГЛАВА 8, в течение которой совершенно непонятным, чудным и удивительным образом, противным науке и здравому смыслу и заставляющим вспомнить о враге рода человеческого, проходит аж целых семь лет	54

ГЛАВА 9, в которой Стремглав становится капитаном Ларуссом и возвращается после опасного поручения к своему королю	54
ГЛАВА 10, в которой говорится в основном о женщинах и об эльфийском племени	61
ГЛАВА 11, в которой капитан Ларусс собирает подснежники в одном очень опасном месте	67
ГЛАВА 12, в которой излагаются приключения капитана Ларусса в далеких землях	75
ГЛАВА 13, в которой, как и прилично данному числу, уже содергится предвестие несчастья	80
ГЛАВА 14, в которой предвещенное несчастье разворачивается во всей своей красе	86
ГЛАВА 15, в которой Стремглав в одиночку берется сделать то, чего не добилась вся бонжурская армия .	94
ГЛАВА 16, состоящая в основном из картинок и подписей к ним	101
ГЛАВА 17, в которой Стремглав покидает бонжурсскую армию, получив вместо одной обещанной награды совсем другую, а также рассказывается о Великом Уговоре Агенориды	106
ГЛАВА 18, в которой рассказывается о том, как возникают из ничего беспорядки, могущие привести к крушению державы	114
ГЛАВА 19, в которой, вопреки всему, действительно все удается, а также объясняется, как помазывают на царство и отчего золотуха всегда предпочтительнее поноса	123
ГЛАВА 20, в которой обильно цитируется знаменитая книга знаменитого путешественника	132
ГЛАВА 21, которая, вопреки логике, продолжает самую первую главу	137
ГЛАВА 22, в которой произносится большое количество тостов при почти полном отсутствии закуски	141
ГЛАВА 23, в которой раскрываются некоторые тайны плезирского двора, а новорожденные принцы выказывают весьма странные свойства	147

Часть вторая
ДВОЕ ИЗ ЛАРЦА НА СУНДУК МЕРТВЕЦА

ГЛАВА 1, в которой, по примеру нынешних газет, приводится календарь памятных событий	154
ГЛАВА 2, в которой рассказывается о расцвете Посконии, о белом хрене в конопляном поле и о злостной клевете, распространяемой западными журналистами	156
ГЛАВА 3, в которой уточняются некоторые особенности посконских принцев	163
ГЛАВА 4, в которой на посконскую землю приходят спорт и литература	168
ГЛАВА 5, в которой целиком и полностью излагается роман о Когане-варваре, причем в том виде, в каком книга досталась принцу Тихону	175
ГЛАВА 6, в которой оба королевича теряют невинность — один намеренно, а другой поневоле . .	182
ГЛАВА 7, в которой принц Тихон находит настоящее дело для себя и брата	185
ГЛАВА 8, в которой лишний раз доказывается, что никакое богатство не дается даром	191
ГЛАВА 9, в которой королевские сыновья, сами того не желая, нарушают Великий Уговор Агенориды . .	197
ГЛАВА 10, в которой решено отправить принцев на обучение, только под чужими именами	205
ГЛАВА 11, в которой рассказывается о большой обиде, причиненной посконским королем великому ученому	210
ГЛАВА 12, в которой фрейлина Инженю преображает принцев до полной неузнаваемости, а король Стремглав с облегчением избавляется от василиска .	216
ГЛАВА 13, в которой, разумеется, снова приключается несчастье	221
ГЛАВА 14, в которой старец Килострат произносит свое последнее пророчество	225
ГЛАВА 15, в которой Тихон и Терентий попадают к злому гостиннику	228

ГЛАВА 16, в которой старая поговорка поверяется делом	232
ГЛАВА 17, в которой принцы попадают к очень доброму гостиннику, проживающему с весьма чистоплотной матушкой	237
ГЛАВА 18, в которой объясняется, почему на постоялом дворе Киндея людям кусок в рот не лезет, а также открываются куда более важные тайны.	247
ГЛАВА 19, в которой появляется обещанный старцем Килостратом конь странной масти	255
ГЛАВА 20, в которой дон Кабальо не только рассказывает печальную повесть, но и поет не менее печальную песню	261
ГЛАВА 21, в которой впервые рассказывается об еще одном герое этого романа	273
ГЛАВА 22, в которой принцам и дону Кабальо приходится решать финансовые проблемы	277
ГЛАВА 23, в которой Тихон и Терентий влюбляются, а бородатые дети получают по заслугам	282
ГЛАВА 24, в которой излагается (к счастью, в сильно сжатом виде) история Плезирской Академии	294
ГЛАВА 25, в которой проходит первый день студенческой жизни посконских принцев, а Терентий извлекает из того немалую пользу.	299
ГЛАВА 26,	
в которой вся честная компания идет на представление, а попадает в конце концов... Что же вы хотите — два раза по тринадцать!	307
ГЛАВА 27, в которой старый пират и бывший горбун вспоминают осаду Чизбурга	315
ГЛАВА 28, в которой принца Тихона принимают за совсем другого принца.	326
ГЛАВА 29, в которой узники Вместилии пытаются развлечь друг друга рассказами о своей жизни	333
ГЛАВА 30, в которой встречаются старые знакомые, а советник бонжурского короля говорит страшные слова.	346

ГЛАВА 31, в которой с великим трудом выясняются возмутительные подробности дерзкого побега из королевской тюрьмы	354
ГЛАВА 32, в которой приходит к завершению рассказ о мужицком короле и эльфийской королеве	360
ГЛАВА 33, в которой юнцы занимаются государственными делами, а зрелые мужи приближаются к осуществлению чисто юношеской мечты	370
Эпилог	374

Литературно-художественное издание
Успенский Михаил Глебович
БЕЛЫЙ ХРЕН В КОНОПЛЯНОМ ПОЛЕ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *И. Андронати*

Художественный редактор *С. Лях*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

Корректор *Т. Пикула*

В оформлении переплета использована работа художника *И. Варавина*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
 обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

*Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:*

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

Москва, ул. Профсоюзная, 81 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-18.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрэзерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать с готовых монтажей 17.05.2005.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 14,9.

Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 4502312.

Отпечатано на ФГУИПП «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

Лауреат
престижных
литературных премий,
звезда российской
фантастики.

Новый фантастический
роман в серии
«Абсолютное оружие»!

«ВОЗВРАЩЕНИЕ
ДЖИННА»

www.exmo.ru

Издательство «Эксмо» представляет

АЛЕКС ОРЛОВ

В СЕРИИ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Алекс Орлов –
знаменитый писатель-фантаст!

Книги Орлова мгновенно
становятся бестселлерами!

Многочисленные фаны
называют Орлова «российским
Эдмоном Гамильтоном»!

Роман «База 24»
и его продолжение
«Штурм базы» написаны
в традиционном
для автора жанре –
фантастической боевике!

Также в серии:
«Атака теней»,
«Тени войны»,
«Двойник императора»,
«Особый курьер»

СЕРИЯ

«РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

- А. Громов «Феодал»
- Д. Янковский «Нелинейная зависимость»
- В. Бурцев «Пленных не брать!», «Зеркало Иблиса»
- А. Плеханов «Неестественный отбор»

Славный богатырь Жихарь вдоволь на странствовался по белу свету, подвигов поначудил, читающую братию повеселил. Настала очередь помериться с ним молодецкой удалью и лыцарским благородством королю посконскому Стремглаву Бесшабашному и его сыновьям-неразлучникам –

принцам Тихону и Терентию.

Наукой доказано, что одна минута смеха продлевает жизнь на целых десять. Попробуйте посчитать, какой могучий жизненный резерв содержится в блестящем романе Михаила Успенского!

